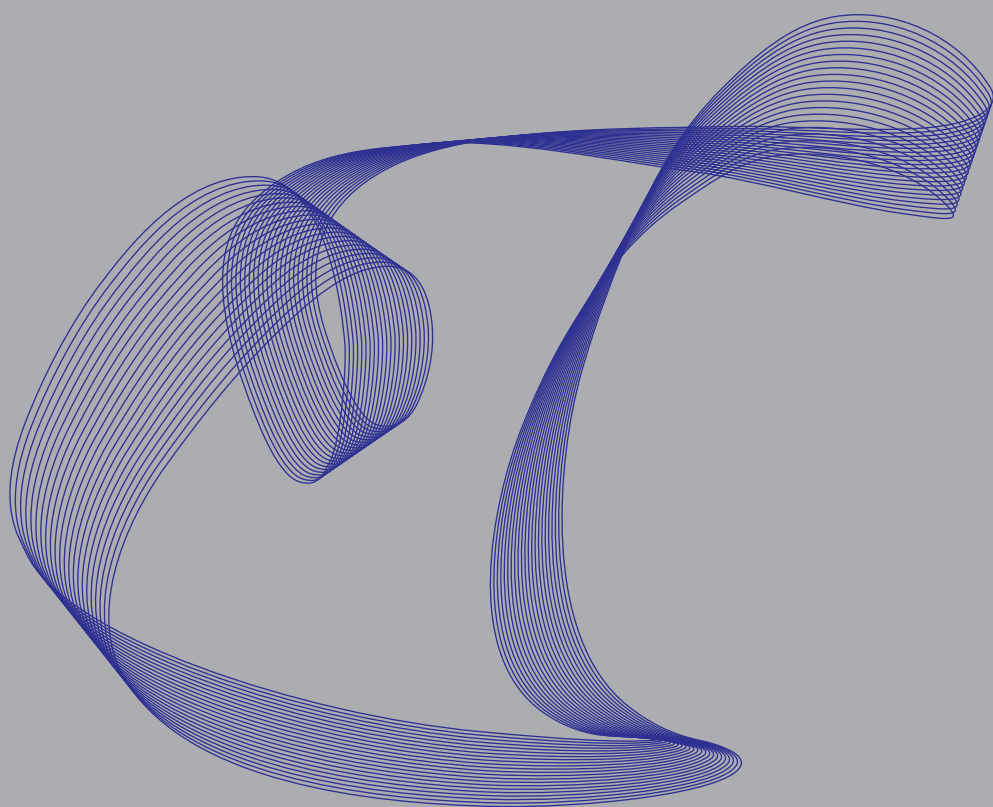

**ПРОСТРАНСТВЕННАЯ
ЭКОНОМИКА**

1 2010

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ЭКОНОМИКА

Научный журнал
Основан в марте 2005 г.
Выходит 4 раза в год

№ 1 (21) 2010

УЧРЕДИТЕЛИ

Дальневосточное отделение Российской академии наук
Институт экономических исследований
Дальневосточного отделения Российской академии наук

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Академик РАН *П. А. Минакир*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

*Н. Е. Антонова, Р. В. Гулидов, Е. И. Деваева, А. Н. Демьяненко, В. Д. Калашиников,
Б. Х. Краснополяский, С. Н. Леонов, Н. В. Ломакина, Е. Л. Мотрич, О. М. Прокапало,
О. М. Рензин, Л. А. Самохина (ответственный секретарь)*

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Акад. РАН *А. Г. Гранберг* (председатель), акад. РАН *П. Я. Бакланов*,
акад. РАН *В. В. Кулешов*, акад. РАН *В. И. Ишаев*, акад. РАН *А. И. Татаркин*,
чл.-корр. РАН *И. С. Королев*, чл.-корр. РАН *В. Н. Лаженцев*, чл.-корр. РАН *В. В. Михеев*,
чл.-корр. РАН *В. И. Суслов*, чл.-корр. РАН *В. А. Цветков*,
д-р экон. наук *С. Д. Валентей*, д-р экон. наук *В. А. Ильин*,
д-р экон. наук *О. В. Иншаков*, д-р экон. наук *А. П. Латкин*,
д-р экон. наук *В. Н. Лексин*, д-р экон. наук *В. Ю. Малов*,
д-р экон. наук *Н. Н. Михеева*, д-р экон. наук *С. А. Суспицын*,
д-р филос. наук *Л. Е. Бляхер*, проф. *Цунео Акаха* (США), проф. *Инь Цзянь Пин* (КНР)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия 10 октября 2005 г. Свидетельство ПИ № ФС77-23107

Журнал включен ВАК Минобразования РФ в перечень ведущих научных журналов и изданий, рекомендуемых для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора наук по экономике

- © Дальневосточное отделение РАН, 2010
- © Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН, 2010
- © Редколлегия, составление, 2010

CONTENTS

From the Chief Editor	4
Articles	
<i>Minakir P. A.</i> The World Crisis: National and Regional Responses	6
<i>Kolomak E. A.</i> Interregional Disparities in Russia: Economic and Social Aspects	26
<i>Prokapalo O. M.</i> Spatial Differentiation of the Macroeconomic Indicators in Russia's Economy	36
<i>Nayden S. N.</i> Differentiation of the Social Indicators in the RF Constituent Entities	55
Translations	
<i>Jose Ramon Lasuen.</i> Urbanisation and Development – the Temporal Interaction between Geographical and Sectoral Clusters. <i>Conclusion</i> (Translated from Eng. by V. N. Ukrainskiy)	68
Essays	
<i>Minakir P. A.</i> Towards the 100th Anniversary of the Amur Expedition	105
A Summary of Priority Measures in the Russian Far East	107
Messages	
<i>Khokhlova O. A., Budazhanaeva M. Ts.</i> Statistical Evaluation of the Quality of Economic Development of Russia's Regions	133
<i>Krasnopol'sky B. Kh.</i> Spatial Sciences and their Role in Studying Spatial Formations Economics	147
Reviews	
<i>Demyanenko A. N.</i> Asian Russia: An Experience of Interdisciplinary Research (on the book «Asian Part of Russia: A New Development Stage of the Country's Northern and Eastern Parts»).....	157
Current News	
<i>Suslov D. V.</i> International Scientific Conference «Japan in the Asia-Pacific Region»	180
<i>Vlasyuk L. I.</i> The 12th Regional Competition-Conference of Young Scientists	181
Authors	186
Annotations	188

СОДЕРЖАНИЕ

От главного редактора	4
Статьи	
<i>Минакир П. А.</i> Мировой кризис: национальные и региональные реакции	6
<i>Коломак Е. А.</i> Межрегиональное неравенство в России: экономический и социальный аспекты	26
<i>Прокапало О. М.</i> Пространственная дифференциация макроэкономических индикаторов в российской экономике.....	36
<i>Найден С. Н.</i> Дифференциация показателей социального развития субъектов РФ	55
Переводы	
<i>Хосе Рамон Ласуэн.</i> Урбанизация и экономическое развитие: временное взаимодействие между географическими и отраслевыми кластерами. <i>Окончание</i> (перевод с англ. В. Н. Украинского).....	68
Очерки	
<i>Минакир П. А.</i> К 100-летию Амурской экспедиции	105
Свод первоочередных мер на Дальнем Востоке	107
Сообщения	
<i>Хохлова О. А., Будажанаева М. Ц.</i> Статистическая оценка качества развития экономики регионов России	133
<i>Краснопольский Б. Х.</i> Пространственные науки и их роль в изучении экономики пространственных образований	147
Рецензии	
<i>Демьяненко А. Н.</i> Азиатская Россия: опыт междисциплинарного исследования (о книге «Азиатская часть России: новый этап освоения северных и восточных регионов страны»).....	157
Хроника	
<i>Суслов Д. В.</i> Международная научная конференция «Япония в Азиатско-Тихоокеанском регионе»	180
<i>Власюк Л. И.</i> Двенадцатый краевой конкурс-конференция молодых ученых	181
Авторы номера	186
Annotations	188

От главного редактора

Предлагаемый вниманию читателя номер журнала — юбилейный. Ровно пять лет назад вышел первый номер журнала «Пространственная экономика». За эти пять лет читатель познакомился с материалами уже 20 номеров журнала. Пять лет — маленький срок, но для научного журнала это целая жизнь. Научных, научно-публицистических, научно-популярных журналов в области экономики и общественных наук в целом и в России, и за рубежом издается так много, что не только найти и отстоять свою нишу, а просто даже не затеряться и не стать унылой «братской могилой» проходных повествований «вообще про регион» — это большая проблема. Удалось ли нам не потеряться или даже обрести свою клеточку в обширной матрице научной периодики? На этот вопрос может ответить только читатель. Лишь научному сообществу принадлежит право оценить результаты наших усилий и подтвердить полезность журнала для оформления того научного направления, которое стало его названием.

Редакция журнала может лишь предложить формальное свидетельство того, что журнал замечен и оценен научным сообществом. К этим формальным свидетельствам относится то, что авторами журнала стал широкий круг исследователей из ведущих научных центров России (Москва, Санкт-Петербург, Волгоград, Новосибирск, Екатеринбург, Иркутск, Хабаровск, Владивосток, Сыктывкар, Апатиты, Якутск, Благовещенск, Томск, Улан-Удэ) и зарубежных стран (Япония, Китай, Республика Корея, Германия). Об этом же говорит и широкий резонанс регулярных публикаций в журнале переводов научных статей, опубликованных по тематике журнала в ведущих периодических изданиях мира. Еще одним формальным, но важным показателем является широкая для нового журнала география его распространения (экономические институты РАН, ведущие научные библиотеки РФ, ряд министерств и ведомств РФ, вузы экономического профиля в Дальневосточном, Сибирском, Уральском, Поволжском, Центральном и Северо-Западном федеральных округах, а также ряд университетов и научно-исследовательских организаций Японии, США, Китая, Республики Корея, Австралии).

Но, конечно, самое главное — это понимание того, насколько удастся журналу выполнять роль рупора и координатора научных исследований по проблемам пространственной экономики. Сложность ответа на этот вопрос определяется тем, что весьма трудно поддается пока определению, во всяком случае, строгому определению, собственно «пространственная экономика». Недавно прошедший Первый Российский экономический конгресс нагляд-

но продемонстрировал все трудности в деле формулирования самостоятельной предметной области исследований по направлению «пространственная экономика». Реальность такова, что превалируют исследования, связанные с экономическими процессами в рамках даже не отдельных регионов, но административно-территориальных единиц. Конечно, эта реальность отражается и на страницах научной периодики, в том числе и на страницах нашего журнала. Еще одной характеристикой является то, что межрегиональным взаимодействием, оценкам пространственных экстерналий уделяется существенно меньше внимания. Это также не может не отражаться на страницах журнала. Чрезвычайно проблемной областью исследования является соотношение экономических и географических подходов и инструментов при исследовании хозяйства на территории. В этой сфере в настоящее время существует не столько взаимодействие двух дисциплин и выработка междисциплинарного подхода к исследованию пространства, сколько параллельное существование одного и другого подходов при обилии подмены одного другим. Как правило, географы не видят ничего странного, делая суждения относительно экономики, а экономисты не находят ничего предосудительного в том, чтобы говорить об экономике в ее проявлениях на территории, не обращая внимания на географические аспекты проблемы.

Такое объективное положение вещей не может не вносить некоторой сумятицы и в системную классификацию результатов научных исследований, отражаемую журналом. Конечно, этого не может не чувствовать читатель, конечно, это не может не вызывать досады как у читателя, так и у редколлегии журнала. Но это объективный этап, на котором находится наука. Я очень надеюсь, что усилия, предпринимавшиеся в течение пяти лет и предпринимаемые сейчас в рамках нашего журнала, пусть в малой степени, но послужат делу продвижения по пути формирования стройной методологии и самостоятельного инструментария пространственной экономики как раздела общеэкономической теории, имеющего принципиально важные для практической экономики экспериментальные приложения. Эти приложения уже сейчас видятся и далее будут весьма многообразны. В частности, их можно обобщить в следующих формах: прикладные исследования формирования и развития локальных пространственных экономических систем; закономерности и особенности хозяйственного функционирования и развития в рамках единиц административно-территориального деления страны; измерение прямых и косвенных эффектов межрегиональных и межтерриториальных экономических взаимодействий; измерение пространственных распределений экономических эффектов функционирования и развития экономических агентов различного вида и масштаба.

УДК 338.1(571.6)

П. А. Минакир

МИРОВОЙ КРИЗИС: НАЦИОНАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ РЕАКЦИИ

Рассмотрены реакции национальной и региональной экономик на проявления кризисных процессов в 2008—2009 гг. по основным макроэкономическим параметрам. Показано изменение динамических характеристик экономики Дальнего Востока, которое принципиально не отличается от модификаций национальных трендов, хотя имеет региональную специфику.

Кризис, цикл, факторы, динамика, макроэкономические параметры, экономика, регион, Россия, Дальний Восток.

Кризис в национальной экономике. Значительные сбережения в форме золотовалютных резервов и стабилизационного фонда, конвертированного в ликвидные ценные бумаги США и Европейского союза, должны были послужить надежным компенсатором в условиях разразившегося мирового кризиса. Источником российских резервов являлась как раз приобщенность России к странам — чистым экспортерам и кредиторам остального мира после 2001 г. Из кризиса 1998 г. Россия вышла, имея золотовалютные резервы порядка 10 млрд долл. США, а внешний долг, который был преимущественно государственным долгом, — в 170 млрд долл. США. Но уже в 2008 г. золотовалютные резервы России увеличились до 428 млрд долл., что должно было служить надежной гарантией для поддержания равновесия финансовой системы. Однако за этот же период внешний долг превысил 500 млрд долл.

© Минакир П. А., 2010

Данная статья продолжает анализ кризисной ситуации и ее последствий для экономики России и Дальнего Востока, начатый в № 1 журнала «Пространственная экономика» за 2009 г. [10].

Статья подготовлена при поддержке проектов ДВО РАН № 09-1-П24-01 и № 09-1-ООН-02.

Казавшаяся удивительной трансформация структуры внешней задолженности, притом, что ее совокупный размер увеличился более чем в 3 раза при росте стоимости ВВП за тот же период в 1,8 раза, оказалась результатом представлявшегося вполне рациональным макроэкономического поведения.

Согласно официальной версии фундаментом российского экономического роста являлись не внешние, а в основном внутренние факторы — инвестиции и прирост конечного спроса. С точки зрения эконометрических оценок это соответствовало истине. Но противоречило логике более глубокого системного анализа экономических эффектов в российской экономике.

Источником финансирования внутренних инвестиций являлись внешние займы инвесторов и банков. Они в свою очередь основывались на экспортных доходах от углеводородов (экспорт топливно-энергетического сырья в 2008 г. составлял почти 67% всего российского экспорта по стоимости). Источником финансирования роста потребительских расходов являлись инфляция заработной платы и внешние займы банков. Инфляция заработной платы опиралась на рост доходов бюджета, которые в свою очередь поддерживались приростом экспортных доходов.

Рост потребительского и инвестиционного спроса стимулировал рост предложения и, соответственно, увеличение валовых инвестиций и спроса на труд, что вызывало новый виток инфляции заработной платы и роста потребительского и инвестиционного спроса. В сфере фиктивного капитала эта обратная связь отражалась стремительным ростом фондовых индексов, которые служили дополнительным источником финансирования растущего спроса.

Таким образом, посткризисное десятилетие (1998—2007 гг.), в течение которого происходил беспрецедентный рост конъюнктуры на сырьевых рынках под воздействием общего перегрева мировой экономики, стало временем формирования удивительной схемы трансформации экспортных доходов российских корпораций и российского бюджета в прирост внешней задолженности российских же банков и корпораций. Сутью этой трансформации является формирование положительного контура обратной связи в российской экономике, который был подобен такому же контуру в экономике США.

Схема эффектов подобной трансформации была весьма проста, даже примитивна: 1) рост экспортных доходов — рост доходов бюджета — конвертация части рублевых доходов в международные обязательства для сокращения денежной массы и сдерживания инфляции — рост стоимости денег — увеличение спроса на зарубежные заимствования по сравнительно низкой

ставке процента; 2) рост экспортных доходов — рост нормы накопления — увеличение спроса на ссудный капитал — рост ставки процента — рост спроса на зарубежные заимствования.

Таким образом, интересы федеральных монетарных властей, которые боролись с инфляцией, и корпораций, которые торопились использовать выгодную конъюнктуру для расширения товарного предложения и наращивания корпоративных активов, замечательным образом пересеклись.

С 2005 г. Россия перешла из разряда чистых кредиторов в категорию чистых заемщиков, оставаясь при этом страной с экспортно ориентированной экономикой. Чистая инвестиционная позиция России стала стабильно отрицательной. В 2008 г. чистая инвестиционная позиция России по отношению к остальному миру составила уже 127 млрд долл. [1, с. 44].

Превращение российской экономики из «экспортера-кредитора» в «экспортера-заемщика» обусловило двойной шок — шок внешнего спроса и шок внешнего кредитования. Ни одна из макроэкономических компонент экономики не была готова к такому «двойному» удару: структура экономики перегружена добывающими производствами, которые не в состоянии перестроиться на внутреннее потребление, банковско-финансовый сектор не в состоянии «перехватить» в необходимых масштабах ориентированный на внешние финансовые рынки спрос на финансовые услуги и заемный капитал [1, с. 45]. При этом шок внешнего спроса мультиплицирован зависимостью финансовых заимствований российских экономических агентов от экспортных доходов, что усугубило ситуацию. Сокращение спроса на рынках сырья не только сказалось на объемах выпуска продукции в России, но и существенно сократило финансовый поток в российскую экономику. Одновременно сократились возможности заимствований на глобальном финансовом рынке.

Таким образом, распространенное в начале кризиса и ставшее почти заклинившим, охотно поддерживаемое официальными экспертами утверждение о том, что Россия стала жертвой «чужих ошибок», совершенно не соответствует действительности. В России, как и практически во всех странах «двадцатки», исключительно быстро сформировались три классических «пузыря» (на фондовом, товарном и жилищном рынках). Это вполне подготовило в российской экономике почву для внутреннего кризиса перепроизводства капитала, спусковым крючком для которого стали падение мирового рынка капитала и шок спроса на внешних рынках.

Летом 2008 г. резко обрушился российский фондовый рынок. Если сравнивать глубину этого падения с основными мировыми биржами, то падение в России было самым глубоким [10, с. 13—15].

В IV квартале 2008 г. спад начался в реальном секторе российской эконо-

мики. Уже в декабре 2008 г. стоимость промышленного производства уменьшилась на 10% по сравнению с декабрем 2007 г. По единодушному мнению аналитиков и правительства, причина не целиком была связана с кризисом. Однако иных причин не указывалось.

Первый удар кризиса приняли на себя строительство, черная и цветная металлургия, добыча сырья и сфера услуг, особенно финансовых. Это абсолютно большая часть российской экономики. К этому добавилось и то, что при высокой доле добывающих отраслей сокращение темпов негативно сказывается на транспорте, который тоже начал сворачивать объемы перевозок.

Уже в ноябре 2008 г. Центральный банк был вынужден объявить о расширении валютного коридора, т. е. активировать процедуру плавной девальвации рубля. Это было вызвано стремлением компенсировать потери бюджета и сырьевых корпораций от снижения экспортных цен. Эта цель была отчасти достигнута, но одновременно была спровоцирована паника на валютном рынке и подтверждены опасения населения и экономических агентов относительно кризисных перспектив экономики.

Коммерческие банки и даже промышленные предприятия, корпорации и население получили практически государственную гарантию того, что конверсия рублевых активов в иностранную валюту является самой выгодной спекулятивной операцией. Уже в декабре 2008 г. огромные суммы сбережений населения, активов банков и оборотных средств предприятий и организаций были переведены в валюту.

«Валютное подтверждение» кризиса дало старт обвалу индекса потребительских намерений. Доля отказов от покупки автомобилей составила 70%, а от покупки жилья уже 75%. Индекс потребительской уверенности (совокупные потребительские ожидания населения) упал в IV квартале 2008 г. до -20%, по сравнению с III кварталом 2008 г. снизился на 21 п. п., а по сравнению с IV кварталом 2007 г. — на 15 п. п. «Потребительский энтузиазм» откатился до уровня IV квартала 2000 г. (-17%). В течение 2009 г. потребительское поведение населения оставалось важным фактором отрицательной динамики в экономике в целом. Несколько оптимистичнее складывались ожидания молодежи, но в целом даже в молодежной группе населения индекс потребительской уверенности в III квартале 2009 г. оказался ниже, чем в IV квартале 2008 г. А во II квартале население продемонстрировало уровень пессимизма, сравнимый с 1990-ми гг. (рис. 1).

Неуверенность потребителей не могла не сказаться на уровне потребительского спроса. Инфляция компенсировала падение номинальных значений спроса, но резкое торможение темпа роста потребительских цен в 2009 г. стало важным сигналом неблагополучия в экономике (рис. 2).

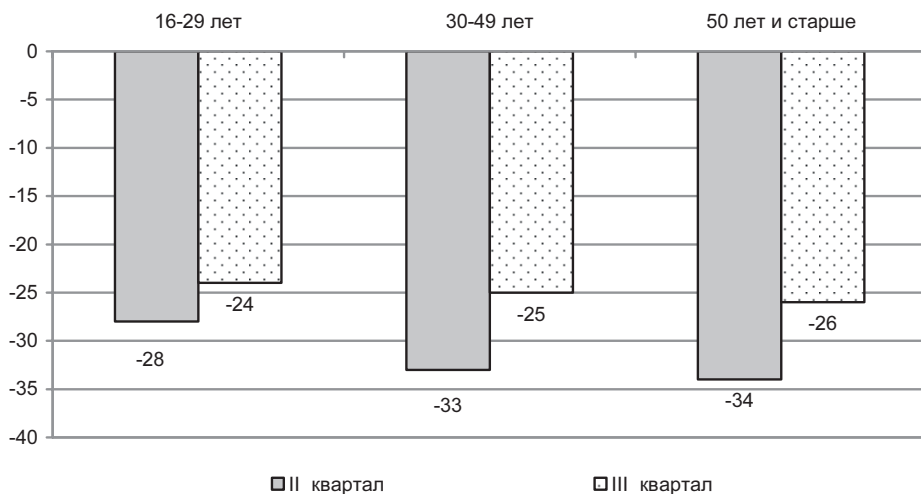

Рис. 1. Индекс потребительской уверенности по возрастным группам населения во II и III кварталах 2009 г.

Источник: [6].

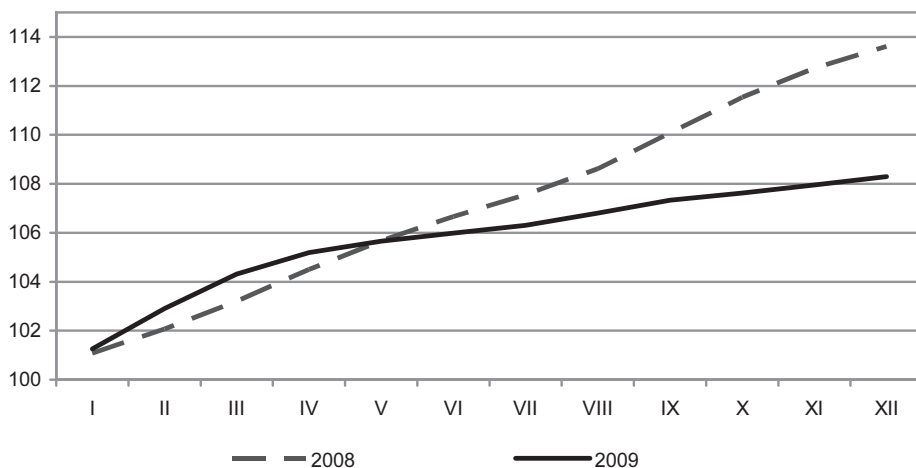

Рис. 2. Индекс потребительских цен на конец периода, % к декабрю предыдущего года

Источник: [6].

Совместный эффект ужесточения спросовых ограничений на внутреннем и внешнем рынках, роста стоимости денег и ухудшения условий кредитования обусловил глубокий трехмесячный спад промышленного производства. С февраля 2009 г. промышленное производство перешло в фазу стагнации. До конца 2009 г. промышленность так и не смогла выйти на уровень октября 2008 г., который явился начальной точкой кризиса (рис. 3).

Рис. 3. Индексы промышленного производства, % к среднемесячному значению 2006 г.

Источник: [6].

Это сказалось, естественно, и на финансовых результатах. В январе — октябре 2009 г. сальдированный финансовый результат (прибыль минус убыток) российских экономических агентов (без сельскохозяйственных организаций, субъектов малого предпринимательства, банков, страховых и бюджетных организаций) в действующих ценах составил +3233,4 млрд руб., или +103,3 млрд долл. США. В январе — октябре 2008 г. аналогичный показатель составлял +4567,8 млрд руб., или +190,6 млрд долл. США.

Спад в промышленном секторе был усугублен катастрофическими показателями в строительстве. Резкое удорожание денег в банковской системе и, главное, глубокий кризис доверия, поразивший всю финансово-экономическую систему, практически парализовали кредитную сферу. Кредитный паралич в условиях ухудшившейся ликвидности, нехватки оборотных средств, чрезмерного прироста запасов быстро привели к падению валового продукта в национальной экономике, размер которого в начале кризиса не предсказывали даже наиболее пессимистично настроенные рейтинговые агентства.

Провал в области ВВП в России (рис. 4) связан, очевидно, с отсутствием структурных компенсаторов в российской экономике, которыми в развитых странах являются малый бизнес, сфера услуг и другие непромышленные сектора. С начала 2009 г. изменение тренда цен на нефть на мировых рынках послужило положительным фактором для российской экономики. Цены на нефть в течение 2009 г. повысились практически в 1,5 раза, что обусловило переход основных макроэкономических показателей в России в зону положительных значений по отношению к показателям 2006—2007 гг.

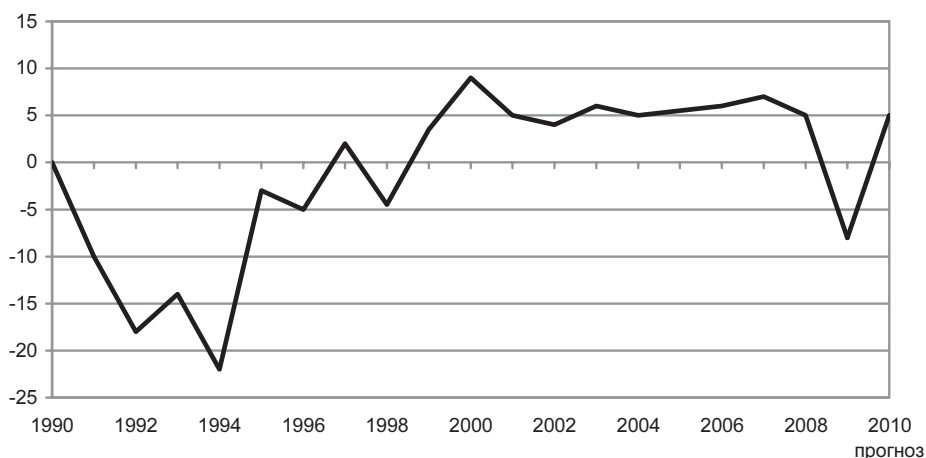

Рис. 4. Динамика ВВП России в ценах 1990 г. (1990 = 100%)

Источник: [2].

Несмотря на наличие значительных золотовалютных и бюджетных резервов, накопленных к середине 2008 г., кризис в России оказался глубже, чем в основных мировых экономиках. Если по глубине падения промышленного производства Россия имела сопоставимые результаты с Канадой, Великобританией, США, Францией и имела преимущество перед Японией, Германией, Италией, то по степени падения ВВП Россия оказалась лидером (табл. 1).

Таблица 1

Темпы роста реального ВВП и промышленного производства,
% к предыдущему периоду

Страна	2005	2006	2007	2008	III квартал 2009 г. в % к III кварталу 2008 г.
Россия	6,4/5,1	7,7/6,3	8,1/6,3	5,6/2,1	-8,9/-13,5
Бразилия	3,1/...	3,9/...	5,6/...	5,1/...	-1,2/...
Германия	0,8/3,8	3,0/6,2	2,5/6,9	1,3/0,3	-4,8/-18,3
Индия	9,2/...	9,8/...	9,4/...	7,3/...	6,1/...
Италия	0,6/-0,7	2,0/3,6	1,6/2,1	-1,0/-3,3	-4,6/-20,1
Канада	3,0/1,7	2,9/-0,2	2,5/-0,1	0,4/-4,6	-4,0/-13,4
Китай	10,4/...	11,7/...	13,0/...	9,0/...	7,7/...
Великобритания	2,2/-1,7	2,9/0,1	2,6/0,4	0,7/-3,0	-5,2/-11,5
США	2,9/3,3	2,8/2,2	2,0/1,5	1,1/-2,2	-2,3/-11,4
Франция	1,9/0,3	2,2/0,9	2,3/1,5	0,4/-2,2	-2,4/-14,2
Япония	1,9/1,4	2,0/4,4	2,3/2,7	-0,7/-3,2	-4,5/-26,5

Примечание: числитель — ВВП; знаменатель — промышленное производство.

Источники: [3; 18].

Наиболее очевидным сигналом для восстановления экономической активности стала динамика фондовых индексов. Долларовый индекс московской биржи РТС показал в течение 2009 г. рост в размере 128%. Это наивысший показатель среди всех ведущих мировых бирж. Даже рост котировок на наиболее активной и наименее пострадавшей от кризиса Шанхайской бирже составил 80%. Однако этот рост является индикатором вероятности восстановления экономики, но автоматически не трансформируется в новый подъем.

В частности, за первые 10 месяцев 2009 г. внешнеторговый оборот России составил, по данным Банка России, 389,4 млрд долл. США (59,1% к январю — октябрю 2008 г.), в том числе экспорт — 238,6 млрд долл. (57,8%), импорт — 150,8 млрд долл. (61,3%) при положительном сальдо торгового баланса (87,8 млрд долл. против 166,6 млрд долл. в январе — октябре 2008 г.). В октябре 2009 г. объемы экспорта и импорта только вышли на уровень января 2008 г. (рис. 5). За исключением продовольственных товаров, по всем основным экспортным товарам стоимость экспорта уменьшилась от 26% для машин и оборудования до 62% для минеральных удобрений. На 45% сократился экспорт товаров топливно-энергетической группы и экспорт металлов.

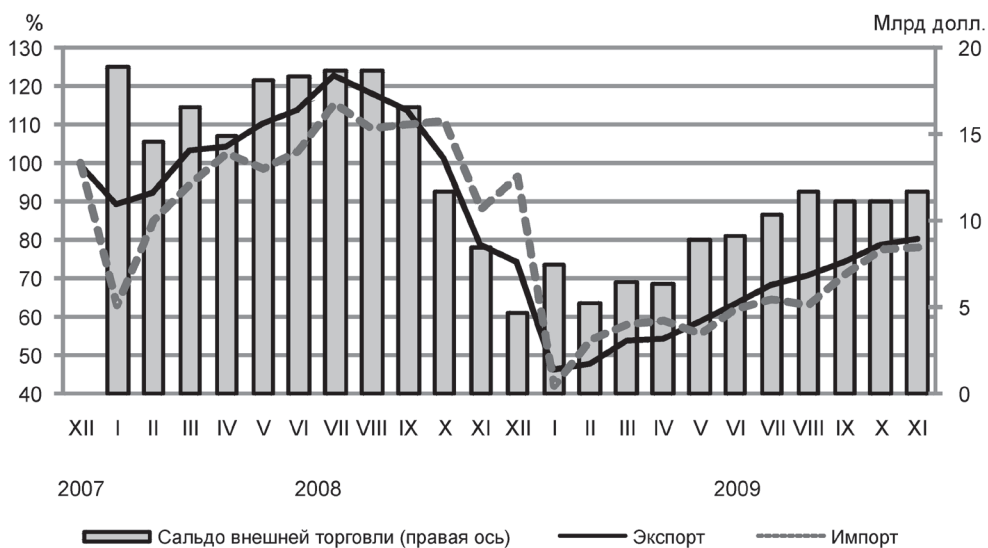

Рис. 5. Динамика экспорта и импорта РФ, % к декабрю 2007 г.

Источник: [2].

Незавершенность циклического спада в экономике России очевидна не только при анализе данных о внешней торговле, но и в области практически

всех макроэкономических показателей (*табл. 2*). Это обстоятельство является весьма досадным с политической точки зрения, так как дает основание сомневаться в рациональности избранного способа «ручного управления», основанного на чрезмерной централизации общественных ресурсов. Собственно говоря, основанием для такого рода сомнений является сам факт тяжелейшего кризиса российской экономики, хотя для стран экспортеров-кредиторов масштабы и глубина кризиса явно отличались от российских в лучшую сторону.

С экономической точки зрения это дает основание сомневаться в наличии в российской экономике имманентно присущих рыночной экономике встроенных компенсаторов и стабилизаторов. Напрашивается сравнение с выходом из кризиса 1998 г. Тогда во многом благодаря устранению государства из экономики последняя смогла мобилизовать внутренние ресурсы и использовать те самые автоматические компенсаторы и стабилизаторы, которые практически не действуют в современных условиях [9].

Таблица 2

**Динамика экономических индикаторов в России, 2009 г.,
% к соответствующему периоду предыдущего года**

Индикатор	Ян-варь	Фев-раль	Март	Ап-рель	Май	Июнь	Июль	Ав-густ	Сен-тябрь	Ок-тябрь
Индекс промышленного производства	84,0	86,8	86,3	83,1	82,9	87,9	89,2	87,4	90,5	88,5
Индекс производства продукции с. х.	102,4	101,9	102,5	102,1	101,9	99,1	98,9	87,7	106,7	104,8
Грузооборот транспорта	82,6	81,8	96,6	78,6	81,2	84,3	92,2	93,1	94,4	94,2
Инвестиции в основной капитал	84,0	85,2	83,9	82,6	75,5	79,4	81,1	80,6	81,4	92,1
Оборот розничной торговли	104,5	98,6	97,0	95,5	94,4	93,5	91,7	90,2	90,1	91,5
Расходы на покупку товаров и услуг	102,6	97,7	96,6	95,1	93,9	93,3	91,2	90,2	90,3	91,4
Реальные располагаемые денежные доходы	92,3	102,3	103,4	102,5	103,4	101,8	97,7	92,0	96,5	103,9
Общий уровень безработицы (по методологии МОТ), % к экономически активному населению, на конец периода	8,7	9,4	9,2	8,8	8,5	8,3	8,1	7,8	7,6	7,7

Источник: [2].

Реакция экономики Дальнего Востока России. Изменение динамических характеристик экономики Дальнего Востока принципиально не отличается от вышеописанных модификаций национальных трендов. Конечно, существуют различия в количестве самих базисных трендов. Но эти различия не связаны с особенностями проявления цикла в условиях региона, а имеют основанием различия национальной и региональной экономики.

Кризис проявился на Дальнем Востоке к концу 2008 г., когда статистика показала спад по основным экономическим индикаторам¹ (табл. 3).

Таблица 3
Основные макропоказатели развития Дальнего Востока в январе — ноябре 2008 г.

Показатель	Январь — ноябрь 2008 г. в % к январю — ноябрю 2007 г.
Индекс промышленного производства	98,2
добыча полезных ископаемых	95,8
обрабатывающие производства	101,9
производство и распределение электроэнергии, газа и воды	102,2
Инвестиции в основной капитал	106,1*
Объем работ, выполненных по виду деятельности «Строительство»	93,5
Реальные доходы населения	106,1**

Примечания: * январь — сентябрь 2008 г. в % к январю — сентябрю 2007 г.; ** январь — октябрь 2008 г. в % к январю — октябрю 2007 г.

Источник: [5].

Кроме уловов рыбы остальные натуральные индикаторы по итогам 11 месяцев 2008 г. просигнализировали о реакции соответствующих промышленных секторов на серьезный внешний шок (табл. 4).

Добыча нефти, по оценке, в годовом выражении составила всего 87,5% к 2007 г. Точно так же по производству электроэнергии, если пересчитать 11 месяцев 2008 г. в годовое выражение, то сокращение составляет 2,5%. Это уже очень существенный показатель, потому что объем выработки электроэнергии — это индикатор общепромышленной динамики.

Самый большой спад произошел в лесной промышленности. В расчете на 2008 г. сокращение составило почти 20,5%. Из добывающих отраслей устойчивая ситуация наблюдалась только в угледобывающей промышленности. Здесь, по оценке, сохраняется уровень 2007 г. Также устойчивая ситуация в рыбной промышленности (рост 100,5% по сравнению с 2007 г.). На

¹ Данные о первом этапе кризиса на Дальнем Востоке опубликованы в [10]. Здесь они приводятся для сравнительной оценки тренда за весь кризисный период.

ситуацию в рыбной промышленности, конечно, повлияли законодательные новации, появившиеся в 2008 г. Упрощен таможенный контроль за деятельностью рыбодобывающих предприятий и улучшены налоговые условия для рыбной промышленности — она переведена на единый сельскохозяйственный налог.

Таблица 4

Производство продукции в натуральном выражении на Дальнем Востоке

Продукт	Объем производства, январь — ноябрь 2008 г.	Объем производства, сентябрь 2009 г.	Сентябрь 2009 г., в % к сентябрю 2008 г.
Нефть и газовый конденсат, млн т	12,2	12,8	133,3
Газ природный, млрд м ³	...	7,9	123,8
Улов рыбы и добыча других морепродуктов, тыс. т	2027,0	1935,0	115,8
Цельномолочная продукция, тыс. т	...	199,0	101,8
Вывозка древесины, млн плот. м ³	11,6	7,4	73,5
Древесина деловая, млн плот. м ³	...	6,7	72,0
Уголь, млн т	29,6	19,5	82,4
Пиломатериалы, тыс. м ³	...	811	93,9
Первичная переработка нефти, млн т	...	8,4	96,1
Цемент, тыс. т	...	1270,0	50,1
Конструкции и детали сборные железобетонные, тыс. м ³	...	410,0	73,1
Готовый прокат черных металлов, млн т	46,8
Электроэнергия, млрд кВт·ч	37,1	29,5	98,9

Источник: [5].

С начала 2009 г. спад продолжал прогрессировать, отражая общую стагнацию на внутринациональном и внешнем рынках. С методологической точки зрения разразившийся кризис поставил точку в неявном, но довольно нервном диспуте относительно источников роста дальневосточной экономики. Очевидный факт базирования экономического роста региона на внешнем спросе (межрегиональном и экспортном) в годы, непосредственно предшествовавшие кризису, вызывал глухое раздражение у «официальных аналитиков», задачей которых являлось доказательство некоего «особого успеха особой политики» если и не в масштабах всего региона, то уж отдельных «особых территорий» непременно. Это стремление породило упорные попытки доказать, что экономический рост в регионе основан на

внутрирегиональных факторах, а следовательно, потенциал собственно регионального рынка вполне достаточен для обеспечения эндогенного роста экономики.

Шок внешнего спроса, проявившийся в конце 2008 г. и не преодоленный до настоящего времени, вполне определенно развеял эти заблуждения, одновременно заставив еще раз признать «замыкающий» характер ряда дальневосточных производств, ориентированных на межрегиональное потребление.

Экономика Дальнего Востока России за последние 7—8 лет в значительно большей степени, чем в 1990-е гг., стала зависеть в своем развитии от национальной экономики, в том числе и от субсидий из федерального бюджета. Но экспорт по-прежнему остается важным фактором регионального роста. В то же время за I—III кварталы 2009 г. объем экспорта Дальнего Востока России по сравнению с аналогичным периодом 2008 г. сократился на 42%. В результате доля экспорта в валовом продукте региона сократилась с 30—32% в 2007—2008 гг. до 25%. Это значительно увеличило роль взаимодействия Дальнего Востока с другими регионами России в поддержании общего экономического равновесия и темпа роста [15—17]. Но сокращение спроса под влиянием снижения объемов производства и доходов в целом по экономике России обусловило сокращение совокупного спроса для дальневосточной экономики. Регион, таким образом, оказался под воздействием двух шоков — шока внешнего спроса и шока спроса на внутринациональном рынке.

Впрочем, со статистической точки зрения кризисная динамика на Дальнем Востоке обнаруживает заметные модификации по сравнению с общенациональной экономической динамикой. Скорее, эти модификации можно назвать «странностями».

Первой «странностью» является то, что индекс промышленного производства на Дальнем Востоке в отличие от всех других федеральных округов и общенационального индекса за I—III кварталы 2009 г. увеличился по сравнению с соответствующим периодом 2008 г. (рис. 6). Положительная динамика индекса промышленного производства сохранилась и по итогам 11 месяцев 2009 г. (102% к уровню 11 месяцев 2008 г.). При этом ситуация существенно изменилась в течение III квартала 2009 г.

Впрочем, эта «странность» легко объяснима структурными особенностями региональных экономических систем. Локомотивом промышленной статистики на Дальнем Востоке явились топливная (начало широко-масштабной добычи и экспорта нефти и природного газа в рамках сахалинских проектов) и рыбная промышленность (чрезвычайно изобильная путина лососевых в 2009 г.).

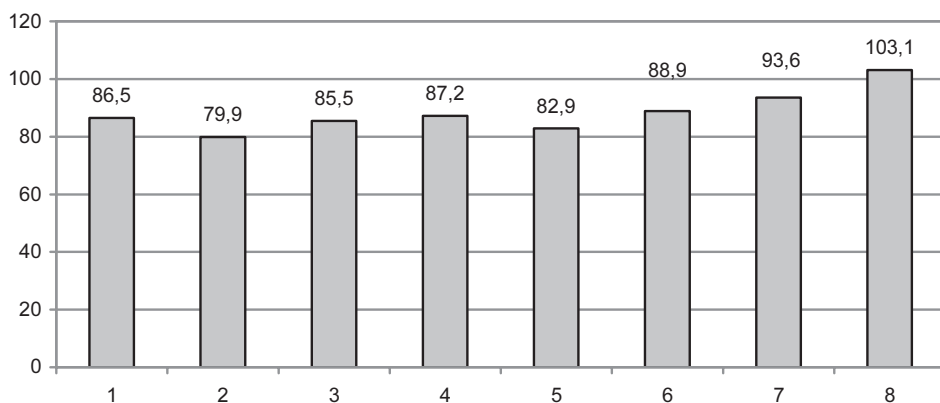

Рис. 6. Индекс промышленного производства, январь — сентябрь 2009 г. к январю — сентябрю 2008 г.: 1 — Российская Федерация; 2 — Центральный федеральный округ; 3 — Северо-Западный федеральный округ; 4 — Южный федеральный округ; 5 — Поволжский федеральный округ; 6 — Уральский федеральный округ; 7 — Сибирский федеральный округ; 8 — Дальневосточный федеральный округ

Источник: [6].

Анализ динамики производства промышленной продукции в натуральном выражении хорошо иллюстрирует этот факт (см. табл. 4).

Еще одной «странностью» является то, что в III квартале 2009 г. произошел перелом тенденций. По итогам первого полугодия 2009 г. промышленное производство сократилось по сравнению с первым полугодием 2008 г. почти на 18% против 11% в целом по России. При этом объем производства в добывающей промышленности увеличился на 20% по сравнению с декабрем 2008 г., а в обрабатывающих отраслях спад составил более 30%. Девятимесячная статистика демонстрирует уже рост промышленного производства в целом, причем некоторое выправление ситуации произошло даже в обрабатывающей промышленности. Это могло бы объясняться началом выхода в III квартале из кризиса основных зарубежных потребителей дальневосточной продукции. Но, как показано ниже, подобный вывод не подтверждается данными о динамике экспорта по группам товаров за I—III кварталы 2009 г. Более того, если по итогам I—II кварталов рост в добывающем секторе региона, который ориентирован в основном на экспорт, составил, как отмечалось, порядка 130%, то по итогам I—III кварталов темп роста сократился до 108% (табл. 5).

Эта «странность» не имеет простого объяснения, а при предположении, что система обработки оперативных статистических данных не искажается сознательно или бессознательно, разумных объяснений вообще, скорее всего, не существует.

**Индикаторы экономического развития Дальнего Востока,
% к соответствующему периоду предыдущего года**

Показатель	2008	I—III кварталы 2009
Индекс промышленного производства	97,6	103,1
добыча полезных ископаемых	96,7	108,2
обрабатывающие производства	95,5	97,3
производство и распределение электроэнергии, газа и воды	101,8	96,2
Инвестиции в основной капитал	107,8	112,4
Объем работ в строительстве	92,9	88,2
Грузооборот транспорта общего пользования	86,2	91,6*
Реальные доходы населения	...	99,5

Примечание. * Первое полугодие 2009 г.

Источник: [6].

Еще одной «странностью» является увеличение по сравнению с 2008 г. инвестиций в основной капитал (см. табл. 5). Впрочем, эта «странность» легко объяснима. Возможная причина заключается в том, что значительная часть региональных инвестиций финансируется либо непосредственно из федерального и местных бюджетов, либо связана с приоритетными государственными проектами развития инфраструктуры и территориальных систем (например, нефтепровод ВСТО, региональные газопроводы, строительство сети федеральных автодорог в регионе, объекты саммита АТЭС во Владивостоке, ресурсные проекты Южной Якутии и т. п.).

Кризис усугубил ситуацию в лесном комплексе. Уже в 2008 г. объем вывозки древесины сократился на 20% по сравнению с 2007 г. под воздействием ожиданий увеличения таможенных пошлин на экспорт. За I—III кварталы 2009 г. сокращение составило 26,5% по сравнению с аналогичным периодом 2008 г.

Сокращение производства, как на самом Дальнем Востоке, так и в межрегиональном и во внешнеторговом обороте, привело к снижению грузооборота на транспорте (рис. 7). При этом грузооборот снижался не только в 2009 г. Снижение происходило и во второй половине 2008 г., в связи с чем объем грузооборота в 2008 г. составил только 86% по сравнению с 2007 г. При этом максимальный спад по итогам первого полугодия 2009 г. отмечался в железнодорожных перевозках (до 73,6% от уровня января — июня 2008 г.) и грузообороте внутреннего водного транспорта (69%), что связано с сокращением загрузки Транссибирского железнодорожного коридора в результате уменьшения внешнеторгового оборота и с сокращением поставок в северные районы Дальнего Востока из-за трудностей с финансированием, в частности, северного завоза.

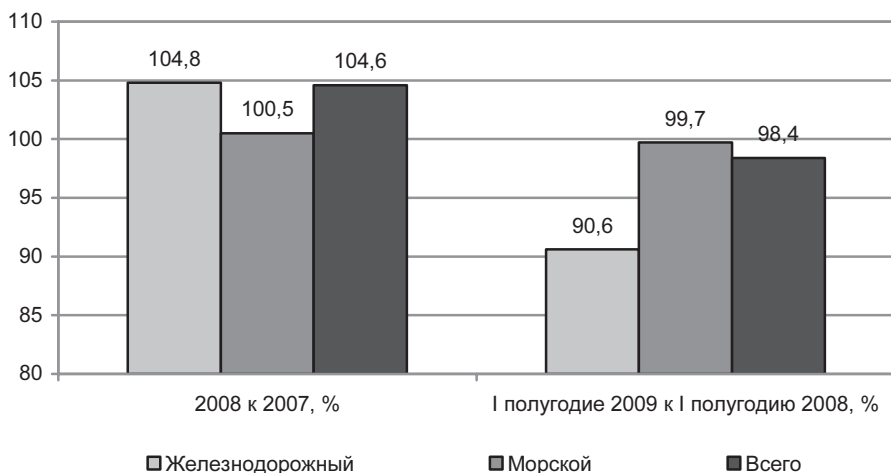

Рис. 7. Темпы роста грузооборота на транспорте Дальнего Востока

Источник: база данных ИЭИ ДВО РАН.

Снижение уровня экономической активности в регионе и отрицательные ожидания потребителей и производителей обусловили значительное ухудшение состояния рынка труда. С января по июль 2009 г. численность безработных в регионе увеличилась на 15 тыс. человек (с 104 до 115 тыс. человек). При этом превышение численности безработных над числом вакансий в центрах занятости составило в июле 2009 г. 30 тыс. человек против 15 тыс. человек в январе. Рост безработицы и отрицательные ожидания в области общеэкономической конъюнктуры обусловили стабилизацию уровня реальной заработной платы, который постоянно увеличивался в период 2001—2008 гг. В I квартале 2009 г. реальная заработная плата на Дальнем Востоке показала нулевой рост. При этом инфляция в I—III кварталах 2009 г. продолжала сохраняться на сравнительно высоком уровне. В целом по России индекс потребительских цен на товары и услуги по сравнению с декабрем 2008 г. увеличился на 8,1%, а на Дальнем Востоке — на 8,8%. При этом наибольший рост продемонстрировали цены на услуги (9,3%) и цены на промышленные потребительские товары (9,6%). Последнее отражает эффект девальвации рубля, которая составила к сентябрю 2009 г. примерно 11%.

Совместная динамика цен, занятости и ожиданий потребителей и производителей обусловила отрицательную динамику розничного торгового оборота в регионе. Хотя еще в I квартале 2009 г. при сокращении на 12,5% номинальных денежных доходов населения совокупные потребительские расходы сохранились на уровне 2008 г. (около 10 тыс. руб. в месяц), но это произошло за счет снижения уровня сбережений и при увеличении доли рас-

ходов на коммунальные услуги. В результате обороты розничной торговли существенно сократились.

Сокращение внешнего спроса, спровоцированное мировым финансовым кризисом, во второй половине 2008 г. привело к резкому падению объемов экспорта Дальнего Востока уже в IV квартале 2008 г. (стоимость экспорта составила 64,6% относительно соответствующего периода 2007 г.). Сокращение продолжилось в 2009 г.

Основной причиной ухудшения ситуации в сфере внешней торговли региона явилось существенное ухудшение общеэкономической конъюнктуры в странах СВА — основных торговых партнеров Дальнего Востока (табл. 6).

Таблица 6

Макроэкономические индикаторы стран СВА, %

Индикатор	Япония		Китай		Республика Корея	
	2008	2009	2008	2009	2008	2009
ВВП	-0,7	-0,8	9,0	7,7	2,2	-2,2
Импорт	0,9	-12,6	5,2	-7,8	3,7	-14,5
Валовой внутренний спрос	-0,9	-3,4	1,4	-4,6
Инвестиции в основной капитал	-5,0	-12,3	-1,7	-5,1

Источник: [20].

Сокращение валового внутреннего спроса, особенно инвестиционного, спровоцировало снижение цен практически на все импортируемые товары, в том числе продукцию дальневосточного экспорта. Сравнительное благополучие китайских макроэкономических показателей также было обманчивым. Хотя данные по динамике валового внутреннего спроса и инвестициям в основной капитал отсутствуют, однако сокращение объемов китайского импорта в 2009 г. свидетельствует о подобию макроэкономических тенденций в Китае общемировым.

Снижение цен коснулось практически всей основной номенклатуры дальневосточного экспорта. Интегральный индекс внешнеторговых цен на продукцию Дальнего Востока за период I квартал 2008 г. — IV квартал 2009 г. снизился на 98% (рассчитано по материалам базы данных ИЭИ ДВО РАН).

Наиболее резкое падение стоимостных объемов экспорта было характерно для продукции минерально-сырьевого (на 95,3%), топливно-энергетического (на 36,7%) и лесопромышленного (на 36,5%) комплексов. Только цены на мороженую рыбу сохранились на уровне 2007 г.

Снижение спроса на внешних рынках вместе с падением цен оказалось шоком для внешней торговли региона. Кроме рыбной продукции по всем остальным товарным группам дальневосточного экспорта объемы по стоимости сократились по сравнению с I—III кварталами 2008 г.

Наибольшее сокращение стоимости экспорта наблюдалось по продукции ТЭК (около на 40%) и МСК (около 75%).

Наряду с ухудшением конъюнктуры внешнего рынка существенное влияние на формирование объемов и структуры внешней торговли региона в 2009 г., и прежде всего импорта, оказала комбинация таких факторов, как девальвация рубля, снижение доходов населения, сжатие внутреннего спроса. Серьезное влияние на объемы и динамику внешней торговли оказали новации в области правил государственного регулирования.

Снижение курса рубля по отношению к основным валютам (индекс реального курса рубля по отношению к доллару снизился за I—III кварталы 2009 г. на 15,8%), снижение уровня реальных доходов населения вместе с сокращением спроса в результате стагнации производства и сферы услуг привели к сокращению импорта в регион. Общее сокращение стоимости импорта составило за I—III кварталы 2009 г. 48,9%.

При этом наиболее значительные темпы падения были характерны для импорта машин, оборудования и транспортных средств. За I—III кварталы 2009 г. объем импорта этой группы товаров сократился в 2,7 раза. В данном случае основным «возмущающим» фактором кроме девальвации рубля стали таможенные новации российского правительства [11—14]. Резкое повышение импортных пошлин оказалось таким же шоком для импорта подержанных автомобилей, как и объявленное повышение экспортных пошлин для экспорта круглого леса.

Масштабы и формы проявления мирового кризиса в различных странах обусловили неравномерную реакцию отдельных товарных рынков и различия в торговле Дальнего Востока с некоторыми странами СВА (табл. 7).

Например, сокращение импорта легковых автомобилей привело к уменьшению объемов импорта из Японии (на 83,6% относительно 2008 г.), вследствие чего доля Японии в структуре импорта Дальнего Востока в I—III кварталах 2009 г. снизилась до 9,9% (против 31,1% в 2008 г.).

Существенно сократились в 2009 г. объемы импорта из Республики Корея (на 49,3%) и Китая (на 41,5%).

В экспорте Дальнего Востока, на фоне падения объемов поставок в Республику Корея (на 45,3%) и Японию (34,5%), объемы экспорта в КНР сохранили положительную динамику (120%). Рост объемов экспорта в Китай достигался за счет увеличения объемов поставок продукции топливно-энергетического (сырая нефть) и рыбопромышленного комплексов региона (рыба свежемороженая).

Таблица 7

Внешняя торговля Дальнего Востока с отдельными странами СВА, млн долл.

Страна	I квартал 2008	II квартал 2008	III квартал 2008	IV квартал 2008	I квартал 2009	II квартал 2009	III квартал 2009
Экспорт							
Китай	425,6	482,9	501,1	481,6	426,5	691,1	587,6
Республика Корея	1253,2	1500,7	1766,7	1256,5	697,9	770,8	1004,1
Япония	1227,5	1128,1	1181,3	855,1	568,6	714,8	1032,4
Страны СВА	2906,3	3111,7	3449,0	2593,2	1693,0	2176,8	2624,1
Импорт							
Китай	729,9	798,1	901,2	777,5	418,0	434,3	567,8
Республика Корея	129,9	166,7	214,4	192,7	59,5	87,1	112,2
Япония	543,6	765,4	725,7	648,7	135,8	98,4	99,0
Страны СВА	1403,4	1730,2	1841,4	1618,9	613,3	619,8	779,0

Источник: база данных ИЭИ ДВО РАН.

Соответственно в 2009 г. во внешней торговле Дальнего Востока существенно увеличилась доля Китая с (11,5% в I—III кварталах 2008 г. до 24,2% — в 2009 г.), который в последние годы уступал свои позиции Японии и Республике Корея.

Выход экономики Дальнего Востока из кризиса зависит от двух основных факторов. Во-первых, от перспектив стабилизации экономической конъюнктуры в российской экономике в целом. Во-вторых, от скорости восстановления экономик стран Северо-Восточной Азии.

Среди экономик стран СВА наибольшую скорость восстановления демонстрирует Китай, в котором согласно прогнозам темпы роста ВВП достигнут в 2010 г. 109%. Восстановление высоких темпов роста китайской экономики означает также восстановление масштабов спроса китайской экономики на сырьевые ресурсы. Россия намерена присоединиться к ряду стран Африки, Латинской Америки, а также к Австралии, которые в ходе кризиса существенно расширили масштабы инвестиционного сотрудничества с Китаем, который уже вложил и продолжает вкладывать большие средства в сырьевые сектора этих стран. Об этом, в частности, свидетельствует декларативный, но в структурном отношении весьма показательный программный документ (программа), подписанный российским и китайским правительствами в ходе недавнего визита в Пекин В. Путина [4].

Согласно этому «протоколу намерений» речь идет о совместной деятельности по созданию отдельных объектов и проектов на востоке России и северо-востоке Китая (табл. 8).

**Предлагаемые проекты согласованного строительства
на востоке России и северо-востоке КНР**

Проект	На территории РФ	На территории КНР
Освоение месторождений, добыча сырьевых ресурсов	> 37	0
Переработка минерально-сырьевых ресурсов	12	2
Лесопромышленный комплекс	23	4
Энергетика	> 11	3
Промышленные предприятия	9	77
Пищевая промышленность, сельское хозяйство, рыболовство	11	6
Строительство и промышленность строительных материалов	6	5
Туризм	2	6
Транспорт	0	4

Источник: [4].

Можно сказать, что подписанный документ (программа) имеет некоторое сходство с опубликованной в период 2004—2007 гг. концепцией формирования приграничных промышленно-сервисных дуг на российском Дальнем Востоке [7; 8; 19]. Однако, во-первых, фактически речь идет о формировании не приграничных дуг, а трансграничных поясов, расположенных на территории как России, так и Китая. Во-вторых, имеется в виду концентрация перерабатывающих мощностей и производств конечной продукции в большей степени именно в китайском сегменте этих поясов. Это, конечно, может существенно модифицировать исходную идею концепции.

Осуществятся ли намерения России по привлечению китайских инвестиций для развития ресурсной экономики Дальнего Востока? Осуществятся ли идеи Китая об «экономическом поглощении» восточной части России и окончательной привязке этого макрорегиона к китайскому рынку? Сможет ли Россия использовать китайский рынок и через китайские каналы сбыта выйти на международные рынки? От этого зависит геостратегический баланс в Северной Азии, но от этого зависит и то, какими выйдут из кризиса российский Дальний Восток и Байкальский регион.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горюнов А. П. Мировой финансово-экономический кризис и его российские проявления // *Пространственная экономика*. 2009. № 2.
2. Материалы сайта. http://ru.wikipedia.org/wiki/Real_gdp_rus.PNG.

3. Материалы сайта. http://statistika.ru/stat/russia-world/2008/11/13/russia-world_14228.html.
4. Материалы сайта. <http://www.debri-dv.ru>.
5. Материалы официального сайта. <http://www.dfo.gov.ru>.
6. Материалы официального сайта. <http://www.gks.ru>.
7. *Минакир П. А.* Тихоокеанская Россия: вызовы и возможности экономической кооперации с Северо-Восточной Азией // *Пространственная экономика*. 2005. № 4.
8. *Минакир П. А.* Россия в Северо-Восточной Азии // *Движение регионов России к инновационной экономике*. М.: Наука, 2006.
9. *Минакир П. А.* Системные трансформации в экономике. М.: Экономика, 2001.
10. *Минакир П. А.* Экономика и кризис в России и на Дальнем Востоке // *Пространственная экономика*. 2009. № 1.
11. О вывозе (вывозе) на таможенную территорию РФ уловов водных биологических ресурсов, добытых (выловленных) при осуществлении промышленного рыболовства во внутренних морских водах РФ, в территориальном море РФ, на континентальном шельфе РФ, в исключительной экономической зоне РФ, и произведенной из них рыбной и иной продукции: постановление Правительства РФ № 990 от 24.12.2008 г.
12. О внесении изменений в пункт 11 Положения о применении единых ставок таможенных пошлин, налогов в отношении товаров, перемещаемых через таможенную границу Российской Федерации физическими лицами для личного пользования: постановление Правительства РФ № 943 от 10.12.2008 г.
13. О местах декларирования отдельных видов товаров (лом и отходы металлов): приказ ФТС РФ № 1514 от 02.12.2008 г.
14. О порядке оформления судов рыбопромыслового флота, уловов водных биологических ресурсов и продуктов их переработки и государственного контроля в морских портах в РФ: постановление Правительства РФ № 184 от 19.03.2008 г.
15. Основные показатели социально-экономического положения регионов Дальневосточного федерального округа в январе — июне 2009 года. Ч. 1. Сравнительные показатели социально-экономического положения регионов / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю. Хабаровск, 2009.
16. Основные показатели социально-экономического положения регионов Дальневосточного федерального округа в январе — июне 2009 года. Ч. 2. Основные характеристики субъектов РФ в ДФО / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю. Хабаровск, 2009.
17. Социально-экономическое положение Дальневосточного федерального округа в 2008 году / Федеральная служба государственной статистики. М., 2008.
18. Федеральная служба государственной статистики. Срочная информация по актуальным вопросам. 2009.
19. Экономическое сотрудничество Дальнего Востока России и стран Азиатско-Тихоокеанского региона / Под ред. П. А. Минакира. Хабаровск: РИОТИП, 2007.
20. Date Base of Organization for Economic Cooperation and Development. <http://www.oecd.org>.

УДК 338.1

Е. А. Коломак

МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО В РОССИИ: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Проанализирована динамика межрегиональных различий в России по трем показателям: валовой региональный продукт, денежные доходы населения и бюджетная обеспеченность. Используются оценки σ -конвергенции и β -конвергенции для периода 1995–2007 гг.

Экономический рост, регионы России, конвергенция, эмпирические оценки.

ПОДХОДЫ К МЕЖРЕГИОНАЛЬНОМУ ВЫРАВНИВАНИЮ И ОСНОВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ

Пространственная неоднородность и межрегиональное неравенство всегда являются острыми вопросами политической повестки стран с большой территорией, к которым относится и Россия. Из практики решения этой проблемы можно выделить два подхода, которые применяются, как правило, одновременно, но могут иметь разные веса. Первый подход реализуется в рамках социальной политики и состоит в обеспечении стандартов уровня и качества жизни для всего населения страны, которые гарантируются общегосударственными программами. Второй подход является частью экономической политики и включает стимулирование развития производственного потенциала отстающих территорий с использованием как прямо-

© Коломак Е. А., 2010

Работа выполнена в рамках гранта для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации НШ-2900.2008.6.

го регулирования, так и косвенных координационных механизмов, роль и масштабы последних в значительной степени зависят от степени децентрализации государственного управления. Соотношение «экономического» и «социального» направлений, очевидно, должно определяться как политическими целями, так и их эффективностью в решении вопросов сглаживания межрегиональных различий.

Обобщающей характеристикой результатов экономической деятельности территории является показатель валового регионального продукта. Для оценки результативности социального направления политики можно использовать два индикатора: бюджетные доходы, которые в значительной мере определяют финансирование инфраструктуры и, соответственно, качество жизни в регионе, и личные доходы населения. Оценим изменение различий между российскими регионами по этим трем крупным показателям.

МЕТОДЫ АНАЛИЗА

Методы анализа динамики межрегионального неравенства показаны в теории конвергенции, которая широко представлена в литературе. Существует две концепции конвергенции [4]: σ -конвергенция наблюдается, когда дисперсия индикаторов развития имеет тенденцию к сокращению, β -конвергенция имеет место, когда менее развитые территории имеют более высокие темпы экономического роста, чем более развитые территории, в результате в долгосрочной перспективе происходит выравнивание уровней экономического развития территорий. Эти две концепции взаимосвязаны, но не эквиваленты. Показано [12], что β -конвергенция является необходимым условием для σ -конвергенции, но не является достаточным условием, β -конвергенция предполагает существование тенденции к сокращению неравенства, но случайные шоки могут исказить тенденцию и даже приводить к временному увеличению различий. В рамках β -конвергенции выделяются безусловная и условная конвергенции. Безусловная β -конвергенция [4] подразумевает, что все регионы стремятся к единой траектории пропорционального роста. Из этого предположения вытекает, что регионы имеют однородную структуру экономики, различия в уровнях развития являются временными и объясняются исключительно разными начальными уровнями дохода. В условиях существенных экономических, институциональных и географических различий между регионами такое предположение является нереалистичным. Условная β -конвергенция предполагает, что различные регионы имеют различные траектории пропорционального роста, которые определяются специфическими региональными факторами развития. Существует большое количество исследований, посвященных оценкам темпов

β -конвергенции доходов: различных стран [7; 9], провинций Канады [6], штатов США [4; 5] и крупных территориальных объединений [8].

Базовой для эмпирических оценок является модель безусловной β -конвергенции, предположением этой модели является то, что в долгосрочной перспективе регионы должны приходить к общей траектории сбалансированного роста:

$$\gamma = \alpha + \beta Y_0 + \varepsilon,$$

где γ — логарифм средних темпов роста за период: $\gamma = [\ln Y - \ln Y_0]/T$, где T — количество лет. Вывод о конвергенции (дивергенции) делается на основе знака коэффициента β . Если $\beta < 0$, то по рассматриваемой переменной наблюдается конвергенция; если $\beta > 0$, то имеет место дивергенция. Скорость конвергенции (дивергенции) определяется значением коэффициента β и рассчитывается по формуле $\lambda = -\ln(1 + T\beta)/T$. Еще одной характеристикой процесса конвергенции (дивергенции) является время преодоления половины расстояния, отделяющего экономику регионов от траектории сбалансированного состояния, которое рассчитывается следующим образом: $hl = \ln(2)/\lambda$.

В модели условной β -конвергенции делается предположение о различных устойчивых траекториях роста для разных регионов, что является более реалистичным в условиях существенных различий между территориями:

$$\gamma = \alpha + \beta Y_0 + Z\phi + \varepsilon \quad \varepsilon \sim N(0, \sigma^2 I)$$

Матрица Z объединяет специфические факторы развития, которые контролируют региональные различия в уровнях равновесных состояний.

В литературе представлены также исследования конвергенции и дивергенции бюджетных поступлений, они используют непосредственное приложение традиционного анализа конвергенции доходов. В основе лежит предположение модели Солоу, что темп роста налоговых доходов и государственных расходов равен темпу роста общего дохода, в результате факт конвергенции общих доходов территорий является основанием для гипотезы о конвергенции их бюджетных параметров. Скулли [10] осуществил эмпирическое тестирование данного предположения и получил вывод, что пространственная конвергенция налоговых доходов штатов имеет те же темпы, что и конвергенция общего экономического развития. Аннала [3] проверял конвергенцию нескольких расходных и доходных характеристик фискальной политики штатов и пришел к заключению, что штаты, которые первоначально имели низкую бюджетную обеспеченность, демонстрируют более

высокие темпы ее роста по сравнению со штатами с высокими бюджетными доходами. Это привело автора к заключению о процессе конвергенции параметров фискальной политики в США.

РЕЗУЛЬТАТЫ ОЦЕНОК

Изучим последовательно динамику межрегиональных различий по выделенным трем индикаторам: валовому региональному продукту на душу населения, среднедушевым денежным доходам и бюджетной обеспеченности на душу населения. Информация для анализа представлена в публикациях Федеральной службы государственной статистики «Регионы России: социально-экономические показатели» за различные годы.

Объектом наблюдений выступали субъекты Российской Федерации. Для обеспечения сопоставимости результатов во времени из-за отсутствия данных за ряд лет из анализа были исключены Чеченская республика и автономные округа, исключение составил Чукотский. Автономные округа рассматривались в составе соответствующих субъектов РФ. В результате оценки проводились для 79 регионов.

Валовой региональный продукт

Изменение неоднородности и разброса в производстве валового регионального продукта (ВРП) на душу населения в различных регионах страны лучше оценивать с помощью коэффициента вариации, который устраняет эффект изменения масштаба, и в результате рост среднего уровня производительности конечного продукта элиминируется, в том числе та его часть, которая связана с ростом цен. Это обеспечивает сопоставимость коэффициентов вариации ВРП в текущих ценах в динамике. Значение коэффициента вариации ВРП по стране с 1995 по 2006 г. представлено в таблице 1.

Таблица 1

Коэффициент вариации ВРП на душу населения

1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
0,47	0,55	0,54	0,54	0,55	0,61	0,63	0,64	0,65	0,63	0,68	0,65

Источники: [1; 2].

Уменьшение дисперсии ВРП наблюдалось в начале рассматриваемого периода, до 1998 г., этот отрезок времени характеризовался глубоким трансформационным спадом. Этап же подъема и высоких темпов роста в стране сопровождался увеличением различий в продуктивности экономик регионов. Таким образом, Россия повторила опыт многих стран, демонстриро-

вавших увеличение дистанции в развитии территорий в периоды быстрого экономического роста.

Оценка модели безусловной конвергенции, где зависимой переменной выступал логарифм темпа роста ВРП за период 1995—2006 гг., дала результат, представленный в таблице 2.

Таблица 2

Оценки модели безусловной конвергенции для ВРП

Переменная	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-статистика	P-значение
Константа	0,185	0,043	4,348	0,000
Логарифм ВРП 1995 г.	0,004	0,005	0,851	0,397
Коэффициент детерминации				0,01

Источник: оценки автора.

Оценивание не выявило статистически значимой связи между темпами развития территорий и их начальным состоянием, тестирование гипотезы о равенстве коэффициента β нулю дало положительный результат. Поэтому невозможно сделать вывод как о том, что наблюдается безусловная конвергенция, так и о том, что имеет место безусловная дивергенция. Данный вывод согласуется и с неровной динамикой, включающей падение и рост коэффициента вариации ВРП в рассматриваемом периоде.

В модели условной конвергенции матрица переменных, фиксирующих региональную специфику, формировалась на основе идеологии расширенной производственной функции. В модель были включены характеристики трудовых ресурсов, капитала, инфраструктуры и отраслевой структуры производства, для улучшения свойств ошибки выделялась Москва. Результаты оценок окончательной спецификации модели приведены в таблице 3¹.

Оценки модели условной конвергенции также не дали статистически значимой оценки коэффициента конвергенции, это означает, что тенденция к сближению регионов не наблюдалась бы, даже если бы были исключены специфические факторы и особенности условий их развития. Однако статистическая незначимость коэффициента при переменной уровня ВРП на начало периода говорит об отсутствии процесса дивергенции. Региональные траектории сбалансированного роста, оставаясь индивидуальными, не сходятся, но и не расходятся.

¹ Чтобы не перегружать текст техническими деталями, в таблицах, представляющих оценки моделей условной конвергенции, не приводятся результаты тестирования их стохастических свойств. Для ошибок приводимых спецификаций модели условной конвергенции выполняются стандартные свойства: гомоскедастичность и нормальность.

Таблица 3

Оценки модели условной конвергенции для ВРП

Переменная	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-статистика	P-значение
Константа	0,259	0,032	8,057	0,000
Логарифм ВРП 1995 г.	-0,006	0,004	-1,634	0,107
Темп роста инвестиций в основной капитал	0,027	0,004	6,909	0,000
Фиктивная переменная для Москвы	0,079	0,014	5,531	0,000
Доля топливно-энергетического комплекса в промышленности	0,063	0,016	3,810	0,000
Коэффициент детерминации				0,54

Источник: оценки автора.

Денежные доходы населения

В отличие от производства конечного продукта, дисперсия среднедушевых доходов по регионам России в рассматриваемом периоде снизилась (табл. 4). Уровень вариации средних индивидуальных доходов в регионах в 1995 г. был таким же, как и для ВРП, а к 2006 г. стал в 1,5 раза меньше. В период экономического спада и начала подъема межрегиональные различия денежных доходов населения оставались стабильными и начали сокращаться только в последние годы.

Таблица 4

Коэффициент вариации среднедушевых доходов населения

1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
0,47	0,48	0,47	0,48	0,46	0,47	0,48	0,47	0,46	0,44	0,43	0,41	0,39

Источники: [1; 2].

В модели безусловной конвергенции оценивалась зависимость логарифма темпа роста в 1995—2007 гг. среднедушевых денежных доходов населения регионов от логарифма их уровня в 1995 г. Результаты оценок приведены в таблице 5. Из них следует, что конвергенция денежных доходов населения в регионах страны шла очень невысокими темпами, коэффициент конвергенции является статистически значимым, но по величине небольшим — 1,5%, что соответствует скорости конвергенции 1,7% в год и времени преодоления половины расстояния до общей устойчивой траектории роста 41,5 года.

Таблица 5

Оценки модели безусловной конвергенции для среднедушевых денежных доходов населения

Переменная	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-статистика	P-значение
Константа	0,333	0,024	14,056	0,000
Логарифм среднедушевых денежных доходов населения в 1995 г.	-0,015	0,004	-3,729	0,000
Коэффициент детерминации				0,15

Источник: оценки автора.

Оценки окончательного варианта спецификации модели условной конвергенции приведены в таблице 6. Учет особенностей динамики промышленного производства и инвестирования в регионах несколько увеличил значение коэффициента конвергенции. Подтвердился достаточно очевидный факт, что темпы сближения денежных доходов населения разных территорий были бы выше, если бы региональная специфика в инвестировании и в темпах промышленного развития отсутствовала.

Таблица 6

Оценки модели условной конвергенции для среднедушевых денежных доходов населения

Переменная	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-статистика	P-значение
Константа	-0,194	0,272	-0,712	0,479
Логарифм среднедушевых денежных доходов населения в 1995 г.	-0,016	0,004	-4,324	0,000
Темп роста промышленного производства	0,011	0,004	2,646	0,010
Темп роста инвестиций в основной капитал	0,114	0,058	1,958	0,054
Коэффициент детерминации				0,27

Источник: оценки автора.

Бюджетная обеспеченность населения

Межрегиональные различия в бюджетной обеспеченности субъектов Российской Федерации по абсолютной величине были и остаются значительно выше, чем неравенство, как по личным доходам населения, так и по продуктивности экономик регионов. Если коэффициент вариации среднедушевых доходов не превышал 50%, а по ВРП его максимальное значение составляло

68% в рассматриваемом периоде, то аналогичный показатель для бюджетных доходов на душу населения достигал 246% в 2004 г. (табл. 7). Однако в целом за период неоднородность в бюджетной обеспеченности территорий страны снизилась. Хотя этот процесс шел неравномерно, наблюдалось умеренное снижение для 2000 г., затем шел очень быстрый рост различий в размерах бюджетных средств регионов, а с 2005 г. эта тенденция сменилась резким их снижением.

Таблица 7

Коэффициент вариации бюджетных доходов на душу населения

1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
1,64	1,79	1,49	1,35	1,37	1,23	1,41	1,73	1,70	2,46	1,86	1,33	1,11

Источники: [1; 2].

Оценка общего результата в изменении различий в бюджетной обеспеченности территорий может быть сделана на основе модели безусловной конвергенции (табл. 8). Результаты оценивания показывают, что темпы сближения бюджетной обеспеченности населения регионов опережали снижение неоднородности личных доходов по стране. Коэффициент конвергенции является отрицательным и равен 5,4%, следовательно, скорость конвергенции бюджетных доходов составила 9,3%, соответственно половина периода сходимости равна 7,5 лет.

Таблица 8

Оценки модели безусловной конвергенции для бюджетных доходов на душу населения

Переменная	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-статистика	P-значение
Константа	0,265	0,004	58,933	0,000
Логарифм бюджетных доходов на душу населения в 1995 г.	-0,054	0,006	-9,314	0,000
Коэффициент детерминации				0,52

Источник: оценки автора.

Оценки модели безусловной конвергенции для бюджетной обеспеченности субфедерального уровня (табл. 9) показали, что значимыми факторами являются трудовые и инвестиционные ресурсы территории. Если бы региональные различия по ним отсутствовали, то темпы сближения доходов региональных бюджетов были бы выше. Коэффициент конвергенции вырастает до 6,5%.

Таблица 9

Оценки модели условной конвергенции для бюджетных доходов на душу населения

Переменная	Коэффициент	Стандартная ошибка	t-статистика	P-значение
Константа	0,749	0,681	1,098	0,276
Логарифм бюджетных доходов на душу населения в 1995 г.	-0,065	0,006	-11,203	0,000
Темп роста трудоспособного населения	-0,100	0,033	-3,014	0,004
Темп роста инвестиций в основной капитал	0,025	0,010	2,643	0,010
Фиктивная переменная для Москвы	0,104	0,033	3,112	0,002
Коэффициент детерминации				0,63

Источник: оценки автора.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Оценки характеристик σ -конвергенции и β -конвергенции показали, что эффективность «экономического» и «социального» направлений в политике сглаживания межрегионального неравенства сильно различалась. Неравенство в экономическом развитии и в продуктивности регионов России не уменьшалось, эффекты макроэкономической стабилизации и высоких темпов роста в стране продолжали распределяться неравномерно между территориями. Механизмы и инициативы как федерального, так и регионального уровня, создающие преимущества отстающим регионам в виде снижения издержек и государственных инвестиций, подавлялись и не оказали значимого компенсирующего влияния.

При этом показатели, характеризующие результаты социальной политики, такие как среднедушевые доходы населения и бюджетная обеспеченность в регионах страны, показали отчетливую тенденцию к сближению. Темпы снижения различий по размерам доходов бюджетов субфедерального уровня на душу населения отличались особенно высоким уровнем, что, очевидно, стало результатом существенного улучшения системы межбюджетных перераспределений, а также реализации ряда программ и проектов национального уровня, направленных на улучшение таких важных характеристик качества жизни, как образование, здравоохранение, жилищно-коммунальная сфера и транспортная инфраструктура.

Таким образом, социальный аспект политики был более успешным с точки зрения выравнивания межрегиональных различий в России. При этом результаты данного направления доходили непосредственно до населения

территорий и ощущались практически всеми его категориями. Признавая важность экономических мер стимулирования развития отстающих территорий, следует констатировать, что до последнего времени их действенность уступает социальным инструментам снижения неравенства в стране.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2005. Стат. сб. / Госкомстат РФ. М., 2006.
2. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2008. Стат. сб. / Росстат. М., 2008.
3. *Annala C. N.* Have state and local fiscal policies become more alike? Evidence of beta convergence among fiscal policy variables // *Public Finance Review*. 2003. 31(2).
4. *Barro R. J. and X. Sala-i-Martin.* *Economic Growth*. MIT Press, 2004.
5. *Carlino G. and L. Mills.* Convergence and the U.S. states: A time-series analysis // *Journal of Regional Science*. 1996. 36(4).
6. *DeJuan J. and M. Tomljanovich.* Income convergence across Canadian provinces in the 20th century: Almost but not quite there // *The Annals of Regional Science*. 2005. 39(3).
7. *Hoover K. D. and S. J. Perez.* Truth and robustness in cross-country growth regressions // *Oxford Bulletin of Economics and Statistics*. 2004. 66(5).
8. *Miller J. and I. Gene.* Alternative regional specifications and convergence of U.S. regional growth rates // *The Annals of Regional Science*. 2005. 39(2).
9. *Pritchett L.* Divergence, big time. *Journal of Economic Perspectives*. 1997. 11(3).
10. *Scully G. W.* The convergence of fiscal regimes and the decline of the Tiebout effect // *Public Choice*. 1991. 72(1).
11. *Sala-i-Martin X.* Regional cohesion: Evidence and theories of regional growth and convergence // *European Economic Review*. 1996. 40.
12. *Sala-i-Martin X.* The classical approach to convergence analysis // *The Economic Journal* 1996. 106.

УДК 338.1

О. М. Прокапало

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНДИКАТОРОВ В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

Рассмотрены проблемы пространственных различий в экономике РФ в 2001—2007 гг. Показана дифференциация по основным макроэкономическим параметрам на уровне федеральных округов и субъектов РФ. Оценены структурные сдвиги, изменение специализации по видам экономической деятельности экономик субъектов РФ.

Пространственная дифференциация, макроэкономические параметры, пространственное распределение ресурсов, диспропорции, коэффициент вариации, федеральный округ, субъект РФ.

Проблемы пространственных диспропорций характерны для больших многорегиональных экономических систем с высоким уровнем начальной неоднородности экономического пространства, к которым, несомненно, относится и Российская Федерация. Особенно остро это проявилось в начале 1990-х гг. и было связано с формированием нового экономического пространства и принципиально новой модели экономического развития. Российская экономика в период реформ характеризуется кардинальным изменением системы межрегиональных связей, роли и места отдельных регионов и территорий в национальном хозяйстве. Сложившаяся в условиях

© Прокапало О. М., 2010

Статья подготовлена при поддержке проектов ДВО РАН № 09-I-П24-01, интеграционного проекта с УрО РАН № 09-II-УО-10-001.

дореформенной системы хозяйствования неоднородность экономического пространства явилась фактором, определяющим различие стартовых условий для реформирования и адаптации к рыночным условиям. Обострение проблем регионального развития явилось следствием противоречивых тенденций в системе размещения элементов национального богатства и динамичных изменений экономических условий и факторов, формирующих рыночную среду. Возникшие по этой причине диспропорции между спросом и предложением товаров, услуг, труда и капитала на региональном и межрегиональном рынках определяли особенности трансформационных процессов отдельных регионов, территорий и экономических районов [2].

В статье на примере основных макроэкономических показателей (абсолютных и относительных), характеризующих уровень экономического развития, показаны пространственные диспропорции, наблюдающиеся после 2000 г. как в целом по федеральным округам, так и по отдельным субъектам РФ.

Различия в развитии территорий Российской Федерации обусловлены многими обстоятельствами. В наибольшей степени они связаны с отраслевой структурой экономики регионов. Именно она определила успешность отдельных регионов.

Сравнение отдельных макропоказателей по федеральным округам Российской Федерации приведено в таблице 1.

Конечно, анализ в разрезе федеральных округов не дает возможности выявить в полной мере межрегиональную дифференциацию. Внутри каждого федерального округа также существует сильная дифференциация между субъектами РФ. Тем не менее даже в таком укрупненном анализе видно, что Центральный федеральный округ практически по всем показателям играет определяющую роль, а Южный, Сибирский и Дальневосточный округа являются явными аутсайдерами. Фактически территория страны в экономическом отношении представляется разбитой на две совокупности. Первая — Центральный, Северо-Западный, Приволжский и Уральский федеральные округа, на территории которых сосредоточено 3/4 валового продукта, более 70% инвестиций в основной капитал, 3/4 основных фондов, более 85% доходов от экспорта. Вторая — Южный, Сибирский и Дальневосточный федеральные округа, которые образуют «дугу отсталости».

Учитывая, что восточные территории страны являются наиболее перспективными с сырьевой (а значит и экспортной) точки зрения, а южные представляют собой наиболее уязвимые с геополитических позиций территории, вопросы пространственной организации российской экономики являются актуальными и в настоящее время.

Для интерпретации пространственной неоднородности экономической системы воспользуемся простым, но, по нашему мнению, весьма эффектив-

ным инструментом, применяемым в экономико-статистических исследованиях, — расчетом коэффициентов вариации отдельных региональных макроэкономических показателей. Коэффициент вариации позволяет судить об однородности и устойчивости системы: чем больше коэффициент вариации, тем менее устойчива система и более неоднородна исследуемая совокупность. Коэффициенты вариации были рассчитаны для двух совокупностей: федеральных округов и субъектов РФ.

Таблица 1

**Удельный вес федеральных округов Российской Федерации
в основных социально-экономических показателях в 2000—2008 гг., в текущих ценах, %**

Территория	Валовой регио- нальный продукт	Инвес- тиции в основной капитал	Стои- мость основ- ных фондов	Среднедуше- вые денежные доходы (отно- сительно сред- нероссийского показателя)	Экспорт
2000					
Российская Федерация	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Центральный федеральный округ	32,0	26,1	25,0	141,6	33,1
Северо-Западный федераль- ный округ	10,0	10,0	10,2	99,5	10,3
Южный федеральный округ	7,6	11,6	10,3	62,6	3,7
Приволжский федеральный округ	18,0	17,7	20,4	75,7	16,3
Уральский федеральный округ	15,1	21,5	14,3	120,3	21,2
Сибирский федеральный округ	11,9	8,5	13,2	84,7	11,7
Дальневосточный федераль- ный округ	5,4	4,6	6,6	109,5	3,7
2008					
Российская Федерация	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Центральный федеральный округ	36,5*	25,5	33,8	128,0	45,5
Северо-Западный федераль- ный округ	9,9*	11,8	9,7	100,7	11,1
Южный федеральный округ	7,7*	10,7	8,6	72,8	3,4
Приволжский федеральный округ	15,5*	17,3	15,9	82,7	12,3
Уральский федеральный округ	15,1*	17,3	17,8	125,3	17,6
Сибирский федеральный округ	10,7*	10,7	9,6	81,6	6,9
Дальневосточный федераль- ный округ	4,6*	6,7	4,6	104,6	3,2

Примечание. * Данные за 2007 г.
Источники: [3; 4; 5].

Вариация экономических показателей в разрезе федеральных округов (табл. 2) свидетельствует о существенном увеличении степени вариации показателей, за исключением инвестиционной активности и доходов населения. Но наиболее важно, что вариация увеличилась с переходом к экономическому росту. Это означает, что чисто рыночных механизмов компенсации в пространственном аспекте так и не выработано, несмотря на декларации относительно государственной региональной политики.

Таблица 2

Коэффициенты вариации по федеральным округам, %

Показатель	1995	2000	2005	2008
Валовой региональный продукт	48,0	65,4	68,8	73,7*
ВРП на душу населения	31,6	37,3	47,9	42,1*
Объем промышленного производства	50,5	50,1	58,5	61,0
Объем инвестиций в основной капитал	45,8	54,0	46,3	43,7
Инвестиции в основной капитал на душу населения	46,5	58,6	44,6	42,1
Экспорт	...	73,0	92,3	102,9
Среднедушевые денежные доходы	27,2	27,5	25,5	21,1

Примечание. * 2007 г.

Источники: рассчитано по: [4; 7; 8].

Рассчитанные коэффициенты вариации экономических показателей по субъектам РФ (табл. 3) практически повторяют тенденции, зафиксированные в целом для федеральных округов: увеличивается вариация по таким показателям, как объем валового регионального продукта в целом и на душу населения, промышленного производства, экспортных поставок.

Таблица 3

Коэффициенты вариации по субъектам РФ, %

Показатель	1995	2000	2005	2008
Валовой региональный продукт	124,4	199,2	230,5	230,3*
ВРП на душу населения	53,9	74,5	86,8	79,0*
Объем промышленного производства	110,6	133,6	164,7	164,8
Объем инвестиций в основной капитал	156,5	197,8	161,1	153,2
Инвестиции в основной капитал на душу населения	83,5	110,5	120,1	87,5
Экспорт	...	268,9	343,7	376,3
Среднедушевые денежные доходы	53,5	56,2	52,7	39,0

Примечание. * 2007 г.

Источники: рассчитано по: [4; 7; 8].

Сочетание концентрации производства и доходов в отдельных регионах с благоприятной экономической конъюнктурой в общем случае создает условия для повышения деловой активности. Крупные, относительно устойчиво работающие предприятия становятся основными источниками формирования региональных бюджетов, через которые идет частичное перераспределение образующихся в регионе доходов. В отдельных регионах местные власти и региональные монополисты усиливают эти тенденции.

Данные о структуре распределения инвестиций по округам Российской Федерации (табл. 4) свидетельствуют о том, что в течение 2000-х гг. не произошло существенных изменений с точки зрения инвестиционных предпочтений.

Таблица 4

Удельный вес инвестиций в основной капитал по территориям РФ, %

Федеральный округ	Текущие цены			Постоянные цены 2000 г.		
	2000	2005	2008	2000	2005	2008
Центральный	26,1	26,7	25,5	26,1	24,7	22,3
Северо-Западный	10,0	13,4	11,8	10,0	14,2	12,6
Южный	11,6	9,4	10,7	11,6	9,2	10,3
Приволжский	17,8	16,9	17,3	17,8	16,8	16,4
Уральский	21,5	16,4	17,3	21,5	17,2	17,5
Сибирский	8,5	9,6	10,7	8,5	10,1	14,4
Дальневосточный	4,6	7,6	6,7	4,6	7,8	6,5

Источник: [8].

На протяжении этого периода пальму первенства сохраняет Центральный федеральный округ. По-прежнему более 60% инвестиционных ресурсов концентрируется в трех округах — Центральном, Приволжском и Уральском. Именно в этих округах сосредоточена наиболее развитая хозяйственная и финансовая инфраструктура, а также отрасли тяжелого машиностроения со значительным накопленным основным капиталом, для поддержания которого требуются значительные капитальные затраты.

Повышение доли отдельных округов в территориальном распределении инвестиций обусловлено доминированием в них отдельных субъектов РФ. На территории Центрального федерального округа это Москва и Московская область (соответственно 11,7 и 5,1% от российских инвестиций 2000—2008 гг.; 45,8 и 19,9% от инвестиций Центрального федерального округа). На территории Северо-Западного федерального округа — Санкт-Петербург (4,2% от российских инвестиций и 34,6% от инвестиций Северо-Западного федерального округа). В Приволжском федеральном округе — Республика Татарстан (3,3 и 20% общереспубликанских и общеокружных инвестиций

соответственно). В Уральском федеральном округе доминирующее положение занимает Тюменская область с входящими в ее состав национальными округами. На ее долю приходится 72,5% окружных инвестиций, и она лидирует, оттеснив на второе место Москву (12,9 против 11,7%) по доле в общероссийских инвестициях. Относительно равномерным было распределение инвестиций в Сибирском федеральном округе (Красноярский край — 19,8% от всех инвестиций в округе, Кемеровская область — 17,8%, Иркутская и Новосибирская области — 13,7 и 12,1% соответственно, Омская и Томская области — немногим более 9%). В Дальневосточном федеральном округе бесспорным лидером инвестиционных предпочтений выступает Сахалинская область, на долю которой приходится 31% инвестиционных ресурсов округа и 2,1% общедолевых инвестиций. Второе место занимает Республика Саха (Якутия) (22,9 и 1,5% соответственно).

Стабильность распределения в пространстве валовых инвестиций в 2000—2008 гг. подтверждается и тем, что коэффициент ранговой корреляции между распределением долей отдельных субъектов РФ в совокупных инвестициях в 2000 и 2008 гг. составляет 97,2%.

Надо отметить, что существует тесная связь между совокупными инвестициями в регионе и валовым производством в нем. Так, коэффициент корреляции между величиной инвестиций на душу населения и производством ВРП на одного занятого по субъектам РФ в 2007 г. составил 84,6% (в 2000 г. — 83,4%).

В период 2000—2008 гг. по всем федеральным округам наблюдается рост инвестиционной активности, но с различной степенью приростов (табл. 5).

Таблица 5

**Темпы роста инвестиций в основной капитал по федеральным округам,
в сопоставимых ценах, %**

Федеральный округ	2005/2000	2008/2005	2008/2000
Центральный	153,2	142,0	217,6
Северо-Западный	230,2	140,1	322,6
Южный	128,7	175,8	226,3
Приволжский	153,4	152,9	234,5
Уральский	129,2	159,8	206,5
Сибирский	192,6	224,9	433,2
Дальневосточный	274,2	131,1	359,4

Источник: [8].

Быстрое наращивание инвестиционных ресурсов наблюдалось в Сибирском, Дальневосточном и Северо-Западном федеральных округах, где объем инвестиций за 9 лет вырос в 3,2—4,3 раза. Это объясняется как низкими стар-

товыми условиями инвестирования отдельных субъектов РФ, так и накачкой инвестиционными ресурсами крупномасштабных проектов, связанных с освоением экспортно ориентированных природных ресурсов.

В течение анализируемого периода изменилась по федеральным округам структура распределения инвестиционных ресурсов по источникам финансирования (табл. 6). Практически по всем округам (кроме Центрального) произошло снижение доли собственных средств в общем объеме инвестиций. Для восполнения нехватки инвестиционных ресурсов хозяйствующим субъектам приходится привлекать банковские кредиты, выдаваемые под большие проценты, что в конечном счете влияет на социально-экономическую эффективность производства.

Таблица 6

Структура инвестиций по источникам финансирования, %

Федеральный округ	2000				2008			
	собственные	привлеченные	из них		собственные	привлеченные	из них	
			кредиты банков	бюджетные средства			кредиты банков	бюджетные средства
Центральный	33,4	66,6	3,7	36,6	36,0	64,0	14,6	26,6
Северо-Западный	48,2	51,8	5,2	15,8	31,3	68,7	10,6	21,3
Южный	34,6	65,4	2,8	14,6	33,4	66,6	10,4	30,3
Приволжский	60,1	39,9	4,1	18,7	46,4	53,6	12,9	20,2
Уральский	52,0	48,0	0,8	16,5	50,0	50,0	7,8	13,3
Сибирский	64,9	35,1	1,5	17,7	41,5	58,5	8,8	17,1
Дальневосточный	52,4	47,6	3,6	22,0	29,5	70,5	18,1	16,7

Источники: [7; 8].

Реальное соотношение регионов по привлекательности для вложений дает размещение прямых иностранных инвестиций, поскольку иностранные инвесторы значительно лучше считают риски (табл. 7).

Территориальное распределение валовых иностранных инвестиций отражает общую тенденцию, которая заключается в перераспределении факторов производства в пользу регионов, обладающих институциональными, производственно-технологическими или ресурсными преимуществами.

К основным особенностям размещения иностранного капитала можно отнести: концентрацию иностранных инвестиций в центральной части страны, тяготение к крупным городам субъектов РФ, сосредоточение инвестиций в европейской части страны, тяготение к нефтедобывающим районам, повышенную привлекательность приморских и портовых территорий.

Особенно высокая концентрация валового иностранного капитала в Москве, конечно, объясняется тем, что значительная часть иностранных инвестиций, то есть инвестиций в ценные бумаги, а также значительная доля краткосрочных иностранных займов и долгосрочных облигационных займов приходится именно на Москву. Вместе с тем и Москва и Санкт-Петербург относятся к числу территорий с наиболее продвинутым институциональным режимом и имеют в этом отношении очевидные преимущества в конкуренции на рынке капитала.

Таблица 7

Территориальная структура иностранных инвестиций, %

Территория	2000	2005	2008
Российская Федерация	100,0	100,0	100,0
Центральный федеральный округ	42,6	53,9	53,4
г. Москва	36,8	47,0	39,4
Северо-Западный федеральный округ	15,6	6,4	14,0
г. Санкт-Петербург	10,6	2,6	5,7
Южный федеральный округ	11,4	1,8	3,1
Краснодарский край	8,9	0,8	1,1
Приволжский федеральный округ	6,2	4,1	7,4
Уральский федеральный округ	8,6	10,0	6,3
Сибирский федеральный округ	10,3	12,7	7,5
Дальневосточный федеральный округ	5,3	11,1	8,3

Источник: рассчитано по: [8].

Предпочтительнее иностранные капиталы вкладываются в те виды деятельности, в которых высокий риск уравнивается адекватной прибылью (40% и более). В главных городах субъектов РФ, как правило, действует 60—90% всех размещенных в них предприятий с иностранным участием. В условиях экономической нестабильности преимущества главного города позволяют иностранным инвесторам снять некоторую часть рисков. Крупные города — это экономически активные части национального пространства со сравнительно высокой восприимчивостью к инновациям, являющиеся хозяйственными центрами значительных территорий и имеющие относительно благоприятные инфраструктурные условия и транспортно-географическое положение.

Для России чрезвычайно важен подход с позиций качества экономического пространства, сохранения целостности национальной экономики в условиях исключительной пространственной неоднородности [1]. Пространственный подход к национальной экономике требует совместного

анализа общенационального темпа роста и распределения региональных темпов.

Экономическая динамика, характеризующаяся изменением валового регионального продукта в разрезе федеральных округов, представлена в таблице 8.

Таблица 8

**Индексы физического объема ВРП по федеральным округам,
в сопоставимых ценах, % к 2000 г.**

Территория	2003	2005	2007
Российская Федерация (сумма регионов)	120,3	139,0	163,1
Центральный федеральный округ	121,2	142,9	171,0
Северо-Западный федеральный округ	121,9	141,0	165,5
Южный федеральный округ	119,7	141,2	169,7
Приволжский федеральный округ	117,2	129,6	152,6
Уральский федеральный округ	123,0	144,6	164,0
Сибирский федеральный округ	119,6	135,8	155,0
Дальневосточный федеральный округ	116,3	129,7	149,4

Источники: [4; 5].

Как свидетельствуют данные таблицы 8, в целом по Российской Федерации в течение 2000—2007 гг. наблюдается положительный рост ВРП, хотя и темпами, уступающими уровню 2000 г. В этот период экономический рост был отмечен практически во всех субъектах РФ и во всех федеральных округах. Наибольший темп роста физического объема ВРП за эти годы достигнут в Центральном (171%), Южном (169,7%), Северо-Западном и Уральском округах (165,5 и 164% соответственно), а среди субъектов РФ — в Сахалинской области (2,6 раза), Республике Дагестан (2,5 раза), Ленинградской и Калининградской областях, Чукотском автономном округе (в 2,0—2,2 раза). Наименьший экономический рост отмечен в Мурманской области и Камчатском крае (112,3 и 108,1% соответственно). А в таких регионах, как Магаданская область и Республика Калмыкия отмечается экономический спад (99,6 и 86% соответственно).

Изменение территориальных пропорций распределения производства в РФ в 2000—2007 гг. в основном было обусловлено изменением ценовых пропорций (табл. 9).

Расчет территориальной структуры ВРП в текущих ценах показывает, что в течение периода 2000—2007 гг. среди федеральных округов существенно повысилась доля Центрального (с 32 до 36,5%), достаточно стабильным

было положение Северо-Западного, Южного, Уральского федеральных округов. Доли остальных трех федеральных округов снизились, особенно Приволжского (на 2,5 п. п.).

Таблица 9

Территориальная структура ВРП Российской Федерации, %

Федеральный округ	Текущие цены			Постоянные цены 2000 г.		
	2000	2005	2007	2000	2005	2007
Центральный	32,0	34,8	36,5	32,0	32,9	33,6
Северо-Западный	10,1	10,0	9,9	10,1	10,2	10,2
Южный	7,6	7,2	7,7	7,6	7,7	7,9
Приволжский	18,0	15,5	15,5	18,0	16,8	16,9
Уральский	15,1	17,1	15,1	15,1	15,7	15,2
Сибирский	11,8	10,8	10,7	11,8	11,7	11,4
Дальневосточный	5,4	4,6	4,6	5,4	5,0	4,9
Коэффициент отличия от структуры 2000 г.*	—	1,82	2,17	—	0,68	0,84

Примечание. * Величина среднеквадратичного отклонения структуры соответствующего года от структуры 2000 г.

Источники: [3; 4].

Расчет территориальной структуры ВРП в постоянных ценах не фиксирует сколько-нибудь заметных изменений в территориальном распределении производства. Отличия в постоянных ценах менее выражены, чем в текущих. Это можно объяснить тем, что в случае постоянных цен фиксируются только несоответствия централизованно заданного размещения производства и структуры спроса [6, с. 129].

Но надо отметить, что к 2007 г. коэффициент отличия, рассчитанный как в текущем, так и в постоянном стоимостном измерении, увеличивается. Это может свидетельствовать о том, что территориально спрос базируется на несколько иной структуре производства, чем прежде. Чем в меньшей степени восстанавливается уровень внутреннего спроса, тем менее сближаются структуры [6, с. 129].

Как было показано выше, субъекты РФ неоднородны по природным и экономическим условиям развития. Одним из показателей, характеризующих уровень регионального экономического развития, является уровень производства валового регионального продукта на душу населения. Распределение региональных значений душевых объемов валового регионального продукта по отношению к среднему по России уровню характеризуется значительной неоднородностью (*табл. 10*).

Таблица 10

Динамика дифференциации среднедушевого объема ВРП, текущие цены

Показатель	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Отношение максимального значения показателя к минимальному, раз								
по субъектам РФ	26,53	29,03	35,56	33,82	35,90	43,62	41,49	27,73
по федеральным округам	3,46	3,46	3,39	3,5	3,78	4,46	4,19	3,66
Коэффициент вариации ¹ , %								
по субъектам РФ	74,5	75,2	75,6	77,5	77,2	86,8	82,7	79,0
по федеральным округам	37,3	38,5	38,6	39,5	41,5	48,1	46,3	42,1

Источники: [3; 4].

Разрыв между минимальным и максимальным значениями ВРП на душу населения в течение 2000—2006 гг. постоянно увеличивался. Резкое снижение показателя в 2007 г. объясняется значительным разрывом в темпах прироста производства в Тюменской области (имеющей максимальный уровень душевого производства ВРП) и Республике Ингушетия (минимальный уровень). Если в Тюменской области рост ВРП в 2007 г. относительно уровня 2006 г. в текущих ценах составил 109,2%, то в Республике Ингушетия — 164,2% (в сопоставимых ценах соответственно 103,1 и 126,3%). Всплеск экономической активности вызван в основном оживлением в строительном комплексе.

Как было показано выше, при расчете показателей в текущих ценах на динамику того или иного показателя влияет не только его физическое изменение, но и изменение цен. Ценовой фактор в условиях рыночной экономики может исказить реальную динамику того или иного показателя. В связи с этим было рассчитано душевое производство ВРП в постоянных ценах. Анализ показывает, что по сравнению с 2000 г. увеличилась концентрация регионов, в которых душевое производство ВРП ниже среднероссийского уровня (табл. 11).

Была проведена оценка устойчивости экономик субъектов РФ. Для этого все регионы были разбиты на две группы: условно богатые и условно бедные [6, с. 147—148]. К первой группе отнесены регионы, в которых в 2000 г. уровень производства был выше среднего по России. Ко второй группе были отнесены регионы с уровнем производства ниже среднего. Затем каждая из групп также была разбита на подгруппы. К 2007 г. в первой группе были выделены регионы, в которых среднедушевое производство по-прежнему превышало среднероссийский уровень (группа 1.1, или «богатеющие регионы»).

¹ Аналогичные расчеты приведены в [9]. Несмотря на некоторое числовое различие (коэффициент вариации по субъектам РФ в 2000 г. составляет 52%, в 2005 г. — 55,9%), вывод об усилении региональной неоднородности подтверждается.

Для части регионов первой группы среднедушевое производство оказалось к 2007 г. ниже среднероссийского уровня (группа 1.2, или «беднеющие регионы»). Вторая группа также была поделена на две части. Одну часть (2.1) образовали регионы, в которых среднедушевое производство за период 2000—2007 гг. превзошло среднероссийский уровень. Группу 2.2 составили регионы, производство в которых продолжало оставаться ниже среднероссийского уровня (застойно «бедные регионы») (табл. 12).

Таблица 11

Группировка субъектов РФ по показателю ВРП на душу населения относительно среднероссийского уровня, постоянные цены

Критерий	2000		2007	
	число регионов в группе	доля в суммарном ВРП, %	число регионов в группе	доля в суммарном ВРП, %
Более 400%	1	9,9	1	9,8
200—300%	2	21,6	3	23,1
150—200%	5	5,6	2	4,4
100—150%	9	15,9	8	12,5
75—100%	13	16,9	14	19,3
50—75%	30	24,4	29	24,4
Менее 50%	19	5,7	22	6,5
Всего	79	100,0	79	100,0

Источники: [3; 4].

В 2000 г. из 79 рассмотренных субъектов РФ среднедушевой объем производства ВРП превышал среднероссийский уровень в 17 регионах. Группу высокодоходных регионов формировали северные и восточные районы, а также столичные города. К 2007 г. это распределение изменилось: четыре субъекта РФ из первой группы переместились во вторую, то есть относительный уровень среднедушевого производства в них снизился. Но к числу «богатеющих» регионов в 2007 г. прибавилась Ленинградская область. Группа 2.1 оказалась незаполненной, поскольку ни один из регионов с уровнем среднедушевого производства, меньшим среднероссийского, своего положения не улучшил.

Благополучие и успешность территориальных систем в значительной степени определяются структурой производства, функционирующей на данной территории. Так, в структуре валовой добавленной стоимости на долю промышленности¹ приходится от 20% (Южный федеральный округ) до

¹ Агрегированный показатель по видам экономической деятельности «добыча полезных ископаемых», «обрабатывающие производства», «производство и распределение электроэнергии, газа и воды».

53% (Уральский федеральный округ), а в отдельных субъектах РФ (Тюменская, Сахалинская, Оренбургская, Липецкая области, Красноярский край) этот показатель превышает 55%. Поэтому сдвиги в промышленном производстве в наибольшей степени определяют структурные изменения в территориальных пропорциях.

Таблица 12

Состав групп регионов по динамике среднедушевого ВРП* в 2007 г.

Группа 1.1	Группа 1.2	Группа 2.1	Группа 2.2
Тюменская обл., г. Москва, Сахалинская обл., Чукотский автономный округ, Республика Саха (Якутия), Красноярский край, Архангельская обл., Республика Татарстан, Республика Коми, г. Санкт-Петербург, Вологодская, Магаданская, Ленинградская области, Хабаровский край	Самарская обл., Пермский, Камчатский края, Мурманская обл.		Липецкая, Свердловская, Иркутская, Оренбургская области, Республика Башкортостан, Республика Карелия, Томская, Челябинская, Новосибирская, Ярославская, Калининградская, Нижегородская, Московская, Кемеровская, Белгородская области, Удмуртская Республика, Новгородская, Омская области, Приморский край, Амурская, Астраханская области, Краснодарский край, Ростовская, Тульская, Смоленская, Читинская, Курская области, Еврейская автономная обл., Республика Хакасия, Тверская, Орловская, Калужская, Саратовская, Волгоградская области, Республика Мордовия, Ставропольский край, Ульяновская обл., Республика Бурятия, Ульяновская, Тамбовская, Владимирская, Воронежская, Костромская, Кировская, Брянская области, Алтайский край, Псковская обл., Чувашская Республика, Курганская, Пензенская области, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Марий Эл, Ивановская обл., Карачаево-Черкесская автономная обл., Республика Алтай, Северная Осетия — Алания, Республика Дагестан, Республика Адыгея, Республика Калмыкия, Республика Тыва, Республика Ингушетия

Примечание. * Субъекты РФ расположены в порядке убывания объема среднедушевого ВРП.
Источники: [3; 4].

Перевод представления статистической информации от классификатора по отраслям народного хозяйства (ОКОНХ) к классификатору по видам экономической деятельности (ОКВЭД) привел к нарушению преемственности статистической базы. В связи с этим анализ промышленной деятельности был проведен за 2005 и 2007 гг. по чистым видам деятельности: добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, производство и распределение электроэнергии, газа и воды (*табл. 13*).

Таблица 13

**Состав отраслей специализации по чистым видам деятельности
по федеральным округам**

Федеральный округ	2005	2007
Центральный	Обрабатывающие (1,26): ПППТ (1,37), ТШП (1,81), ПКиО (2,0), ЦБП (1,33), ПриПИ (1,45), ПНМП (1,29), ПМиО (1,11), ПЭ (1,37); производство и распределение э/э, газа и воды (1,26)	Обрабатывающие (1,16): ПППТ (1,25), ТШП (1,5), ПКиО (2,0), ЦБП (1,5), пр-во кокса и нефтепродуктов (1,1), ПриПИ (1,15), ПНМП (1,31), ПМиО (1,09), ПЭ (1,32); производство и распределение э/э, газа и воды (1,1)
Северо-Западный	Обрабатывающие (1,13): ПППТ (1,36), ОД (2,43), ЦБП (2,42), МП (1,04), ПЭ (1,53); производство и распределение э/э, газа и воды (1,06)	Обрабатывающие (1,12): ПППТ (1,34), ОД (2,69), ЦБП (2,08), МП (1,1), ПМиО (1,02), ПЭ (1,56); производство и распределение э/э, газа и воды (1,16)
Южный	Обрабатывающие (1,14): ПППТ (1,7), ТШП (1,54), ПКиО (1,0), химическое (1,0), ПНМП (1,52), ПМиО (1,15); производство и распределение э/э, газа и воды (1,56)	Обрабатывающие (1,16): ПППТ (1,78), ТШП (1,6), ПКиО (1,0), ПНМП (1,52), ПМиО (1,09); производство и распределение э/э, газа и воды (1,42)
Приволжский	Обрабатывающие (1,07): ПКиО (1,0), пр-во кокса и нефтепродуктов (1,3), химическое (1,67), ПриПИ (1,41), ПМиО (1,01); ПТС (2,21); производство и распределение э/э, газа и воды (1,01)	Обрабатывающие (1,08): ПКиО (1,0), пр-во кокса и нефтепродуктов (1,2), химическое (1,78), ПриПИ (1,41), ПМиО (1,01); ПТС (2,13).
Уральский	Добывающие (2,42): топливно-энергетические (1,11)	Добывающие (2,24): топливно-энергетические (1,1)
Сибирский	Обрабатывающие (1,03): ОД (1,31), пр-во кокса и нефтепродуктов (1,31), МП (1,71); производство и распределение э/э, газа и воды (1,15)	Обрабатывающие (1,05): ОД (1,31), МП (1,85); производство и распределение э/э, газа и воды (1,11)
Дальневосточный	Добывающие (2,02): кроме топливно-энергетических (5,57); производство и распределение э/э, газа и воды (1,95)	Добывающие (2,51): кроме топливно-энергетических (3,46); производство и распределение э/э, газа и воды (1,85)

Примечания. В скобках указано значение коэффициента специализации.

ПППТ — производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака; *ТШП* — текстильное и швейное производство; *ПКиО* — производство кожи, изделий из кожи и производство обуви; *ОД* — обработка древесины и производство изделий из дерева; *ЦБП* — целлюлозно-бумажное производство, издательская и полиграфическая деятельность; *ПриПИ* — производство резиновых и пластмассовых изделий; *ПНМП* — производство прочих неметаллических минеральных продуктов; *МП* — металлургическое производство и производство готовых металлических изделий; *ПМиО* — производство машин и оборудования; *ПЭ* — производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования; *ПТС* — производство транспортных средств и оборудования.

Источники: [3; 4].

Как видно из таблицы 13, не произошло существенных изменений в специализации федеральных округов, измеренной индексами сравнительной концентрации производства. Добывающие отрасли промышленности преобладают в Уральском (добыча топливно-энергетических ресурсов) и Дальневосточном (добыча ресурсов, кроме топливно-энергетических) федеральных округах. Обрабатывающие производства сосредоточены в Центральном, Северо-Западном, Южном, Приволжском, Сибирском федеральных округах.

В связи с тем, что федеральные округа являются слишком большим агрегатом для того, чтобы судить о действительных изменениях в территориальной структуре промышленности, был проведен анализ изменений в промышленной специализации по субъектам РФ (табл. 14).

Анализ коэффициентов локализации промышленного производства¹ по 79 субъектам РФ показал, что существенных изменений степени территориальной концентрации по отраслям промышленности не произошло. Однако с точки зрения специализации на тех или иных видах деятельности отдельных региональных экономик изменения в ряде случаев заметны.

Таблица 14

**Специализация субъектов РФ
по видам экономической деятельности**

Вид экономической деятельности	Субъект РФ, 2005		Выбывшие после 2005 г.	Присоединившиеся к 2007 г.
	кол-во	наименование		
1	2	3	4	5
Добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	12	Республика Коми, Архангельская обл., Республика Ингушетия, Республика Калмыкия, Астраханская обл., Республика Татарстан, Удмуртская Республика, Оренбургская, Тюменская, Кемеровская, Томская, Сахалинская области	—	Чеченская Республика
Добыча полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических	13	Белгородская, Курская области, Республика Карелия, Республика Тыва, Читинская обл., Республика Саха (Якутия), Амурская, Магаданская области, Чукотский автономный округ	Белгородская обл.	Мурманская обл.

¹ Агрегированный показатель по видам экономической деятельности «добыча полезных ископаемых», «обрабатывающие производства», «производство и распределение электроэнергии, газа и воды».

1	2	3	4	5
Производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	31	Брянская, Владимирская, Воронежская, Ивановская, Калужская, Московская, Орловская, Рязанская, Тамбовская, Тверская, Ярославская, Калининградская, Ленинградская, Новгородская, Псковская области, г. Москва, г. Санкт-Петербург, Республика Адыгея, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия — Алания, Краснодарский край, Ростовская обл., Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Чувашская Республика, Кировская, Пензенская, Курганская области, Алтайский край, Новосибирская обл.	г. Москва, Кировская обл.	Белгородская, Липецкая, Тульская области, Ставропольский край, Саратовская обл.
Текстильное и швейное производство	26	Брянская, Владимирская, Ивановская, Московская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Ярославская, Калининградская, Псковская области, г. Санкт-Петербург, Республика Адыгея, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Краснодарский край, Ростовская обл., Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Чувашская Республика, Кировская, Пензенская, Ульяновская, Новосибирская области, Еврейская автономная обл.	г. Санкт-Петербург, Краснодарский край, Республика Мордовия, Пензенская, Новосибирская области, Еврейская автономная обл.	Костромская обл., Ставропольский край, Волгоградская, Кировская области
Производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	22	Брянская, Владимирская, Воронежская, Калужская, Московская, Рязанская, Тамбовская, Тверская, Тульская, Ярославская области, г. Москва, Псковская обл., г. Санкт-Петербург, Кабардино-Балкарская Республика, Краснодарский край, Ростовская обл., Чувашская Республика, Кировская, Пензенская, Челябинская, Новосибирская области, Еврейская автономная обл.	Воронежская, Московская области, г. Санкт-Петербург, Челябинская обл., Еврейская автономная обл.	Костромская обл., Ставропольский край
Обработка древесины и производство изделий из дерева	18	Брянская, Владимирская, Калужская, Московская, Тверская, Вологодская, Новгородская, Псковская области, Республика Адыгея, Республика Марий Эл, Пермский край, Кировская, Пензенская области, Алтайский, Красноярский края, Иркутская обл., Еврейская автономная обл.	Псковская обл., Еврейская автономная обл.	Ивановская, Костромская, Смоленская, Калининградская, Ленинградская области, г. Санкт-Петербург, Ульяновская обл.

1	2	3	4	5
Целлюлозно-бумажное производство, издательская и полиграфическая деятельность	13	Брянская, Калужская области, г. Москва, Калининградская, Ленинградская, Новгородская области, Республика Адыгея, Краснодарский край, Республика Марий Эл, Пермский край, Пензенская, Иркутская, Новосибирская области	Калининградская обл., Краснодарский край, Новосибирская обл.	—
Производство кокса и нефтепродуктов	9	Рязанская обл., г. Москва, Волгоградская обл., Республика Башкортостан, Пермский край, Нижегородская обл., Алтайский край, Иркутская, Омская области	Алтайский край, Иркутская обл.	Республика Марий Эл
Химическое производство	15	Воронежская, Московская, Смоленская, Тамбовская, Тульская, Ярославская, Вологодская, Ленинградская, Новгородская области, Республика Башкортостан, Чувашская Республика, Пермский край, Кировская, Самарская, Иркутская области	—	Ставропольский край, Саратовская обл.
Производство резиновых и пластмассовых изделий	14	Владимирская, Воронежская, Московская, Смоленская, Ярославская области, г. Москва, Карачаево-Черкесская Республика, Волгоградская обл., Республика Мордовия, Кировская, Самарская области, Алтайский край, Новосибирская, Омская области	г. Москва	Брянская, Тверская, Ленинградская, Нижегородская, Саратовская области
Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	25	Брянская, Владимирская, Воронежская, Калужская, Московская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Ленинградская, Новгородская, Псковская области, Республика Адыгея, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия — Алания, Краснодарский край, Волгоградская, Ростовская области, Республика Мордовия, Ульяновская, Свердловская, Челябинская, Новосибирская области, Еврейская автономная обл.	Тверская обл., Республика Адыгея, Свердловская, Челябинская области, Еврейская автономная обл.	Белгородская обл., г. Москва, г. Санкт-Петербург, Ставропольский край, Чувашская Республика, Саратовская обл.
Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	10	Липецкая, Орловская, Тульская, Вологодская области, Республика Северная Осетия — Алания, Волгоградская, Свердловская, Челябинская области, Красноярский край, Иркутская обл.	—	Белгородская обл., Кабардино-Балкарская Республика, Республика Хакасия

1	2	3	4	5
Производство машин и оборудования	22	Брянская, Владимирская, Воронежская, Калужская, Липецкая, Московская, Орловская, Тамбовская, Тверская, Тульская, Ярославская, Калининградская, Псковская области, г. Санкт-Петербург, Республика Адыгея, Ростовская обл., Республика Марий Эл, Чувашская Республика, Пензенская, Курганская, Новосибирская области, Еврейская автономная обл.	Тульская, Ярославская, Новосибирская области, Еврейская автономная обл.	Ивановская, Костромская, Рязанская области, Республика Башкортостан, Пермский край, Саратовская обл., Республика Хакасия
Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	24	Владимирская, Воронежская, Калужская, Московская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Ярославская области, г. Москва, Калининградская, Новгородская, Псковская области, г. Санкт-Петербург, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Марий Эл, Республика Мордовия, Чувашская Республика, Кировская, Пензенская, Ульяновская, Новосибирская области, Еврейская автономная обл.	Кировская обл., Еврейская автономная обл.	Ставропольский край, Самарская, Саратовская области
Производство транспортных средств и оборудования	15	Брянская, Смоленская, Тамбовская, Тверская, Ярославская, Ленинградская области, г. Санкт-Петербург, Ростовская обл., Республика Мордовия, Чувашская Республика, Нижегородская, Самарская, Ульяновская, Курганская области, Алтайский край	г. Санкт-Петербург	Иркутская обл.

Присутствие Чеченской Республики в составе специализирующихся регионов в добывающем секторе в 2007 г. объясняется опубликованием официальной статистической информации именно в этот период. Отсутствие данной информации за предыдущие периоды не позволило оценить специализацию республики в ретроспективе.

В отраслях обрабатывающей промышленности (текстильное и швейное производство, производство машин и оборудования, производство резиновых и пластмассовых изделий) изменение состава регионов преимущественной концентрации связано с разной степенью соответствия структуры производства рыночному спросу, а также с первоначальным выбором места размещения производственных площадей. Там, где структура выпуска более или менее соответствует структуре спроса или существует возможность достаточно быстро привести их в соответствие, показатели специализации не изменились или даже увеличились. Этот вывод был сделан на основе данных

1990—2000 гг. [6, с. 134] и подтвержден анализом статистических данных за 2001—2007 гг.

Таким образом, исследование макроэкономических индикаторов и структурных взаимосвязей в российской экономике не позволяет подтвердить гипотезу об изменении тенденций в сфере формирования межрегиональных экономических неравенств. Одновременно можно утверждать, что объективные индикаторы свидетельствуют об отсутствии существенных структурных сдвигов в территориальном аспекте.

Этот результат в принципе подтверждает теоретическое предположение о том, что экономический рост, базирующийся на увеличении интенсивности использования наличных факторов производства и природных ресурсов при данном их пространственном распределении, может лишь укрепить базовые соотношения в распределении результатов экономической деятельности между отдельными территориальными хозяйственными совокупностями.

Какие-либо заметные изменения в пространственных экономических распределениях, включая структурные соотношения в регионах, возможны только в случае изменения, эволюционного или программного, уровня продуктивности факторов производства в отдельных регионах и/или изменения сравнительной концентрации самих факторов производства и результирующих показателей их использования в регионах.

До настоящего времени подобных существенных модификаций сравнительной концентрации факторов производства, их сравнительной продуктивности и макроэкономических результатов экономической деятельности в пространственном аспекте не происходит. Очевидно, анализируемый период экономического роста (2000—2007 гг.) представляется недостаточно длительным для того, чтобы проявились вышеуказанные модификации пространственных распределений, даже в том случае, если они уже запущены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гранберг А. Г. Пространственный аспект стратегии развития России // Стратегическое управление: регион, город, предприятие. М.: Экономика, 2004.
2. Минакир П. А. Мнимые и реальные диспропорции экономического пространства // Пространственная экономика. 2008. № 4.
3. Национальные счета России в 2000—2007 гг. М.: Росстат, 2008.
4. Национальные счета России в 2001—2008 гг. М.: Росстат, 2009.
5. Основные показатели системы национальных счетов. 1998—2007 гг. www.gks.ru.
6. Пространственные трансформации в российской экономике. М.: Экономика, 2002.
7. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2008. М.: Росстат, 2008.
8. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009. М.: Росстат, 2009.
9. Чернова Л. Методы анализа и регулирования пропорций регионального развития // Экономист. 2009. № 7.

УДК 338+330.59

С. Н. Найден

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТОВ РФ

Рассмотрены тенденции динамики основных параметров социального развития в субъектах РФ. Проведены расчеты и получены количественные оценки межрегиональной дифференциации параметров социального развития в пределах федеральных округов и страны в целом. Показано, что на фоне сокращения межрегиональных различий по показателям уровня доходов населения происходит усиление дифференциации по уровню потребления основных продуктов питания, жилищным условиям и доступности дорогостоящих предметов длительного пользования. При этом сохраняется устойчивый уровень различий по услугам социальной сферы (здравоохранение).

Межрегиональная дифференциация, социальное развитие, номинальные и реальные доходы населения, уровень бедности, уровень потребления, уровень обеспеченности социальными услугами.

Исторически сложившаяся неоднородность социально-экономического пространства России оказывает значительное влияние на функционирование государства, структуру и эффективность экономики, стратегию и тактику институциональных преобразований и социально-экономическую политику. Межрегиональная дифференциация усилилась при нарастании кризисных явлений в экономике и переходе к рыночным реформам. Это было связано, во-первых, с включением рыночного механизма, разделившего регионы по их конкурентным преимуществам и недостаткам; обнаружи-

© Найден С. Н., 2010

Статья подготовлена при поддержке проектов ДВО РАН № 09-1-П-28-02 и № 09-III-A-10-546.

лась различная адаптация к рынку регионов с разной структурой экономики и разным менталитетом населения и власти. Во-вторых, значительно ослабла регулирующая роль государства, что выразилось в сокращении государственных инвестиций в региональное развитие, отмене большинства региональных экономических и социальных компенсаторов. В-третьих, сказалось фактическое неравенство различных субъектов РФ в экономических отношениях с центром.

В настоящее время в России на фоне увеличения числа регионов с растущей экономикой проблема неравномерности развития экономического пространства страны продолжает оставаться актуальной. Так, максимальное различие величины ВРП на душу населения среди 88 наблюдавшихся регионов достигало в 2002 г. 69,5 раза. В 2007 г. по уровню регионального валового продукта самые бедные и самые богатые регионы страны различались в 28 раз, а по объему инвестиций на душу населения — в 173 раза [3]. Распределение регионов по этим показателям асимметрично: выше среднероссийского уровня по ВРП на душу населения находится только 14 субъектов РФ, по уровню инвестиций — 23 [4]. В каждом четвертом регионе инвестиции в основной капитал и производство ВРП на душу населения более чем вдвое ниже среднероссийского. В результате, согласно имеющейся статистике, Россия занимает первое место в мире по межрегиональной социально-экономической дифференциации [9].

Наращение различий в уровне экономического развития регионов приводит к нарушению социального и регионального равновесия, сказывается на дифференциации показателей социального развития различных районов России и провоцирует возникновение множества социально-экономических проблем. Поэтому выявление тенденций изменения основных параметров социального развития в субъектах РФ представляется важной научной задачей.

Методика исследования. В рамках данного исследования под социальным развитием понимается изменение благосостояния населения, оцениваемое через параметры уровня жизни, характеризующего обеспеченность индивидов определенными благами и услугами. Отбор индикаторов для проведения сравнительной оценки параметров социального развития регионов основывался на следующих принципах:

- выбор из стандартных показателей государственной статистики;
- минимизация числа индикаторов путем отбора, с одной стороны, наиболее типичных для характеристики социального развития, а с другой стороны, наиболее специфических для рассматриваемого периода исследования;
- способность индикатора отражать территориальные различия и динамику рассматриваемого компонента социального развития.

В результате в число основных индикаторов были отобраны:

- для характеристики доходов¹ населения — показатели среднедушевых денежных доходов населения, среднемесячной заработной платы на одного работающего и среднемесячной начисленной пенсии на одного пенсионера;
- для оценки уровня бедности — показатель отношения среднедушевых денежных доходов населения к прожиточному минимуму, удельный вес населения с доходами ниже прожиточного минимума в общей численности населения;
- для оценки уровня потребления — потребление основных продуктов питания на душу населения (мяса и мясопродуктов, молока и молокопродуктов);
- для оценки жилищных условий населения — обеспеченность населения жильем в квадратных метрах на человека;
- для анализа обеспеченности населения социальными услугами — обеспеченность больничными койками и врачами на 10 тыс. человек;
- для оценки уровня обеспеченности дорогостоящими предметами длительного пользования — обеспеченность населения легковыми автомобилями на 1 тыс. человек.

В качестве информационной базы исследования использовались данные Федеральной службы Росстата за 1990, 1995—2008 гг. Расчеты выполнялись по группам субъектов РФ, входящих в каждый из 7 федеральных округов, и в целом по всей совокупности субъектов РФ (без учета Чеченской Республики и автономных округов (кроме Чукотского АО) [4; 7; 8; 10].

Оценка межрегиональной дифференциации основана на расчете коэффициента вариации (отношение среднеквадратического отклонения показателя к его средней величине), характеризующего степень разброса анализируемых региональных показателей, во-первых, от среднероссийской величины и, во-вторых, от средней величины по соответствующему федеральному округу.

Результаты анализа. Региональные различия в доходах населения обусловлены экономическим неравенством в развитии субъектов РФ, включая структуру экономики регионов и динамику роста цен на товары и услуги.

За период 1995—2008 гг. в целом по стране номинальные среднедушевые денежные доходы населения выросли в 29 раз, или в 2,7 раза, без учета изменения потребительских цен. Основным источником роста доходов населения стала заработная плата, которая в номинальном исчислении увеличилась за этот период в 36,5 раза, или в 3,4 раза, без учета ценового фактора, в то время как темп роста номинальных пенсий составил всего 50% (18 раз) от темпов роста номинальной оплаты труда.

¹ При анализе уровня доходов населения учитывались не только номинальные, но и реальные показатели, пересчитанные для сопоставимости в цены 1995 г. путем корректировки на индекс потребительских цен по каждому субъекту РФ и по стране в целом.

Различия в темпах роста реальных денежных доходов населения повлияли на сокращение дистанции между уровнем доходов в регионах и по стране в целом (рис. 1). Так, коэффициент вариации реальных среднедушевых доходов снизился с 47,7% в 1995 г. к 2008 г. до 30,5%. Значительные различия в структуре экономики и уровне экономического развития отдельных регионов повлияли на более высокие параметры неравенства по заработной плате при сохранении общей тенденции снижения с 55,6% в 1995 г. до 34,7% в 2008 г. Несмотря на то, что межрегиональные различия по среднемесячным пенсиям носят более «мягкий» характер, проведение пенсионной реформы привело к усилению дифференциации населения не только в номинальном, но и в реальном исчислении. Так, коэффициент вариации реальных пенсий (в ценах 1995 г.) в целом по территориям достиг 22,2% в 2008 г., что на 4% больше, чем в 1995 г.

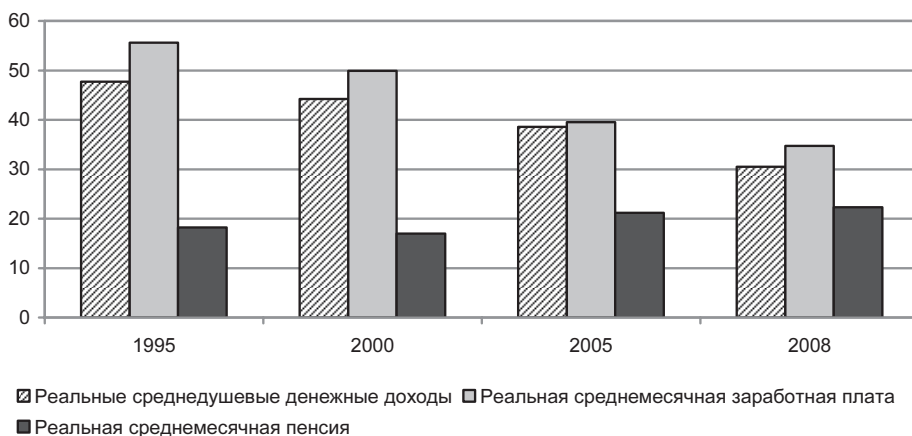

Рис. 1. Коэффициенты межрегиональной вариации реальных показателей доходов населения по стране в целом, %

Источники: [4; 7; 8; 10].

Среди федеральных округов лидирующее положение занимает Уральский, где неравенство между входящими в него субъектами РФ по доходам и заработной плате не опускается ниже уровня 50% за счет Тюменской области, чьи доходные показатели более чем в 2 раза превышают параметры остальных территорий округа. Существенное различие между субъектами РФ сохраняется в Приволжском, Дальневосточном и Центральном федеральном округах: по реальным доходам населения в пределах 23—26%, по реальной заработной плате — 17—19,5%. Однако если по этим показателям наблюдается устойчивая тенденция к снижению дифференциации, то по реальным пенсиям различия усиливаются. Если в 1995 г. коэффициент вариации между

субъектами РФ внутри федеральных округов изменялся от 5,7% в Приволжском федеральном округе до 19,4% в Дальневосточном, то к 2008 г. размах увеличился от 9,3% в Центральном федеральном округе до 26,3% в Уральском (табл. 1).

Таблица 1

Коэффициенты межрегиональной вариации показателей доходов населения по федеральным округам и в целом по РФ, %

Федеральный округ	Реальные средне-душевые денежные доходы			Реальная средне-месячная заработная плата			Реальные средне-месячные пенсии		
	1995	2000	2008	1995	2000	2008	1995	2000	2008
Центральный	49,0	37,1	23,8	16,1	17,9	19,4	6,0	10,0	9,3
Северо-Западный	26,5	31,2	20,0	37,8	31,3	16,0	15,1	13,3	15,3
Южный	22,9	25,0	22,0	19,7	20,0	15,3	6,3	7,3	10,2
Поволжский	18,2	29,3	25,7	22,7	26,3	17,7	5,7	9,4	12,7
Уральский	59,1	69,2	48,3	55,1	81,0	57,4	7,9	10,7	26,3
Сибирский	25,3	30,5	20,8	27,1	32,7	19,0	8,8	9,2	10,4
Дальневосточный	39,5	37,8	25,5	47,3	17,9	19,4	19,4	19,7	23,4
В целом по РФ	47,7	44,2	30,5	55,6	49,9	34,7	18,2	17,0	22,3

Источники: [4; 7; 8; 10].

Значительное расслоение сохранилось по субъектам РФ в составе федеральных округов. Степень неравенства распределения доходов по стране в целом к началу 2008 г. достигла 0,410 (коэффициент Джини) с разбегом от максимального уровня 0,565 в Москве до минимального — 0,320 — во Владимирской области и Республике Алтай. Доходы 10% наиболее обеспеченных жителей Москвы превышали доходы 10% наименее обеспеченных в 41 раз, в Тюменской и Самарской областях — в 19—21 раз. Десятикратное превышение доходов между децильными группами сохранилось во многих бедных регионах страны.

В целом по России в 2008 г. по сравнению с 1995 г. доля населения с доходами ниже прожиточного минимума (бедное население) снизилась с 24,8 до 13,1%, или в 2,2 раза по сравнению с 2000 г., когда был зафиксирован ее максимальный уровень. Следует учесть, что за период 1995—2008 гг. величина прожиточного минимума в среднем на душу населения возросла в 17,4 раза, а среднедушевой доход — в 29 раз, в результате соотношение доход/прожиточный минимум составляет теперь 330%. При этом в Москве доходы превышают установленный уровень прожиточного минимума в 5 раз, в Тюмени и Санкт-Петербурге — в 4 раза, в Свердловский, Кемеровской, Че-

лябинской, Липецкой, Самарской областях, Пермском крае, республиках Татарстан, Дагестан и Башкортостан — более чем в 2,5 раза. То есть в первую десятку попали все промышленно развитые территории, для которых характерны высокий уровень оплаты труда и низкая доля населения с доходами ниже прожиточного минимума.

Несмотря на значительный рост реальных доходов населения, сохраняется достаточно большая группа территорий, для которых характерен высокий удельный вес бедного населения. Так, в республиках Ингушетия и Калмыкия более половины населения живет на границе бедности, в республиках Тыва, Адыгея, Алтай, Марий Эл, Амурской области — нуждается каждый третий житель, еще в 20 регионах в данную категорию попадает каждый пятый. В результате коэффициент вариации по доле бедного населения среди регионов составляет почти 40%. При этом в группу аутсайдеров попали все регионы Дальнего Востока, за исключением Сахалинской области и Чукотского автономного округа. Высокая стоимость прожиточного минимума наиболее болезненно отражается на бедных слоях населения, в частности, на пенсионерах. В 8 из 9 дальневосточных субъектах РФ в 2008 г. размер средней пенсии не превысил прожиточный минимум, при этом размах между максимальным уровнем соотношения среднемесячной пенсии и минимальной стоимости жизни в Магаданской области (102,1%) и минимальным на Камчатке (76,2%) составил почти 30 п. п.

К сожалению, некоторые эксперты прогнозируют появление территориального пояса застойной бедности, где доля населения с доходами ниже прожиточного минимума будет составлять 35—40% и более. К числу регионов этого пояса потенциально относят: ряд старопромышленных и сельскохозяйственных регионов европейского центра, южные национальные республики, ряд регионов Поволжья, Сибири и Дальнего Востока. Общая численность населения, проживающего в регионах, которые потенциально могут войти в пояс застойной бедности, превышает 30 млн человек [1].

Для оценки региональной дифференциации сложившегося уровня потребления были проанализированы показатели душевого потребления важнейших продуктов питания — мясных и молочных.

В целом душевое потребление мяса и мясопродуктов в России в результате реформ снизилось с 75 кг в 1990 г. до 45 кг в 2000 г. (на 40%). Душевое потребление молока и молочных продуктов сократилось за этот период с 387 до 215 кг, или на 45%. После 2000 г. началось некоторое увеличение душевого потребления мясных и молочных продуктов. К 2007 г. потребление по мясным продуктам достигло 81% от уровня 1990 г. и по молочным — 63%. При этом значительно возросли межрегиональные различия в уровне душевого потребления мясных и молочных продуктов (рис. 2).

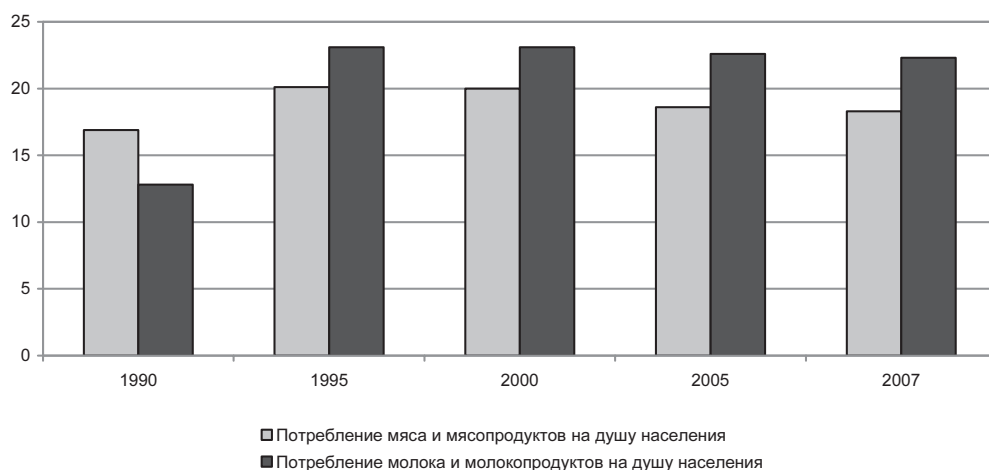

Рис. 2. Коэффициенты межрегиональной вариации показателей потребления в целом по РФ, %

Источники: [4; 7; 8; 10].

В дореформенный период межрегиональная дифференциация среднедушевого потребления продуктов питания обуславливалась главным образом за счет Москвы и Ленинграда, которые снабжались несравненно лучше, чем остальные регионы России. Так, душевое потребление мяса в Москве в 1,4 раза превышало среднероссийский показатель, в Ленинграде — на 25%. В результате реформ региональная дифференциация потребления мяса и мясопродуктов заметно возросла (до 20,1% в 1995 г.), и только после 1999 г. началось некоторое снижение [11]. Среди регионов, которые существенно отстают по уровню потребления мяса, выделяются субъекты РФ Южного и Дальневосточного федеральных округов. Межрегиональные различия душевого потребления молока и молочных продуктов в дореформенный период были сравнительно небольшими, всего 12,8% (1990 г.), но в результате производимых экономических преобразований в стране они увеличились почти в 2 раза. Причиной тому послужило стремительное сворачивание отрасли животноводства и сокращение производства молока и молочных продуктов. Так, к началу 2008 г. поголовье крупного рогатого скота в целом по стране сократилось в 2,7 раза, свиней — в 2 раза, а производство молока — в 1,7 раза. Начиная с 2000 г. постепенно, хотя и неустойчиво, начинает расти потребление молокопродуктов, в основном за счет развития фермерских хозяйств и производства продукции из сухого молока. Тем не менее уровень межрегиональных различий по такому, казалось бы, общедоступному продукту остается крайне высок (22,3%). Наиболее уязвимыми оказались терри-

тории Дальнего Востока, где потребление молока и молокопродуктов отстает не только от среднероссийских параметров, но и в 1,5—2 раза ниже собственных показателей 1990 г.

Важной характеристикой социального развития является обеспеченность населения жильем [2; 5; 6]. Уровень этого показателя за последние 18 лет несколько повысился. Если в 1990 г. в среднем на одного жителя страны приходилось 16,4 м² жилья, то к 2008 г. этот показатель увеличился до 22 м². Несмотря на рост межрегиональной дифференциации по вводу жилья на душу населения (коэффициент вариации вырос с 35,5% в 1995 г. до 43,5% в 2008 г.), межрегиональные различия по уровню обеспеченности населения жильем сравнительно невелики. В 1990 г. уровень обеспеченности в бедных регионах страны отличался от среднероссийского не более чем на 15—20%. Коэффициент межрегиональной вариации по данному показателю составлял всего 10,5% (рис. 3).

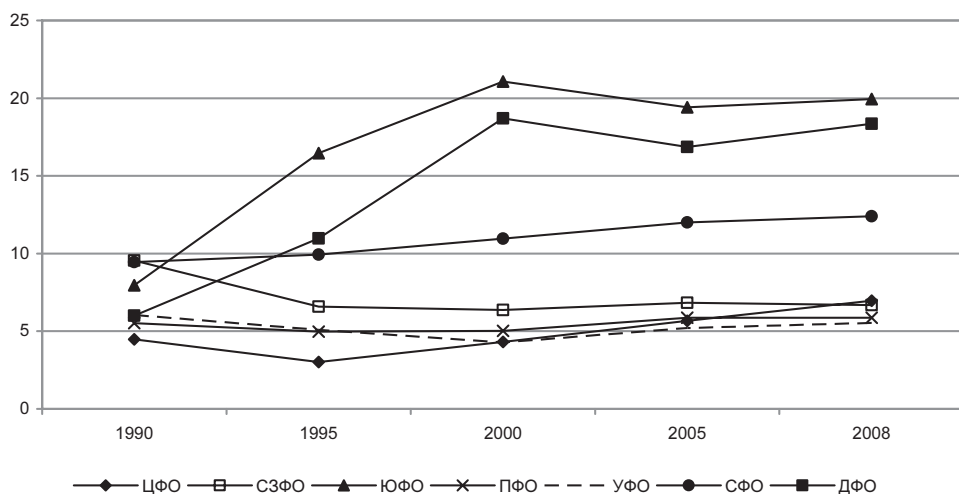

Рис. 3. Коэффициенты межрегиональной вариации обеспеченности населения жильем в пределах федеральных округов РФ, %

Источники: [2; 4].

В ходе рыночных реформ по мере повышения общего уровня обеспеченности населения жильем межрегиональная дифференциация усилилась, хотя и незначительно, до 16,1% в 2008 г. Наиболее высокую обеспеченность жильем имеют Чукотский автономный округ — 30,8 м²/чел., Московская область — 28,1 м²/чел., Магаданская и Псковская области — по 27,2 м²/чел., Тверская и Новгородская области — по 26,5 м²/чел. Наиболее низкий уровень обеспеченности жильем — в Тыве (12,3 м²/чел.), Дагестане (16,5 м²/чел.) и Ка-

бардино-Балкарии (16,9 м²/чел.). В Ингушетии приходится всего 10,9 м² на человека, что вдвое ниже, чем в среднем по России. Таким образом, высокая дифференциация между регионами наблюдается в Южном и Дальневосточном федеральных округах (см. рис. 3).

В рамках данного исследования оценивалась также дифференциация обеспеченности населения социальными услугами, в частности — здравоохранения. Возможности стационарного лечения для населения за годы реформ несколько снизились. Если в 1990 г. на 10 тыс. населения приходилось 137,4 больничных коек, то к 2007 г. этот показатель снизился до 107,2 (на 28%). При этом межрегиональные различия по обеспеченности больничными койками в 1990 г. были крайне незначительны, всего 10,8% (рис. 4).

Рис. 4. Коэффициенты межрегиональной вариации обеспеченности услугами здравоохранения в целом по РФ, %

Источники: [4; 10].

Снижение среднероссийского уровня обеспеченности населения больничными койками сопровождалось нарастанием межрегиональной дифференциации. Коэффициент вариации количества койко-мест на 10 тыс. населения возрос к 2007 г. до 23,6%, т. е. более чем в 2 раза по сравнению с уровнем 1990 г. Наиболее высоким уровень обеспеченности оказался в Чукотском автономном округе (241,7), Еврейской автономной области (171,4), Магаданской области и Республике Тыва (по 165,5), Приморском крае (154,7). Высокий уровень обеспеченности больничными койками имели практически все дальневосточные субъекты РФ, что связано с миграционным оттоком населения с этих территорий в период реформ. Самый низкий уровень обеспеченности населения больничными местами зафиксирован в Ингушетии

(41,2, или 40% от среднероссийского уровня) и Дагестане (68,2, или 63% от среднероссийского уровня).

Число врачей на 10 тыс. населения за годы реформы несколько увеличилось: если в 1990 г. в среднем по РФ приходилось 45 врачей, то уже к 2007 г. 49,8 врачей. При этом коэффициент вариации количества врачей на 10 тыс. населения по регионам страны в целом практически не изменяется на протяжении 1990—2007 гг. (в пределах 21—23%). Различия проявляются внутри федеральных округов. Так, наиболее высокая степень межрегионального неравенства присутствует в Южном федеральном округе (коэффициент вариации — 29,5%), где наряду с минимальным уровнем обеспеченности врачами (Республика Ингушетия — 24 врача на 10 тыс. человек) зафиксирован один из максимумов (Республика Северная Осетия — Алания — 70 врачей). Самый низкий уровень межрегиональной дифференциации — в Уральском федеральном округе, всего 13,8%, где отмечен второй аутсайдер — Курганская область (27,7 врачей). Абсолютными лидерами по числу врачей на 10 тыс. населения являются города федерального значения Москва и Санкт-Петербург (82,5 и 79,6 врачей соответственно). К сожалению, официально публикуемая информация по обеспеченности населения медицинскими кадрами и услугами в разрезе субъектов РФ не позволяет увидеть реальную ситуацию. В условиях реформы здравоохранения рост обеспеченности внутри субъектов РФ происходит на фоне перераспределения медицинского персонала и укомплектованности медицинских учреждений из малых и неперспективных муниципальных образований в сторону более крупных и развитых населенных пунктов. Для населения малых поселений это становится катастрофой, влияющей на уровень жизни и социального развития.

Одним из важных показателей, характеризующих уровень благосостояния, является обеспеченность населения легковыми автомобилями. За годы реформы этот показатель в России вырос в 3,3 раза. Если в 1990 г. приходилось 58,5 легковых автомобилей на 1 тыс. человек, то в 2007 г. эта величина достигла 195,4. Разумеется, и сейчас по уровню обеспеченности легковыми автомобилями существуют значительные различия между отдельными регионами страны. В 1990 г. наиболее высокий уровень обеспеченности был характерен для Республики Адыгея (103,4), Республика Хакасия (90,1), Курганской области (86,8), Краснодарского края (80,6). Наименьшая обеспеченность автомобилями отмечалась в Чукотском автономном округе (7,8), Чувашии (25,5), Брянской и Курганской областях (32 и 34,6 соответственно). В 1995 г. в результате либерализации торговли, реформы таможенных отношений и расширения рынка товаров, особенно в части ввоза «подержанных» автомобилей из-за рубежа, резко вырос уровень обеспеченности автотранспортом на 1 тыс. человек в «приморских» и/или «приграничных»

регионах: в Хабаровском крае — в 3 раза к уровню 1990 г., на Сахалине — в 2,5 раза, в Приморском крае, Магаданской и Калининградской областях — в 2,2 раза. За счет подъема уровня жизни и расширения доступа к дорогостоящим товарам в 2 раза по сравнению с 1990 г. вырос уровень обеспеченности легковыми автомобилями в городах Москве и Санкт-Петербурге, а также в Тюменской области. В результате коэффициент вариации по данному показателю в целом по стране увеличился с 26,7% (1990 г.) до 31,2% (1995 г.). К 2000 г. процесс насыщения рынков автомобильными средствами распространился по территории всей страны, и постепенно дифференциация снизилась до 23% (2007 г.). Наиболее высокая обеспеченность населения легковыми автомобилями в 2007 г. имела место в Калининградской области (269,4), Санкт-Петербурге (266), Москве и Московской области (261,4 и 261,1 соответственно), на Сахалине (251,9), в Приморье (248,4), Хабаровском крае (233,5), Тюменской и Магаданской областях (232,2 и 230,5). Относительно низка обеспеченность автомобилями в Республике Дагестан (62,2) и Ингушетии (66,6), что в 3 раза меньше, чем в среднем по стране. В Чукотском автономном округе на 1 тыс. жителей приходится всего 44 легковых автомобиля.

Традиционно высокой остается межрегиональная дифференциация внутри Дальневосточного и Южного федеральных округов (36,4 и 30,4% соответственно), где зафиксированы основные лидеры и аутсайдеры по обеспеченности населения автотранспортом (табл. 2).

Таблица 2

Коэффициенты межрегиональной вариации обеспеченности населения автомобилями по федеральным округам и в целом по РФ, %

Федеральный округ	1990	1995	2000	2005	2006	2007
Центральный	20,9	24,6	20,5	19,1	18,4	17,8
Северо-Западный	17,5	26,6	24,8	19,5	19,4	18,4
Южный	25,1	29,4	30,1	30,3	30,8	30,4
Поволжский	27,1	26,7	22,2	20,3	19,4	17,2
Уральский	24,4	19,5	24,6	13,1	11,1	9,8
Сибирский	16,1	19,1	17,8	19,3	18,5	15,6
Дальневосточный	36,2	38,6	34,7	35,9	36,0	36,4
В целом по РФ	21,5	25,0	17,0	21,8	22,5	21,1

Источники: [4; 10].

В остальных округах после 2003 г. происходит постепенное сокращение разрыва по уровню обеспеченности автомобилями на тысячу человек. Особенно это проявляется в Уральском и Приволжском федеральных округах,

где коэффициенты вариации сократились с 24,4 и 27,1% в 1990 г. до 9,8 и 17,2% в 2007 г. соответственно. «Сближение» регионов по уровню обеспеченности легковыми автомобилями происходит в основном за счет более быстрых темпов «подтягивания» отстающих субъектов РФ. Так, например, в Чувашии (аутсайдер Приволжского федерального округа) обеспеченность автомобилями на 1 тыс. населения за 1990—2007 гг. выросла в 4,3 раза, в Свердловской области (аутсайдер Уральского федерального округа) за тот же период увеличилась в 4,1 раза.

Таким образом, сопоставление основных показателей социального развития между регионами РФ в 1995—2008 гг. показало, что в этот период действовали две разнонаправленные тенденции.

С одной стороны, параметры реальных среднедушевых доходов населения и реальной заработной платы сближались, происходило постепенное сокращение межрегиональных различий (коэффициент вариации снизился с 47,7 до 30,5% и с 55,6 до 34,7% соответственно). Правда, «внутри» показателей доходов населения несколько усилилась дифференциация уровня реальных среднемесячных пенсий (рост коэффициента вариации с 18,2 до 22,2% соответственно). Возможно, это свидетельствует о постепенном формировании «единого пространства доходов» или единого рынка труда, где происходит выравнивание значений альтернативных цен труда. В то же время усиление дифференциации по пенсиям может отражать более точный учет ранее наблюдавшихся различий в уровнях доходов и оплаты труда. В этом случае через некоторое время следует ожидать сокращения межрегиональных различий и в уровнях пенсионного обеспечения.

С другой стороны, наблюдался рост дифференциации регионов по ряду параметров, зависящих от уровня получаемых доходов населения.

В частности, усилилась дифференциация по уровню душевого потребления основных продуктов питания. Коэффициент вариации по потреблению мяса и мясных продуктов составил 18,3% в 2008 г. (для сравнения 16,9% в 1990 г.), по молоку и молочным продуктам — 22,3%, что значительно выше, чем в дореформенном 1990 г. (12,5%). Это свидетельствует о падении уровня жизни среди малообеспеченных слоев населения, вынужденных сокращать потребление важнейших продуктов питания. То есть сближение уровней доходов между регионами «скрывает» прогрессирующее расслоение между доходными группами населения, что характерно для всех регионов.

Еще одним важным выводом является то, что усиливается дифференциация такого косвенного показателя социальных предпочтений населения, как ввод жилья на душу населения (коэффициент вариации вырос с 35,5% в 1995 г. до 43,5% в 2008 г.). Конечно, эта дифференциация частично отражает «разбегание» регионов по инвестируемым доходам, усиление «богатых»

территорий. Однако определенная часть этого показателя, конечно, отражает растущую дифференциацию спроса на жилье по регионам, который в части коммерческого спроса как раз и отражает устойчивую дифференциацию оценок населением регионов с точки зрения «полезности для себя» проживания в них. Как следствие увеличивается разрыв в обеспеченности населения жильем (с 11 до 16,1% соответственно).

Сохраняется устойчивая степень межрегиональных различий по услугам социальной сферы на примере здравоохранения. Коэффициент вариации по уровню обеспеченности регионов врачами и больничными койками составляет на протяжении исследуемого периода 23—23,5%. Одновременно происходит не учитываемое официальной статистикой социальное расслоение внутри регионов, когда растет обеспеченность медицинскими услугами в крупных и центральных населенных пунктах за счет деградации малых и неперспективных поселений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белоусов А. Р. Сценарии экономического развития России на пятнадцатилетнюю перспективу // Проблемы прогнозирования. 2006. № 1.
2. Жилищное хозяйство и бытовое обслуживание населения в России. 2007. Стат. сб. / Росстат. М., 2007.
3. Материалы официального сайта Совета Федерации Федерального Собрания РФ // <http://www.council.gov.ru>
4. Материалы официального сайта Федеральной службы государственной статистики. <http://www.gks.ru>.
5. Мотрич Е. Л., Найден С. Н. Население и социальное развитие Дальнего Востока // Пространственная экономика. 2009. № 2.
6. Мотрич Е. Л., Найден С. Н. Влияние социально-демографической ситуации на трудовую миграцию: дальневосточный вектор // Проблемы прогнозирования. 2009. № 5.
7. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2004. Стат. сб. / Росстат. М., 2005.
8. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2008. Стат. сб. / Росстат. М., 2008.
9. Реформационный прагматизм как основа модернизации // Российский экономический журнал. 2007. № 3.
10. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2008. Стат. сб. / Росстат. М., 2008.
11. Чернова Л. С. Тенденции региональной дифференциации уровней социального развития субъектов РФ // Проблемы прогнозирования. 2007. № 6.

УДК 332.1

Хосе Рамон Ласуэн

УРБАНИЗАЦИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ: ВРЕМЕННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУ ГЕОГРАФИЧЕСКИМИ И ОТРАСЛЕВЫМИ КЛАСТЕРАМИ

Рассмотрены взаимодействия теории экономической динамики и пространственной экономической теории, структура исследований в рамках каждой из них. Выдвинуты гипотезы формирования отраслевых и географических кластеров, определены взаимодействия между ними. Показана роль инновационных кластеров в процессах формирования отраслевых и географических кластеров.

Теория экономической динамики, пространственная экономическая теория, урбанизация, отраслевой кластер, географический кластер, инновационный кластер, инновационный процесс, гипотеза, факторы.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ КЛАСТЕРЫ

Географическая концентрация фирм и отраслей, должно быть, всегда характерна для экономической деятельности. К такому заключению можно прийти исходя из того, что данной проблеме уделяется постоянное внимание в экономической литературе, а также благодаря представлению о неизбежности географической концентрации, которым проникнуты все эко-

© Lasuén J. R., 2010

Lasuén J. R. Urbanisation and Development – the Temporal Interaction between Geographical and Sectoral Clusters // Urban Studies. 1973. Vol. 10. № 2. P. 163–188.

Окончание. Начало опубликовано в журнале «Пространственная экономика». 2009. № 4. С. 106–125.

номические теории. Фактически, как это показал Лефевр [19], такое представление присутствует даже в наиболее абстрактном из экономических подходов: теории общего равновесия.

Вместе с тем, несмотря на то, что данное явление уже давно признано в качестве области исследований и возможных научных гипотез, существующее в настоящее время понимание самого этого феномена неудовлетворительно. Предлагаемые гипотезы являются исключительно вневременными и именно по этой причине не полностью убедительными во всех контекстах. Это происходит потому, что господствующие модели все еще базируются на идее, выдвинутой Маршаллом [23]. Выраженная кратко, она гласит: географическая концентрация экономической деятельности является результатом существования агломерационных экономических эффектов. Этот подход, который (в различных интерпретациях) все еще может объяснять, почему существует географическая концентрация, с трудом может объяснить (кроме как постфактум), где и как происходит концентрация. Именно на эти ключевые вопросы дает ответ пространственный анализ.

Поскольку вопросы «почему?» и «где?» взаимосвязаны, цель этого раздела статьи состоит в том, чтобы представить гипотезу, объясняющую, почему, где и как могут развиваться агломерационные экономические эффекты.

Как в предыдущем разделе, сначала рассмотрим вневременные гипотезы, а позже обсудим временную гипотезу. Однако, в противоположность предыдущему разделу, необходимо дать краткую оценку гипотезам об агломерационных экономических эффектах, поскольку статические гипотезы не сформулированы как для географических кластеров, так и для отраслевых.

Статические гипотезы: 1. Внутренние и внешние экономические эффекты

Маршалл указал, что агломерационные экономические эффекты являются результатом существования в некоторых точках пространства внешних и внутренних экономических эффектов, которые привлекают фирмы, стремящиеся получить благодаря этим эффектам прибыль. Идея Маршалла подразумевает, что выгоды от внутренней и внешней экономии могут быть получены только посредством перемещения в их местонахождение, а фирмы могут компенсировать потенциально возрастающие транспортные расходы, связанные с доставкой ресурсов и готовой продукции, более низкими удельными издержками [30]. Экономисты с тех пор детализировали несколько функциональных типов внутренних и внешних экономических эффектов, их значимость, последствия, различные типы обуславливающих их факторов, но не оценили релевантность рассматриваемых концепций применительно к исследуемому объекту. Поэтому мы, во-первых, проанализируем ограниченные концепции внешних и внутренних экономических эффектов, объясняя,

в пределах наших возможностей, почему существуют географические кластеры, и, во-вторых, рассмотрим вопрос о том, могут ли другие аналитические инструменты использоваться для той же самой цели.

Проблема может быть определена следующим образом: в мире, в котором физические, биологические и социальные факторы (такие как законы о собственности, институциональные структуры и т. д.) предопределяют необходимость существования многочисленных экономических агентов на сегментированных рынках, и внутренние, и внешние экономические эффекты можно считать результатом производственной неделимости (*production indivisibilities*) [29]. В результате агломерационные экономические эффекты можно рассматривать как продукт неделимости, а эту неделимость необходимо объяснять либо в терминах внутренних и внешних экономических эффектов, либо с помощью других механизмов.

Краткий взгляд на производственную неделимость показывает, что она весьма различается для разных типов экономических единиц (заводов, фирм, отраслей, секторов и т. д.) в какой-либо заданный период времени и что она значительно изменяется с течением времени для одного и того же типа единиц. Таким образом, например, неделимость в пределах завода обуславливает внутреннюю для завода экономию (и/или потери); неделимость внешняя по отношению к этому заводу – внешнюю экономию (и/или потери), но большинство внешних в отношении завода экономических эффектов могут быть внутренними экономическими эффектами для отрасли.

Другими словами, наличие производственной неделимости предполагает, что для недвусмысленного определения внутренних и внешних экономических эффектов при анализе факторов, связанных с формированием неделимости, необходимо точно очертить сферу принятия решений (*the decision sphere*) экономической единицы. Если факторы являются внутренними по отношению к сфере влияния соответствующей единицы, неделимость создает внутреннюю экономию (и/или потери); если они не принадлежат этой сфере, то появляется внешняя экономия (и/или потери).

Из этого следует вывод: внутренние и внешние экономические эффекты не могут быть одними и теми же в пространственном анализе фирм, пространственном межотраслевом анализе и пространственном анализе доходов, потому что различаются единицы анализа. Далее можно сделать вывод, что, с учетом временной перспективы, при изменении как сферы влияния фирмы, так и факторов, создающих неделимость (например, технологии), ранее существовавшие внутренние и внешние экономические эффекты должны измениться. Изменения в размере и структуре фирм, модификации в функциях производства и распределения могут привести к интернализации (*internalisation*) и/или экстернализации (*externalisation*) существовавших ранее экономических эф-

фектов, изменяя тем самым относительную локационную привлекательность (*relative locational attractiveness*), которую они, возможно, имели.

Это предполагает, что концепция внутренних и внешних экономических эффектов, вероятно, будет более полезной в статическом анализе микроединиц, чем в долгосрочном временном анализе макроединиц, ведь чем меньше размер единиц и менее изменчивы их технические и организационные параметры, тем больше будет воздействие на них внутренней и внешней неделимости.

Это, конечно, может объяснять, почему внутренние и внешние экономические эффекты являются неотъемлемыми элементами в теории размещения фирм, а также основанных на ней теориях регионального развития¹. Это также может быть причиной того, почему эти эффекты играют столь незначительную роль в теориях регионального развития, основанных на поведении отраслей или секторов (*industry or sectoral behaviour*), которые не подкрепляются соответствующими теориями размещения отраслей².

Статические гипотезы: 2. Производственная комплементарность

До сих пор предполагалось, что внешние и внутренние экономические эффекты очень удобны для изучения роли неделимости в объяснении существования географических кластеров в пространственно-статической микроэкономической модели (*spatial static microeconomic framework*), но мало полезны в других моделях; теперь необходимо ответить на вопрос о том, как неделимость, которая объясняет существование географических кластеров, может быть изучена в других моделях.

Ограничимся при рассмотрении этого вопроса пространственно-межотраслевыми измерениями (*the spatial-interindustry dimensions*), потому что межотраслевая модель уже использовалась в разделе об отраслевых кластерах.

Для большинства авторов, пишущих о межотраслевом анализе и развитии (которые используют главным образом ту же самую модель), понятие географических кластеров также близко ассоциируется с неделимостью. Однако никакого определения отраслевым внутренним-внешним экономическим эффектам (эквивалент внутренним и внешним экономическим эффектам фирмы) не существует. Причина очевидна: теория фирмы главным образом сосредоточена на анализе взаимозаменяемости ресурсов (*input substitutability*), а межотраслевой анализ — на изучении комплементарности ресурсов (*input complementarity*). Как следствие, теория размещения фирм может рассматривать взаимозаменяемость комбинаций ресурсов для различных местополо-

¹ Теория центральных мест, от Кристаллера до Тинбергена.

² Модели экспортной базы (*export base*), отраслевой структуры (*industrial structure*) и стадий развития отрасли (*sectoral stage*).

жений, в то время как теория размещения отраслей не может строиться без учета альтернативы внутренних и внешних экономических эффектов.

Тогда каким образом меж- и внутриотраслевая неделимость может быть включена в межотраслевой анализ? Хиршман [14] указал логическое решение, позднее развитое другими [13]. Вместо того, чтобы основываться на взаимозаменяемости, базирующейся на теории цен, он построил свою аргументацию на гипотезе, основанной на комплементарности межотраслевых экономических эффектов (*the basic complementary hypothesis of interindustry economies*), рассуждая, что технологическая комплементарность производственных функций вкупе с пространственными трениями (транспортные расходы, а также коммуникационные проблемы и иммобильность ресурсов, особенно предпринимательских), действуя на ресурсы отраслей, приводит к их географической концентрации.

Мы не отрицаем позицию Хиршмана, представленную в его географическо-отраслевом подходе. Но так как мы пытаемся отделить механизмы причинной обусловленности, действующие в отраслевом пространстве, от таковых, действующих в географическом пространстве, мы не можем использовать его упрощенный подход. Мы не можем взять механизм, который объясняет отраслевые кластеры, спроецировать его на географическое пространство (учитывая пространственные трения) и использовать для объяснения географических кластеров. Технологическая комплементарность подвержена влиянию пространственного трения, что в результате приводит к усилению географической концентрации (мы это увидим, когда свяжем вместе отраслевые и географические кластеры), но остается вопрос: существует ли другая комплементарная неделимость (*complementary indivisibilities*), помимо технологической комплементарности, которая приводит к возникновению географических кластеров?

Статические гипотезы: 3. Маркетинговая комплементарность

Чтобы ответить на последний вопрос должным образом, нам нужна специальная межотраслевая теория размещения (*interindustry location theory*). Такой теории не существует. Разрозненные зачатки такой теории неявно содержатся в двух основных вариантах классификации отраслей с учетом пространства: традиционные «ресурсно-ориентированные, рыночно-ориентированные, свободные»¹ отрасли и «локальные, региональные, национальные и международные отрасли» Тинбергена [36].

¹ *Resource-oriented industry* — отрасль, тяготеющая к ресурсам (отрасль, располагающаяся вблизи места нахождения необходимых для производства ресурсов); *market-oriented industry* — отрасль, тяготеющая к рынкам сбыта (отрасль, размещенная вблизи основных рынков сбыта своей продукции); *footloose industry* — свободная отрасль (отрасль, не имеющая типичного местоположения и не тяготеющая к рынкам сбыта или местам расположения факторов производства). — *Примеч. пер.*

Первая классификация группирует отрасли согласно соответствующей пространственной привязке (*spatial pull*) ресурсов и конечной продукции. Как читатель сможет отметить, эта классификация подходит скорее для объяснения взаимозаменяемости, а не пространственной комплементарности.

Классификация Тинбергена группирует отрасли в соответствии с пространственными диапазонами поставок (*the spatial delivery ranges*) их продукции. Например, локальные отрасли – это отрасли, продукция которых не может экспортироваться и должна использоваться в том месте, где была произведена, потому что является либо персонализированным продуктом или услугой, либо частью более сложного и неделимого набора благ, либо скоропортящимся изделием и т. д. Этот метод классификации позволяет анализировать пространственную комплементарность отраслей, основанную скорее на разнообразии продукции, а не схеме «затраты-выпуск». Действительно, данная классификация не исключает возможность создания межотраслевой теории размещения, основанной на пространственной комплементарности продукции отраслей, обусловленной схожей пространственной неделимостью областей сбыта их продукции (*product's marketing ranges*). Эта теория была бы, в сущности, очень похожа на теорию центральных мест [35].

Само собой разумеется, у нас нет намерений предложить такую теорию. Мы только выдвигаем общую гипотезу, на которой она может быть построена: различия в пространственных диапазонах товаров и услуг (из-за неделимости, определяющей возможности доставки такой продукции) и комплементарность в механизмах доставки этой продукции приводят к географической концентрации деятельности. Этот процесс географической кластеризации (*geographical clustering*) не зависит от того, способствуют ли неделимость в производственном процессе и комплементарность в приобретении ресурсов для различных видов деятельности их отраслевой концентрации; он также не зависит от другого процесса географической кластеризации, который является результатом влияния локационных факторов (*locational factors*) на региональные отраслевые кластеры, а скорее дополняет его.

Как будет показано, рассмотренная выше гипотеза не сильно отличается от интерпретации межотраслевым анализом существования географической концентрации. Оба подхода сходятся на том, что географические кластеры являются результатом комплементарности неделимости. Единственное отличие от межотраслевого анализа – разделение производственных неделимости и комплементарности (статический независимый фактор, объясняющий существование географических кластеров) и маркетинговых комплементарности и неделимости.

Это отличие является необходимым, потому что: а) неделимость и комплементарность в маркетинге, часто отбрасываемые, как представляется, мо-

гут быть лучшим статическим объяснением для некоторых географических кластеров, чем неделимость и комплементарность в производстве, учитывая локационные факторы¹; b) нам нужен статический независимый фактор, объясняющий существование географических кластеров, которые могут быть рассмотрены как конечный продукт процесса исторической комплементарности (аналогичным образом мы рассмотрели статическую производственную комплементарность как конечный продукт исторического процесса комплементарности в разработке продукции), чтобы объяснить взаимодействие между отраслевыми и географическими кластерами. Комплементарность и неделимость в маркетинге могут быть использованы именно для этого.

Первый пункт требует некоторого объяснения. И производство, и маркетинг – основные составляющие любой отрасли. Однако, как правило, соответствующий успех международных и национальных видов деятельности определяется главным образом продуктивностью (*efficiency*) постоянных и переменных ресурсов, используемых в производстве, в то время как местные и региональные виды деятельности, напротив, как кажется, больше зависят от эффективности их маркетинговых сетей (*marketing networks*). Неделимость в производстве и в маркетинге действует в качестве ограничителя потенциальной эффективности и должна рассматриваться как критический элемент планирования. Как следствие, комплементарность может рассматриваться во всех видах деятельности как рациональный способ минимизации рисков, являющихся результатом существования неделимости. С учетом некоторых локационных факторов это приводит к географической кластеризации. Но тип комплементарности и соответствующее размещение отраслей будут различаться в зависимости от преобладающего типа неделимости в отрасли. Отрасли, в которых производственная неделимость является определяющей, будут стремиться «срастаться» (*coalesce*) в местах, где может быть получено большинство ресурсов; отрасли, в которых существенной является маркетинговая неделимость, будут стремиться к размещению в местах, где может быть продана большая часть их продукции.

Далее мы увидим, какие исторические процессы могут приводить к формированию неделимости и комплементарности в маркетинге. Перед этим, однако, необходимо показать относительную полезность нашей гипотезы в ее статической форме в сравнении с альтернативными статическими гипотезами. Для этой оценки нам сначала нужно сделать краткий обзор имеющихся теорий.

Единственная альтернатива предложенной маркетинговой гипотезе – это простая технологическая (производственно-ориентированная) гипотеза,

¹ Дело обстоит так для услуг и других локальных видов деятельности.

упомянутая выше. Согласно ей географические кластеры – это пространственные «отражения» (*spatial mappings*) технологических отраслевых кластеров. Если принять эту гипотезу, то фактически невозможно будет предсказать, где в будущем возникнут географические кластеры, потому что сначала необходимо предсказать, как технология будет развиваться во всех отраслях и их географических «последствиях». Географические факторы являются в данном случае просто пассивными описательными характеристиками. В действительности единственный прогноз, которой можно было бы сделать в соответствии с этой точкой зрения и с имеющимися знаниями о технологической эволюции, предполагал бы, что географические кластеры в будущем будут менее обусловлены местоположением природных ресурсов и более – доступностью рынков.

Это очень парадоксальная и смущающая ситуация. Только здравый смысл позволяет нам делать более точное предсказание использования пространства в будущем! Никто, кроме консервативных экономистов, не сомневается, что, независимо от того, как развивается технология, структура регионов и городов в различных государствах в ближайшем будущем радикально не будет меняться. Все, кроме придерживающихся традиций экономистов, уверены, что если произойдет какое-нибудь соответствующее изменение, существующие модели использования пространства упрочатся, потому что если бы технологическое изменение действительно угрожало радикально изменить преобладающую пространственную структуру, новые технологии не были бы внедрены. Косвенным подтверждением вопиющей неуместности в этом отношении обычных экономических гипотез является тот факт, что проекты в области использования пространства базируются на моделях, взятых из других дисциплин. Вопреки ожиданиям, основанным на традиционной теории, историей прямо подтверждается значительная стабильность в эволюции моделей городских систем [17].

Итак, по общему признанию, существующая альтернатива, позволяющая предсказать, где будут размещаться новые географические кластеры, слаба. Временная версия нашей собственной гипотезы не может быть намного хуже. Основываясь только на этом, мы вправе перейти к более детальному рассмотрению предлагаемой гипотезы с учетом временного фактора.

Временная гипотеза: комплементарность в процессах рыночного развития

Для разработки независимой временной гипотезы о географических кластерах воспользуемся методом, аналогичным тому, который мы использовали применительно к отраслевым кластерам.

В последнем случае мы рассматривали статическую производственную комплементарность как конечный результат комплементарности, существу-

ющей на всем протяжении процесса разработки продукции. Теперь же мы можем сказать, что статическая маркетинговая комплементарность не может быть чем-то другим, кроме как конечным результатом (существующим во всех временных точках) комплементарности на всем протяжении процесса развития рынков (*the market-development process*).

Другими словами, нельзя сказать, в рамках временной гипотезы, что появление географических кластеров – это просто продукт комплементарности маркетинговых сетей (*marketing network complementarities*). Гораздо больше смысла в идее, предполагающей, что существование кластеров населения (*clusters of population*), безотносительно их происхождения, мотивировало появление рынков и, соответственно, концентрацию комплементарных маркетинговых сетей и связанных с ними видов производственной деятельности.

Поскольку соответствующая аргументация может быть очень продолжительной, а нам в последующем потребуется краткая формулировка, мы выдвигаем гипотезу, что в прошлом существовало множество факторов, приводящих к кластеризации населения (*the clustering of population*), и в будущем они могут быть также многочисленными, а не только чисто экономическими. Но эти факторы, однажды возникнув, определяют неизбежную логику развития рынков локальных и региональных продуктов в форме кластеров. Ввиду существования у населения потребности иметь непосредственный доступ к самому широкому выбору этих продуктов, эта логика предопределяет движение к формированию комплементарности рынков (*the complementarity of the markets*) отдельных продуктов. В свою очередь, рыночная комплементарность приводит к появлению общих рынков (*the aggregate markets*) для различных кластеров; крупные кластеры будут иметь большие и более разнообразные общие рынки; наконец, вследствие маркетинговой неделимости видов деятельности, связанных с обслуживанием рынков и их комплементарностью, будут создаваться кластеры предприятий (*clusters of plants*), обслуживающих рынки.

Роль временных и вневременных гипотез в модели

Теперь у нас есть две независимые гипотезы, объясняющие существование географических кластеров видов деятельности: одна – статическая (основанная на маркетинговой комплементарности), другая – временная (основанная на комплементарности развития рынков). Обе являются логическими эквивалентами гипотез, выдвинутых для отраслевых кластеров: основанных на производственной комплементарности и комплементарности, связанной с разработкой продукта.

Однако мы не намерены использовать первую пару гипотез только для объяснения существования географических кластеров, а другую – только для объяснения существования отраслевых кластеров.

Обе эти пары с должными исправлениями могут использоваться для объяснения существования обоих типов кластеров. Гипотеза о производственной комплементарности, как уже было отмечено, может служить, наряду с анализом сравнительных издержек (*comparative cost analysis*), для объяснения (вневременного) существования географических кластеров международных и национальных видов деятельности. Также можно отметить, что маркетинговая комплементарность на основе подхода «затраты-выпуск» может объяснить (с вневременной точки зрения) существование отраслевых кластеров локальных и региональных видов деятельности. То же самое может быть сказано относительно временных гипотез.

Поэтому сначала мы намереваемся разделить эти два набора гипотез, а затем «смешать» их вместе, чтобы более детально изучить взаимодействие между эволюционными моделями урбанизации и экономического развития и сформулировать сбалансированное видение проблемы.

Такого результата можно достигнуть благодаря временной модели взаимодействия с двумя возможными комбинациями: в первой — один набор гипотез активен, а другой пассивен; во второй комбинации наборы меняются местами.

Учитывая исторический опыт, представляется оправданным использование именно такой схемы.

Действительно, в прошлом можно более уверенно, чем в настоящем, выявить технологию, обуславливающую то, какие географические пространства могли использоваться. Однако если технология не изменялась на протяжении длительного периода времени, в этот временной промежуток и в этих пространствах изменения в географических кластерах, безусловно, происходили из-за воздействия других, более изменчивых (хотя и менее значимых) факторов. Эти факторы (социальные, культурные, политические и т. д.), которые меняются более часто, изменили структуру поселений (*the structure of settlements*) и, как следствие, ранее существовавшую комплементарность развития рынков, усиливая и обуславливая эволюцию городских систем, на что всегда указывали географы [6]. И все же такие факторы никогда не были способны преодолеть географические ограничения, обусловленные технологией.

Когда процесс технологических изменений начал значительно ускоряться (в связи с промышленной революцией), ситуация полностью изменилась, потому что более быстро начали изменяться неделимость и комплементарность производства. Таким образом, технология стала активным элементом в продвижении изменений в городских системах, что географы также признали. Но ее влияние никогда и не оспаривалось. Городские системы способствовали принятию новых инноваций и размещению новых отраслевых

кластеров таким способом, что новая технология никогда радикально не изменяла ранее существовавшую структуру городских систем, кроме как в странах, не имеющих сложившихся городских сетей (*complete urban networks*)¹. Как мы увидим позже, в рамках второй комбинации, основное воздействие технологии может усиливать ранее существовавшие иерархические и функциональные связи (*hierarchical and functional orders*) городских систем.

Для разъяснения нашей позиции относительно причин существования географических кластеров мы были вынуждены заранее указать некоторые из основных линий нашей аргументации. Теперь мы можем представить законченную схему, позволяющую в полной мере оценить взаимодействие географии и технологии и облегчающую рассмотрение более детальных гипотез следующего раздела, касающегося взаимодействия между географическими и отраслевыми кластерами.

Для этого воспользуемся гипотезой, основанной на идее развития городских систем во времени. Эта гипотеза, впервые использованная Б. Берри [2], предполагает применение теории открытых систем [1] к городским системам. В соответствии с этой гипотезой городские системы стремятся, подобно всем системам, к формированию в результате системной энтропии гомогенной структуры образующих их единиц (т. е. все географические кластеры являются подобными). Однако они не достигают этого состояния (как это происходит со всеми закрытыми системами), потому что городские системы являются открытыми (обучающимися) системами; другими словами, системами, которые ведут себя в соответствии с первоначальным кодом, полученным через информационный вход. Короче говоря, городские системы — это открытые системы, которые развиваются в соответствии с определенной моделью, которая балансирует между гомогенизирующим влиянием системной энтропии и морфогенетическим влиянием их запрограммированного поведения.

Берри была предложена одношаговая модель открытой системы (*one-shot open-system model*) эволюции городских систем с единственной комбинацией факторов. Наша модель может быть формально редуцирована до многошаговой модели открытой системы (*multi-shot open-system model*) с двумя комбинациями². Первая комбинация соответствует периоду, когда технология обуславливает, а география предопределяет форму городской системы. Вторая — периоду, когда география обуславливает, а технология — предопределяет

¹ Новые свободные земли заселялись европейцами в девятнадцатом столетии в Соединенных Штатах Америки, Канаде, Австралии, Сибири. В Латинской Америке городская сеть сложилась к началу промышленной революции и в основном с тех пор не изменилась.

² Данная формулировка представляет собой небольшую модификацию (две комбинации вместо одной) сделанного ранее автором более детального изложения многошаговой модели открытой системы [16].

ет. Множественность информационных импульсов (*information shots*) вызвана сменяющимися друг друга наборами инноваций.

Вторая комбинация в нашей модели может быть составлена посредством генерализации (*generalisation*) одношаговой модели. Кластеры сменяющих друг друга инноваций являются сменяющимися друг друга информационными «продуктами», которые оказывают свое воздействие на географические кластеры каждой структуры городских систем, реагирующей на них. Структура городских систем изменяется согласованно: это система, принимающая новую конгруэнтную и неизменную модель развития вплоть до появления нового инновационного кластера, исчезает и сменяется новой городской структурой и новой моделью развития. Первая комбинация может быть составлена гораздо проще на основе предположения, что изначальная структура городской системы является результатом первого инновационного кластера и изменяется с учетом ограничений, обусловленных технологией, но не подвержена влиянию следующего инновационного кластера, пока не прекратилось воздействие первого.

В следующем разделе в рамках рассматриваемой схемы взаимодействий постараемся объяснить, как инновационные кластеры влияют на географические кластеры и как те реагируют в ответ.

ОТРАСЛЕВЫЕ И ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ КЛАСТЕРЫ

До сих пор мы утверждали, что лучший способ изучить взаимосвязь между процессами экономического развития и урбанизации состоит в том, чтобы рассматривать процесс развития как последовательность сменяющихся друг друга во времени отраслевых кластеров, а процесс урбанизации — географических кластеров. Мы также высказали мысль, что эти два процесса (из которых первый имеет международный характер, а второй — преимущественно национальный) взаимосвязаны, и что для понимания их взаимодействия необходимо допускать, что они подвержены влиянию некоторых несхожих, специфических факторов и большому числу общих.

Мы также предположили, что во временной перспективе основной специфический фактор, обуславливающий существование отраслевых кластеров, — это «врожденная» комплементарность инноваций, которая в статике проявляется в форме производственной неделимости и комплементарности между различными отраслями. С другой стороны, мы предположили, что основной специфический фактор, обуславливающий существование географических кластеров, — это комплементарность развития рынков, которая в статике проявляется как неделимость и комплементарность в маркетинге. Мы также представили главные элементы модели, способной связать два рассматриваемых процесса.

Так как первая комбинация в нашей модели, которая может быть использована только в отношении традиционных обществ, была включена только по причинам логической законченности, то теперь нашей целью станет рассмотрение только второй комбинации. В рамках последней можно получить объяснения того, как особенности использования пространства создают условия для генерирования, диффузии и принятия инноваций и как характеристики инновационного процесса, после того как инновации приняты, влияют на использование географического пространства в будущем.

Влияние использования географического пространства на инновационный процесс

Чтобы проанализировать влияние на инновации использования географического пространства, необходимо различать следующие подпроцессы: а) генерирование, б) диффузия и с) принятие инноваций. В рамках каждого из них также необходимо различать типы инноваций (потребительские и предпринимательские инновации — *consumer and entrepreneurial innovations*), потому что, как мы увидим, географические направления инновационной диффузии и принятия потребительских товаров и услуг среди домашних хозяйств и новых технологий или продуктов среди производителей отличаются друг от друга.

Генерирование инноваций

Относительно генерирования инноваций Уилбур Томпсон [37] выдвинул гипотезу (подтвержденную данными, использованными им для ее проверки), согласно которой изобретения имеют тенденцию появляться и становиться инновациями в больших городах со значительными и разнообразными трудовыми резервами, смешанными и открытыми культурами, способствующими распространению новой информации, свободными финансовыми средствами (*fluid financing facilities*), значительными вложениями инфраструктурного капитала (*infra-structural capital*) и мощными образовательными и исследовательскими учреждениями. Гипотеза Томпсона также подтверждается историей. Как отметил У. Макнейл [22], изобретения и генерирование инноваций на всем протяжении истории имели место в крупных мегаполисах, открытых для обмена новейшими продуктами и идеями. Это в целом согласуется с результатами Преда [27], полученными позднее, и с концепцией изобретений и инноваций Д. Шона [32]: схожие по принципу действия продукты появляются благодаря знанию, полученному в разных областях, как ответ на более новые потребности.

Однако гипотеза Томпсона может быть уточнена. Современные и исторические данные показывают, что инновации генерируются не только в

больших открытых городах, но и в некоторых наиболее развитых странах. Сегодня большинство инноваций на Западе происходит в четырех больших мегаполисах: восточного и западного побережья Соединенных Штатов, области долин Рура и Рейна и равнины Лондон — Мидлэнд. В отдаленном будущем генерирование инноваций может переместиться в какие-то другие зоны, но они снова будут сильно сконцентрированы.

Подобная гипотеза упрощает нашу задачу. Если инновации всегда возникают лишь в некоторых передовых странах, то для остального мира предметом обсуждения являются вопросы, объясняющие, как инновации распространяются в другие страны. Это можно учесть в нашей модели, если предположить, что инновации происходят где-то вовне (экзогенно) и в нескольких относительно постоянных областях. Поэтому, вопреки авторам, рассматривающим передовые страны, которые логически фокусируются на генерировании инноваций¹, и вопреки националистической школе латиноамериканских экономистов (*the nationalist school of Latin-American economists*)², которая нацелена на создание инновационных баз в развивающемся мире, мы сосредотачиваем наш анализ скорее на изучении того, как создаются условия для распространения инноваций, а не того, как возникают инновации.

Следовательно, в нашем анализе ключевыми подпроцессами являются диффузия и принятие инноваций. К ним мы и обращаемся.

Диффузия инноваций

Как только изобретения стали инновациями, знание о них распространяется в других областях. Процесс диффузии поддерживается различными коммуникационными механизмами в зависимости от вида инновации.

Если рассматривается потребительская инновация, то есть такая инновация, которой потенциально может заинтересоваться большинство населения, информация о ней будет проходить через все основные средства массовой коммуникации. Следовательно, пространственная форма диффузии будет напоминать нефтяное пятно, которое распространяется от инновационного центра к периферии с постепенно снижающейся скоростью. Такая модель соответственно описывается общей моделью распространения эпидемий [28]. По временной шкале, представляющей общее количество людей, которые получили соответствующую информацию в следующие друг за другом интервалы времени, данная модель будет отображаться кривой, которая харак-

¹ Э. С. Данн-мл. является автором, чей подход наиболее близок моему собственному (см.: [7]).

² Это не национализм девятнадцатого века, а протекционистский национализм субконтинентального уровня, который стремится к развитию автохтонной латиноамериканской технологии. Данное направление выросло из пионерных работ таких специалистов, как Х. Л. Лопес [21] и Х. Сабато [31].

теризуется постепенно затухающими темпами роста. На графике, отражающем поперечный срез «нефтяного пятна» и представляющем по вертикали частоту диффузионных связей (*the frequency of diffusions*) в различных точках пространства и/или времени, направо и налево от центра инновационной диффузии будет отходить пара убывающих кривых. Это — базовая модель диффузии потребительской инновации.

Более сложные модели были предложены Шоном. Они представляют собой незначительные модификации вышеупомянутой схемы «центр — периферия». Эти модели базируются на том предположении, что когда сила исходящей из центра диффузии (*the diffusing power*) убывает, некоторые реципиенты (получатели) трансформируются во вспомогательные центры распространения (*subsidiary emission centres*). В результате схема представляет собой систему «центр — периферия», концентрически окруженную меньшими по размеру системами подобного типа. Такие модели «центр — периферия» и производные от них традиционно использовались в экономической географии [24]. В пределах описанной схемы интенсивность и скорость (*the intensity and speed*) диффузии зависят от степени восприимчивости населения к инновации, а также характеристик используемых средств коммуникации (интенсивности воздействия, скорости распространения информации).

Предпринимательские инновации, с другой стороны, интересуют не население, а производителей, которых непосредственно затрагивает инновация. Следовательно, диффузия предпринимательских инноваций осуществляется посредством специализированных коммуникационных каналов, главным образом ориентированных на соответствующих специалистов, то есть людей, ранее производивших определенные товары или услуги, удовлетворяющие ту же самую потребность (например, вагоны, автомобили, радио- и телевизионные станции и т. д.), занимавшихся распределением этих товаров и/или соответствующим обслуживанием. Модель пространственной диффузии предпринимательской инновации отображает эти специализированные коммуникационные сети и подобна колесным спицам; радиусы, связывающие инновационный центр с различными местоположениями специализированных реципиентов (получателей), неодинаковы по длине, потому что «скорость» специализированных средств коммуникации зависит исключительно от чувствительности реципиентов (получателей).

Принятие инноваций

Обращаясь теперь к другому подпроцессу, находим, что принятие инноваций является и неопределенным, и рискованным (если различие между неопределенностью и риском вообще уместно), и это удерживает фирмы от быстрого принятия инноваций. Фирмы сопротивляются принятию но-

вых инноваций, потому что последние часто разрушают их существующую структуру и функции. Это верно как относительно «незначимых», так и «значимых» инноваций. «Значимая» инновация (*"significant" innovation*) связана с высокими значениями неопределенности и риска, и ее принятие приводит к значительному «разрушению» (*disruption*) не только ранее созданных производственных линий, но организации финансовой, коммерческой и всей остальной деятельности фирм. «Незначимая» инновация (*"insignificant" innovation*) является и менее неопределенной, и более совместимой с большинством структурных особенностей фирм. Очевидно, что люди и фирмы сопротивляются «значимым» потребительским и предпринимательским инновациям больше, чем «незначимым»; однако их больше привлекает более высокая ожидаемая прибыльность «важных» инноваций. Тем не менее даже «незначимые» инновации не принимаются легко. Модель, которая, как представляется, дает наилучшее описание процесса принятия, — это модель обучения [12]: инновации принимаются только под давлением необходимости приспособляться к конкуренции, только поэтапно, в качестве эксперимента.

Принятие инноваций происходит по такой же пространственной схеме, которая характеризует и их диффузию. Принятие потребительских инноваций распространяется в форме нефтяного пятна. Принятие предпринимательских инноваций распространяется «спицеобразно» (*spoke-wise*). Также идущие с временным отставанием процессы принятия инноваций обычно пространственно совпадают с направлениями их диффузии, потому что самые ранние «последователи» (*the earlier adopters*)¹ склонны получать информацию первыми. Это, безусловно, характерно для потребительских инноваций и очень часто встречается у предпринимательских инноваций. Точно так же скорость распространения принятия зависит, *ceteris paribus* (при прочих равных условиях), от уровня неопределенности, риска и разрушения, связанного с инновацией. Незначимые инновации принимаются быстрее, чем значимые. Но ясно, что вне зависимости от того, насколько значимой является инновация, относительная сила совокупности основных факторов, обуславливающих их принятие, очень влияет на скорость распространения инно-

¹ Используемый в англоязычной литературе, посвященной диффузии инноваций, оригинальный термин *«adopter»* не имеет прямых аналогов в русском языке. Наиболее часто в русских переводах применяется использованный и в данном тексте термин «последователи». Наряду с ним могут использоваться и другие слова, например, «приверженец», «адепт», «пользователь» и даже непосредственная калька с англоязычного термина «принимающий» («принимающее лицо»). Классификация же «последователей» в зависимости от скорости, с которой они принимают инновации («инноваторы», «ранние последователи», «поздние последователи» и т. п.), наиболее часто связывается в зарубежной литературе с классической работой Э. Роджерса «Диффузия инноваций» (*E. M. Rogers «Diffusion of Innovations»*), впервые опубликованной в 1962 г. — *Примеч. пер.*

вазии. То есть, чем более развита экономика, тем быстрее осуществляется распространение инноваций в пространстве (*the spatial spread of innovations*), потому что выше степень конкуренции и, в то же самое время, более легкодоступны факторы, которые облегчают процесс обучения и являются внешними по отношению к потенциальному «последователю» (*the would-be adopter*), – техническая, финансовая и коммерческая экспертиза, финансовые посредники и т. д. К такому же заключению можно прийти, изучая характер и поведение потенциального «последователя» предпринимательских инноваций.

Рассматривая развитые страны, У. Томпсон [37] выдвинул гипотезу о способе, которым инновации распространяются в пространстве от индустриальных центров (*the industrial heartlands*) к периферии. Аргументация Томпсона следующая: принятие новых инноваций требует разнообразных квалифицированных трудовых ресурсов, творческого менеджмента (*imaginative management*), высококвалифицированных технических специалистов, задействованных в исследованиях, и существенной внешней комплементарности в области финансов, коммерции и т. д. Именно поэтому они обычно происходят в крупном мегаполисе. Поскольку производство новых товаров становится более стандартизированным, это приводит к перемещению производства в периферийные области с дешевыми, низкоквалифицированными трудовыми ресурсами, при этом другие вышеупомянутые факторы больше не требуются.

Несомненно, в развитых странах распространение инноваций ускорилося благодаря существованию многозаводских фирм (*multi-plant firms*). «Поток» инноваций намного сильнее в многозаводских фирмах, чем в фирмах, владеющих единственным заводом.

В развивающихся странах едва ли возможно существование многозаводских фирм. Как следствие, пространственное распространение инноваций не может осуществляться в рамках фирм, от центрального завода на периферийные. Как правило, в развивающихся странах завод – это фирма. Поэтому пространственное распространение инноваций представляет собой последовательное их принятие различными фирмами, расположенными все дальше и дальше от центра. Это различие ясно указывает на то, что при схожих условиях скорость распространения будет меньше в развивающихся странах. И это несмотря на то, что обычно неопределенность и риск каждой отдельной инновации значительно ниже в развивающихся странах, чем в развитых, потому что принятие инновации в развивающихся странах отстает по времени от соответствующего принятия в развитых странах, и, как следствие, они принимают продукт, когда он становится стандартизированным в международном масштабе. Другими словами, даже притом, что все инновации

в развивающихся странах, как правило, являются «потребительскими», требуется больше времени, чем в развитых странах, чтобы они были полностью приняты, из-за отсутствия внешней комплементарности, необходимой для инноваций. Пространственное распространение в этих странах происходит еще медленнее, потому что инновации являются результатом совокупности несвязанных индивидуальных решений.

Именно эти особенности предпринимательских инноваций в развивающихся странах, характерные скорее для инноваций потребительского типа (*consumer-type*), помогают объяснить схему принятия инноваций в этих странах. Во-первых, они объясняют то, почему вообще происходит принятие. Мы уже указывали, что недостаток внешней поддержки для принятия инноваций в этих странах частично компенсируется более низкими рисками ввиду того, что большинство инноваций уже является стандартизированной практикой за границей. Второй фактор, сокращающий риски, – это то, что в большинстве случаев принимаемая инновация уже известна на этих рынках: обычно все товары и услуги, местное производство которых было начато позже, были уже известны пользователям благодаря экспорту из развитых стран. Другими словами, речь идет о спросе на товар. А как же относительно высокие издержки, связанные с принятием инноваций? В большинстве случаев маленький масштаб и высокая конечная стоимость производства не тормозят принятие инноваций, потому что в этих странах оно является вынужденным. Фактически принятие большинства инноваций – это результат импортозамещающей политики, желанной или нежеланной, навязанной проблемами платежного баланса.

Это подтверждается характером «последователей» и в свою очередь объясняет пространственную модель принятия. Обычно «последователями» являются импортеры, дистрибьюторы, сервисные фирмы, производители замещающих товаров (производители велосипедов в отношении импорта мотоциклов, например) и т. д., знакомые с маркетинговыми, финансовыми и техническими характеристиками продукта. Они принимают инновацию, чтобы не потерять бизнес из-за импорта соответствующей продукции. Они делают это индивидуально («самодельно») или в рамках различного типа соглашений по сборке и производству продукции, заключенных с фирмами-разработчиками. Но в любом случае они начинают производство ранее импортировавшихся товаров для удовлетворения потребностей своей клиентуры.

Как следствие, пространственная структура нового производства четко следует за ранее созданной маркетинговой сетью соответствующего продукта. Принятие инноваций начинается там, где ранее находились крупнейшие рынки сбыта (*market areas*) этого продукта, обычно в крупнейшем городе. Постепенно инновацию принимают другие рынки сбыта, несмотря на их

меньшие размеры, поскольку импортозамещающая политика усиливается из-за того, что новые национальные производители полностью нацелены на удовлетворение их собственного локального спроса и не могут снабжать малые города. Поэтому принятие большинства инноваций начинается в больших городах и постепенно распространяется по системе городов, от больших городов к малым, удовлетворяя локальный спрос. Это происходит вне зависимости от того, является ли продукт рыночно-ориентированным (*market-oriented*) или ресурсно-ориентированным (*resource-oriented*), потому что на этой начальной стадии производство функционально привязано к удовлетворяемому производителем спросу, а производитель привязан к местоположению его рынка. Причины, по которым производитель мобилен, очевидны: нехватка соответствующих ресурсов (обычно это маленькая фирма) лишает его возможности рассматривать саму мысль о перемещении в более подходящее место размещения производства, и, что более значимо, еще длительное время его распределительная функция (*distributing function*) будет более важной, чем его самостоятельное производство.

Вышеупомянутые причины помогают объяснить не только то, почему распространение принятия инноваций происходит медленнее в развивающихся странах, но также и другие различия: а) предпринимательские инновации в развивающихся странах хотя и распространяются в соответствии с основной спицеобразной моделью, во многих случаях схема распределения по форме похожа на нефтяное пятно, что приводит к меньшей пространственной специализации, чем в развитых странах; б) лучи-спицы более схожи, потому что все инновации распространяются в системе городов «сверху вниз».

В итоге мы получаем ответ на вопрос о том, как система географических кластеров обуславливает модель экономического развития: пространственные схемы диффузии последовательных инноваций и направления их принятия в значительной степени обусловлены пространственной структурой географических кластеров. Если речь идет о предпринимательских инновациях, то данное условие более значимо для развивающихся стран; относительно потребительских инноваций ситуация в развитых и развивающихся странах более схожа. В широком смысле география, а в более узком – сеть городов (*the urban network*) может быть названа фактором, создающим условия для экономического развития стран.

Влияние инноваций на использование географического пространства

Чтобы ответить на вопрос о том, как международный процесс развития повлияет на использование пространства в странах в будущем, мы должны сконцентрироваться на изучении временных моделей международного ин-

новационного процесса и связать их с пространственными и временными моделями принятия инноваций в отдельных странах. В этой области первым значимым аналитическим вкладом был эффект «снежного кома» (*snowball effect*) Шумпетера [33]. Постараемся более детально рассмотреть, как происходит лавинообразный рост инноваций (*snowballing of innovations*) среди производителей во времени и пространстве.

Мы уже выделили главные временные характеристики основного инновационного процесса: а) временные лаги между сменяющимися друг друга инновациями, служащими для удовлетворения той же самой потребности (т. е. освещение, транспорт и т. д.), все больше сокращаются; б) комплементарность между инновациями возрастает. Все это приводит к все большей и большей концентрации инновационных кластеров с течением времени. Мы также предположили, что обе указанные характеристики являются следствием увеличивающейся интеграции процессов принятия решений (которые определяют соответствие продукта новым целям), фундаментальных (теоретических) и экспериментальных исследований, а также процессов разработки продуктов [25].

Эти две главные временные характеристики инновационного процесса создают условия для лавинообразного роста инноваций во времени (*the temporal snowballing*) в различных странах и, учитывая «жесткость» пространственной модели диффузии и принятия инноваций и скорости последних, предопределяют использование географического пространства в этих странах в будущем. Давайте проследим пространственное воздействие этих временных характеристик на инновационные процессы.

Говоря о генерировании инноваций в странах, их создающих, нужно отметить, что сокращение инновационных лагов и увеличение кластеризации инноваций во времени требуют создания каких-либо специальных научно-исследовательских программ (частных и государственных), объединяющих независимые направления исследований и/или осуществление исследований в таких местах, где незапланированная интеграция этих исследовательских направлений стремится к максимуму. Другими словами, как мы уже указывали, главные временные характеристики инновационного процесса приводят к достаточно устойчивой географической концентрации научных исследований и разработок в нескольких центрах и/или учреждению специальных научно-исследовательских программ, объединяющих географически распределенные виды деятельности.

Временные модели диффузии и принятия инноваций в развитых и развивающихся странах были уже упомянуты выше. Если коротко, лавинообразный рост начинается в центре и останавливается на периферии сети городов. Распространение инноваций происходит быстрее от центральных к средним

городам, чем к малым; в целом лаги в принятии инноваций между различными типами городов увеличиваются в прямой зависимости от уменьшения размера городов.

Взаимодействие между ускорением международного инновационного процесса и временной и географической моделью диффузии и принятия инноваций в развивающихся странах помогает объяснить два типа поляризации, выделяемых литературой по экономическому развитию.

Степень иерархизации систем городов

Если международный процесс инноваций ускоряется (т. е. временной лаг между сменяющимися друг друга инновационными кластерами сокращается), а общий лаг в принятии инноваций между центром и периферией в менее развитых странах не сокращается пропорционально, для этих стран открыты две основные альтернативы: а) принять в центре серию новейших инноваций прежде, чем предыдущие будут приняты в остальной части страны; б) задержать принятие этой серии в центре, пока вся страна не приняла предыдущую серию. В первом случае ситуация становится подобной той, которая описывается моделью двойственной экономики¹; страна становится пространственно поляризованной — вокруг технологически продвинутого центра находится отсталая периферия. Во втором случае все регионы страны функционируют в схожих технологических условиях. Таким способом страна избегает ловушки двойственной экономики, но за счет становления менее развитых, действующих в пределах целой страны устаревших и менее эффективных технологических процессов, чем в других странах, принимающих инновации. Национальные стратегии для достижения регионального технологического равновесия (запланированные или незапланированные) способствуют росту поляризации между развитыми и слаборазвитыми странами [18].

Вышеупомянутая аргументация может быть применена почти ко всем странам, за исключением тех очень немногих, которые управляют глобальным инновационным процессом, поскольку генерируют большинство из них. В первую очередь это касается бедных и малонаселенных стран (потому что такие страны не обеспечивают соответствующего минимального масштаба или «критической массы», которой требуют следующие друг за другом серии инноваций) и одновременно больших по территории. Однако это соот-

¹ Двойственная экономика (*dual economy*) — сосуществование двух различных и несоприкасающихся социально-экономических укладов в рамках одного государства, т. е. существование анклавов экономической активности, не связанных с остальной экономикой. Термин предложен У. А. Льюисом, на одну из работ которого автор ссылается ниже. Изначально концепция развивалась с целью характеристики ситуации в колониальных странах, а затем стала определяющей в характеристике экономики развивающихся стран. — *Примеч. пер.*

ветствует также странам среднего размера (и по населению, и по территории) с высоким доходом. Наконец, постоянно увеличивающаяся «критическая масса» сменяющих друг друга серий инноваций – важная характеристика, ранее не упоминавшаяся с целью упрощения наших рассуждений – вместе с другими факторами, сдерживающими принятие инноваций, вынуждает продолжать специализироваться на устаревших технологиях. Многие европейские страны не смогли заняться новыми направлениями в области авиации, электроники, компьютеров и т. д., в основном из-за рыночных ограничений, но также и из-за недостаточно гибких методов и политики ведения бизнеса, отсутствия адекватных рынков капитала и т. д. Серван-Шрейбер [34] описал существование таких неявных угроз для Западной Европы; Восточная Европа, как представляется, также очень обеспокоена своей относительной отсталостью в принятии современных компьютерных технологий.

В реальной жизни страны выбирают решения, находящиеся между двумя крайностями, представленными обозначенными альтернативами; чаще всего выбор склоняется в пользу первой альтернативы. Это означает, что большинство стран предпочитает двойственную экономику гомогенной отсталой экономике. Это объясняет, почему большинство стран демонстрирует постоянную и значительную дифференциацию в уровне роста различных типов городов (в конечном счете, большие города растут быстрее, средние – медленнее, а малые – еще более медленно), что приводит к усиливающейся концентрации населения и доходов в крупных географических кластерах [5]. Другими словами, усиливающаяся кластеризация и ускорение международного инновационного процесса вместе с невозможностью распространения принятия инноваций по всей территории отдельно взятой страны с такой же скоростью создают в большинстве стран тенденцию к ускоренной концентрации экономической деятельности в небольшом количестве больших и средних городов. В этом суть воздействия экономического развития на процесс урбанизации.

Сложив два основных вывода вместе, можно сказать, что существовавшая ранее сеть географических кластеров задает, *ceteris paribus*, направление и скорость распределения последовательных воздействий международного экономического развития на территории. И наоборот, главные характеристики будущего международного процесса инноваций предопределяют будущие изменения в схеме географических кластеров. Такое взаимодействие обычно приводит к усилению иерархизации городской системы. Но является ли такая иерархизация устойчивой? Другими словами, были ли сегодняшние большие и малые географические кластеры такими вчера и будут ли таковыми завтра? Или функциональная иерархизация кластеров не имеет постоянной географической базы?

Стабильность структуры городской системы

В предыдущем разделе при представлении главной схемы нашей аргументации мы уже выдвинули гипотезу, согласующуюся с историческим опытом, о географической стабильности растущей городской иерархии. Теперь исследуем эту гипотезу более подробно. Для этого свяжем следующие друг за другом взаимодействия между отраслевыми и географическими системами кластеров.

Есть несколько основных причин, объясняющих географическую стабильность городской системы. Самая очевидная – это разнообразие запасов и потоков (*the stock-flow variety*): географические «следы» каждого следующего кластера новых технологий будут намного меньшими, чем накопившиеся географические «следы» предыдущих технологических изменений, встроенных в городскую систему. Поэтому влияния этого кластера будут едва заметны даже в отсутствие других факторов. Кроме того, такое влияние будет намного меньшим вследствие двух дополнительных причин: во-первых, городская система реагирует на технологические воздействия, принимая или отвергая их с различной силой, в соответствии с тем, насколько они совместимы или несовместимы с ее сложившейся формой; во-вторых, сменяющие друг друга наборы отраслевых кластеров не обязательно имеют схожие географические «следы»; обычно отклонения, которые они вызывают в структуре городской системы, уравнивают друг друга¹.

Как можно в рамках нашей модели объяснить (в соответствии с более детальными гипотезами) географическую стабильность городских иерархий? Растущие различия между международными инновационными лагами (интервалами между сменяющимися друг друга инновационными кластерами) и лагами в принятии инновации (временем, проходящим между принятием инновации первым и последним городами) в большинстве стран, а также предпочтения, продемонстрированные большинством стран при принятии большинства инноваций (по крайней мере, в их крупнейших центрах), послужили нам основанием для определения растущей иерархизации городских систем. Чтобы объяснить, почему эти все более и более иерархизированные городские системы – это та же самая упорядоченная совокупность городов вчерашнего дня, мы просто должны выдвинуть гипотезу (и обосновать ее), что пространственные направления принятия сменяющихся друг друга инноваций в стране являются одними и теми же.

Поэтому в рамках нашей модели географическую инерцию городской системы можно в основном объяснить географической инерцией различных пространственных схем принятия инноваций, а также тем фактом, что

¹ То есть географические воздействия последовательных инноваций нивелируют друг друга.

когда принятие некоторых инноваций отклоняется от основной схемы, его воздействие на долгосрочное развитие городской иерархии стремится к минимуму, потому что следующие друг за другом отклонения обладают уравновешивающими эффектами.

Почему схожи направления принятия сменяющих друг друга инноваций? Хёгерстранд был первым автором, который это отметил [8; 9; 10; 11]. Он и его школа инициировали исследование поведенческих особенностей (*the behavioural traits*) сменяющих друг друга инноваций, описали несколько исторических примеров и разработали специальные методы анализа. Однако его исследование ограничивалось потребительскими инновациями. Недавно Педерсеном [26] было проанализировано распространение предпринимательских инноваций. Берри [3] попытался синтезировать оба направления.

Хёгерстранд заявил, что по всем направлениям принятия инноваций существует иерархия центров, доминирующих над центрами более низкого эшелона, которая является очень устойчивой во времени. Также он указывает, что это является следствием того, что принятие следует за диффузией, как только информационная ретрансляция преодолевает определенные пороги сопротивления (*resistance thresholds*), а направления диффузии (которая происходит преимущественно в виде индивидуальных или групповых контактов) формируются в центрах, где находятся первые «осведомленные» (*the earliest informed*) и первые агенты (*earlier emissaries*) инноваций. Эти центры ввиду исторической инерции (свою роль играет стабильная централизованная система управления), функциональных (значительные внешние связи крупных центров) или просто статистических причин (выше частота получения информации в больших поселениях) не изменяются с течением времени.

Педерсен на основе чилийских данных разработал модель диффузии предпринимательских инноваций, которая в основном дает те же самые результаты — рост иерархизации городской системы. Эта модель диффузии в основе своей является гравитационной (*diffusion gravity model*), учитывающей три фактора, обуславливающих принятие инноваций (также рассматриваемых в нашей модели): готовность принимать инновации (*the willingness to adopt innovations*), возможность принятия инноваций (*the feasibility of innovation adoption*) и наличие предпринимательства (*the existence of entrepreneurship*) в различных городах.

Берри, основываясь главным образом на работах Хёгерстранда и Педерсена, предложил другую модель, также гравитационного типа, главная отличительная особенность которой — предпринимательские инновации диффундируют (*diffused*) и принимаются в рамках системы городов «сверху вниз», пока они не достигают некоторого минимального уровня. Все принимающие инновации города становятся, в свою очередь, центрами диффузии потре-

бительских товаров, полученных благодаря «принятым» производственным видам деятельности. Они распространяют эти товары в своих близлежащих ареалах.

Ни одна из этих моделей не подходит для нашей цели, так как они не увязывают инновационные подпроцессы с моделями урбанизации и экономического развития. Поэтому сфера их применения либо структура не соответствуют расширенной шумпетерианской модели, используемой нами: Хёгерстранд ограничивался потребительскими инновациями, Берри занимался только самыми развитыми странами (где потребительские инновации обязательно следуют за предпринимательскими), а Педерсен, модель которого ближе всего к нашей, не детализируя, включал условия принятия инноваций в качестве эндогенных переменных, связывающих между собой следующие друг за другом стадии принятия инноваций; следовательно, его модель позволяет нам сделать только очень общие выводы, необходимые для разработки политики.

Поэтому мы должны предложить нашу собственную специфическую гипотезу относительно сходства сменяющих друг друга направлений принятия предпринимательских инноваций.

Мы уже дали понять суть этой гипотезы. Чтобы представить ее более ясно, нам нужно перейти от традиционной классификации продуктов и видов деятельности к классификации функций. Мы должны помнить, что, например, различные индивидуальные средства передвижения, которые когда-то появились друг за другом и используются одновременно сегодня (ослы, лошади, телеги, велосипеды, мотоциклы, автомобили и т. д.), и различные подтипы в их рамках, которые мы различаем согласно их отличительным характеристикам, — это всего лишь специализированные средства для удовлетворения повсеместной потребности в индивидуальном перемещении. Точно так же таблоиды, журналы, газеты, радио и телевидение — это специализированные, устаревающие с течением времени, средства обеспечения постоянной потребности в общественной информации. Потребности в этом смысле являются постоянными во времени; средства, удовлетворяющие эти потребности (или инструменты, выполняющие соответствующие функции), изменяются с течением времени. Виды деятельности (такие как отрасли) могут рассматриваться с той же точки зрения. Неизменяющаяся во времени потребность производить и поставлять вышеупомянутые инструменты пользователям обеспечивалась различными, изменяющимися во времени формами разделения труда, корреспондирующими с организационными формами единиц хозяйственной деятельности. Эти формы развились от самого примитивного кустарного промысла до сложных конгломератов. Поэтому потребность может быть удовлетворена более или менее эффективно с использованием

различных средств и различных форм деятельности, а инструменты и виды деятельности могут рассматриваться как взаимозаменяемые наборы элементов, выполняющих определенную функцию и удовлетворяющих соответствующие потребности.

Именно таким образом люди, работающие в определенной сфере деятельности, рассматривают средства и действия. Поэтому направления принятия предпринимательских инноваций остаются географически стабильными. Люди в различных специализированных («функциональных») видах деятельности (производители или нет) получают информацию относительно новых инструментов, выполняющих ту же самую функцию, раньше, чем люди в других отраслях, потому что они связаны особой информационной сетью, характерной для этой функции. Более вероятно также, что либо производители, либо поставщики (в зависимости от их конкурентной силы в рамках соответствующей отрасли) принимают инновации раньше, потому что к этому их принуждает конкуренция, и они сталкиваются с меньшим риском (будучи знакомы с рынком), чем люди, «внешние» по отношению к данной функции. Поэтому новые инструменты будут скорее производиться или поставляться там, где уже производились или поставлялись старые, тем самым воспроизводя ранее существовавшую пространственную схему. Все это не зависит от типа организации бизнеса, которая превалирует. Как мы уже говорили, в фирмах с единственным продуктом, единственным заводом и располагающихся в одном городе (*single-product, single-plant, single-city firms*) процесс идет медленнее и близок по форме к направлениям принятия потребительских инноваций; в фирмах с множеством продуктов, множеством заводов, работающих во многих городах (*multi-product, multi-plant, multi-city firms*), этот процесс идет быстрее.

Короче говоря, для предпринимательских инноваций механизм, предопределяющий географическое воспроизводство направлений принятия сменяющих друг друга инноваций, — это естественное замещение менее эффективных средств более эффективными, удовлетворяющими ту же самую потребность, которое проводят на «старых» местах некоторые специализирующиеся в данной сфере агенты (в различных организационных формах).

Последней гипотезой, которая не противоречит наблюдаемым тенденциям [17], мы заканчиваем нашу аргументацию. Само собой разумеется, мы только представили непротиворечивый набор гипотез, которые, как кажется, не опровергаются реальностью; последующее исследование определит, насколько хорошо эти гипотезы объясняют описываемые процессы. Далее мы коротко представим некоторые из направлений использования вышеупомянутого набора гипотез.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Главный вывод нашего исследования (если он не будет опровергнут) заключается в следующем: существуют определенные возможности для использования политики урбанизации для более быстрого национального развития и политики экономического развития для достижения целей урбанизации. Эти возможности неявно просматривались уже в концепции полюсов роста Перру [16]. Мы только попытались перевести их в явную форму.

Поскольку мы полагаем, что размах процессов национального развития для большинства стран ограничен существующим способом адаптации национальной экономики к международному инновационному процессу, можно прийти к заключению, что политика национального развития менее «свободна» в сравнении с политикой урбанизации, поскольку мы также полагаем, что изменчивость (динамичность) городских систем, хотя и подвержена зарубежному влиянию, более чувствительна к национальным факторам. По этой причине мы склонны примкнуть к авторам, выступающим против точки зрения У. А. Льюиса [20], которые утверждают, что политика урбанизации важна для планирования национального развития.

Детализируем нашу позицию. Во-первых, мы не думаем, что, поскольку политика урбанизации более управляема, она более выигрышна. Действительно, наша аргументация показывает, что урбанизационная политика оставляет немного места для маневров. Во-вторых, мы далеки от согласия с такими авторами, как Льюис, которые предлагают исключительно физическую политику урбанизации (*physical policy of urbanisation*). Физический подход к урбанизационной политике, основанный на простой теории центральных мест и/или на результатах, полученных Перру, фокусируется на «раковине» и забывает о «животном», которое живет внутри. Мы склоняемся к противоположной точке зрения. Системы городов-«раковин» на протяжении всей истории были очень схожи, потому что отношения между «животными» в них не изменялись с течением времени; «раковины» изменяются в том же направлении, что и отношения между «животными», а не наоборот. Поэтому вопреки физической политике урбанизации наша аргументация предполагает, что урбанизационная политика может непосредственно применяться для изменения всех форм организации деятельности в географических кластерах. То есть приводит к пересмотру различных типов привычек, обычаев, институтов, практики трудовых отношений и ведения дел, административных и юридических правил, политического участия и схем принятия решений. Ясно, что никакое физическое планирование, каким бы изобретательным оно ни было, не даст соответствующей степени свободы для обеспечения

экономического развития из-за жесткости, обусловленной нашими освященными веками организационными формами.

Мы также предлагаем использование того же самого типа политики (организационной по характеру) в области экономического развития. Каким образом может быть лучше и наиболее быстро обеспечена адаптация к новым инновациям — это проблема, которая требует решения вопросов: как увеличить сбережения, инвестиционные и человеческие ресурсы; как соответственно мобилизовать кредит, капитал и квалифицированный персонал; в какие сектора и с какой интенсивностью направлять ресурсы; где начинать новые проекты и т. д. Именно решению всех этих вопросов посвящена литература по экономическому развитию. Вместе с тем принятие инноваций осуществляется фирмами, частными или публичными, поэтому если организационные особенности фирм не содержат элементов, которые релевантны решениям, связанным с принятием фирмами инноваций, политика, предусматривающая меж- и внутрифирменное организационное изменение, должна быть включена в качестве существенного компонента в национальную стратегию адаптации к технологическим изменениям.

Вот почему мы остановили выбор на организационных особенностях фирм. Лучше или хуже, но другие вопросы из упомянутого выше перечня были достаточно полно изучены в литературе по экономическому развитию. А организационные характеристики фирм получили немного внимания, несмотря на их значимость для получения ответа на эти вопросы. В действительности мы недостаточно четко развили данный пункт из-за отсутствия места, но мы верим, что каждая из поведенческих характеристик, проанализированных в литературе по экономическому развитию (сбережения, инвестиции и т. д.), сильно зависит от преобладающей формы организации деятельности фирмы.

Мы думаем, что такой аналитический подход может помочь в улучшении существующей и будущей практики экономического развития. В действительности деловой мир оценил благодаря проведению политики экономического развития (а не теорий) критическую значимость организационных изменений, которые в отсутствие подходящих теорий изучаются на основе догадок и с помощью неадекватных средств. Поэтому, например, «политика концентрации» (*"concentration policies"*), проводящаяся в странах, подверженных влиянию французской школы планирования, пытается перестраивать фирмы и группы фирм в дополнение к инструментам (финансовым и другим), необходимым для достижения целей развития как в отраслевом, так и географическом пространствах [4]. Но поскольку данная политика (основанная на упрощенной концепции Перру) ограничена статической версией этих пространств, она в лучшем случае затрагивает деловые структуры,

соответствующие уже существующим технологиям и существующей форме городской системы, которые быстро устареют, как только появится новая серия инноваций. Вместо этого наша «организационная» точка зрения предполагает разработку динамических критериев, совместимых с потребностью адаптации национальных условий к международному инновационному процессу и влияющих на политику деловых организаций.

Действительно, мы берем за основу организационный подход как в области национального развития, так и урбанизации. Этот подход не может быть одинаков в этих двух областях, потому что они нацелены на достижение различных целей: в одном случае – более быстрое поглощение всех появляющихся инноваций; в другом – более быстрое распространение этих инноваций по всей стране. Однако, будучи сконцентрированными на организационных изменениях в отношениях деловых фирм (меж- и внутрифирменных), эти две области могут быть легко примирены.

Хотя на уровне общего анализа мы не можем претендовать на разработку определенной политики, представляется уместным коротко проиллюстрировать только что отмеченный пункт. Например, для более быстрого поглощения будущих инноваций с растущей «критической массой» необходимо допустить существование неизбежной конкуренции (международной и национальной), внешних эффектов (капитала, рынков особых услуг и т. д.) и выбора в диапазоне между организационными «крайностями» (*organisational extremes*), например, концентрацией существующих ресурсов в нескольких крупных однопродуктовых фирмах (*large single-product firms*) в секторе или в еще меньшем количестве больших мультипродуктовых конгломератов, владеющих несколькими заводами (*larger multi-plant multi-product conglomerates*). Наоборот, для более быстрого принятия инноваций на всей территории соответствующие организационные «крайности» должны быть другими: концентрация ресурсов в нескольких крупных фирмах, расположенных в единственном городе (*large single-city firms*), либо в еще меньшем количестве крупных фирм, располагающихся в нескольких городах (*large multi-city firms*), независимо от того, являются ли они однопродуктовыми или мультипродуктовыми. Учитывая размер страны и доступные ресурсы, лучшее решение в одной области может находиться в противоречии с решением, найденным в другой области. Знание отраслевых и географических последствий альтернативных решений и предпочтения страны относительно более быстрого или более сбалансированного географически развития помогут найти компромиссное решение.

С учетом ряда предположений мы можем упростить выбор между «крайностями»: наиболее быстрое принятие инноваций (к чему склонна двойственная пространственная экономика) требует создания мультипродуктовых

конгломератов, владеющих несколькими заводами; наибольшее географическое распространение инноваций (к чему склонна пространственно сбалансированная экономика) требует создания равномерно распределенных однопродуктовых фирм. Это может задавать рамки допустимых альтернатив и подходящей организационной политики, в которых существует широкий диапазон конкретных вариантов.

Даже на уровне самого общего анализа мы можем определить детали в указанных «крайностях». В большинстве случаев наиболее эффективный способ принять вызов со стороны технологического изменения — сделать более сильными однопродуктовые фирмы с единственным заводом за счет установления более прочных межфирменных отношений. Фирмы могут быть связаны со своими разнообразными покупателями и поставщиками посредством закупок, лицензирования, кастомизации¹, менеджмента, маркетинга, научно-исследовательских контрактов и т. п. почти так же тесно, как и посредством создания конгломеративного объединения вертикального или горизонтального типа (*vertical or horizontal conglomerated incorporation*). Цепочки фирм (*chains of firms*), связанные посредством долгосрочных контрактов, могут много раз сталкиваться с воздействием технологических изменений и приспосабливаться к ним почти так же, как и диверсифицированные корпорации. В конце концов, последние, попросту говоря, представляют собой не что иное, как перманентно связанные цепочки однопродуктовых фирм с единственным заводом.

Но при наличии значительных технологических изменений две альтернативы, которые касаются создания фирм, действующих на долговременной основе (конгломератов, расположенных в нескольких городах, либо крупных фирм, расположенных в одном городе), представляются более хорошим организационным решением, чем краткосрочная интеграция видов деятельности (различные типы контрактов, подобные указанным выше), при условии, что это не приводит к созданию монополии или к отрицательным экономическим эффектам.

Наш анализ также показал, как могут осуществляться организационные изменения, необходимые в отраслевых и географических областях. В этом отношении мы выдвинули гипотезу, что принятие инноваций — это процесс обучения, и что потенциальные «последователи» — это люди, занятые различными видами деятельности в рамках той функции, к которой имеют отношение инновации. Если инновации задерживаются из-за отсутствия адек-

¹ Используемый в оригинале термин «*custom manufacturing*», т. е. «изготовление на заказ», «производство модифицированной продукции с учетом пожеланий покупателей», сегодня чаще всего обозначается приведенным в тексте синонимом «кастомизация» (*customization*). — Примеч. пер.

ватной организационной базы у потенциальных «последователей», способ их ускорения заключается в том, чтобы облегчить данный процесс посредством создания эффективной схемы интеграции соответствующих индивидуальных усилий.

Но как это может быть сделано? Самый простой путь, раз потенциальные «последователи» идентифицированы, заключается в разработке специальных организационных мер, минимизирующих стоимость и риски процесса обучения. В настоящее время политика экономического развития (национального, регионального и местного уровней) фокусируется на производстве. Эта политика направлена на поддержку производителей. Согласно нашему анализу акцент должен смещаться на маркетинг и технические ноу-хау. Должны создаваться условия, гарантирующие полную коммерциализацию продуктов (коммерческий кредит, реклама, система сбыта и т. д.) и распространение ноу-хау, необходимых для начала налаженного производства стандартного продукта (посредством лицензионных контрактов, договоров о кастомизации или технической поддержке и научно-исследовательских программ). Все перечисленное является самым эффективным способом гарантировать продвижение определенных продуктов.

Обозначенные требования были выполнены во всех успешных программах по распространению сельскохозяйственных знаний (*agricultural extension programmes*). С нашей точки зрения, ясно видно, что долгосрочные коммерческие контракты и постоянная техническая поддержка были реальным ключом к успеху этих программ, потому что они уменьшили риски принятия соответствующих сельскохозяйственных инноваций. В промышленности и сфере услуг должны создаваться такие же условия, способствующие принятию инноваций. Они должны быть основными критериями во внедрении адекватных организационных схем, облегчающих принятие сменяющих друг друга инноваций.

Чего можно достичь при осуществлении такой политики, предполагая, что наш анализ является обоснованным, и что из него можно вывести больше рабочих гипотез?

Мы можем лишь надеяться, что в результате осуществления национальной политики экономического развития рост межстранового неравенства приостановится. Едва ли можно рассчитывать на уменьшение существующего неравенства, учитывая огромные различия между странами в размере, человеческих и природных ресурсах, которые лишают развивающиеся страны возможности принимать в более быстром темпе, чем развитые страны, сменяющие друг друга инновационные кластеры, что могло бы уменьшить их техническое и организационное отставание. Как представляется, единственный осуществимый способ преодолеть это препятствие состоит в том,

чтобы отменить национальные границы и создать соответствующие многонациональные фирмы в рамках континентальных ареалов. Недавний опыт континентальной политики допускает это лишь в качестве возможного выхода, ведь даже страны, готовые объединить свои рынки (вроде стран ЕЭС), имеют значительные трудности в слиянии своих фирм в многонациональные предприятия. Как знает каждый, реально существующие многонациональные фирмы на Общем рынке (*the Common Market*) – это филиалы больших американских мультипродуктовых конгломератов, владеющих несколькими заводами.

При реализации национальной политики урбанизации мы можем ожидать уменьшения изменений в относительном размере городов в уже созданных городских системах, т. е. более устойчивого роста иерархизации этих систем. В прошлом, когда в результате несвязанных индивидуальных реакций временные лаги между инновационными кластерами были более длинными, а распространение инноваций в пространстве было более медленным, происходили внезапные сдвиги позиций городов в городской системе. Географические кластеры, принявшие новый инновационный кластер, резко обгоняли те, которые этого еще не сделали, и в течение долгого времени удерживали соответствующую дистанцию. Это был период «полюсов роста» *strictu sensu* (в строгом смысле). Большие и маленькие городские центры перемещались вверх и вниз по шкале в сравнении с городами подобного размера в зависимости от того, приняли ли они или нет инновации, относящиеся к тем видам деятельности, на которых они специализировались. Постепенно такие сдвиги уменьшились, даже в Соединенных Штатах, СССР и других странах, которые развивались благодаря существованию фронта (*open frontier countries*)¹, как в результате сокращения инновационных лагов (которые минимизировали устойчивость и величину вызываемых отклонений в самых разных отраслевых кластерах), так и пространственной интеграции принятия инноваций (благодаря государственной политике, усилению взаимосвязей между отдельными производителями из-за изменений в транспорте и коммуникациях и вышеупомянутым организационным изменениям). Мы рассчитываем, что в будущем эта тенденция усилится: большие города станут еще больше в сравнении со средними по размеру городами, последние в свою очередь – больше, чем малые города, за явным исключением городских центров, поглощенных другими, и городов, созданных на новых территориях; но все они будут стремиться расти, удерживая свои относительные позиции в городской системе, потому что эта целостная система все больше и больше будет участвовать в принятии новых технологий. Эта тенденция естест-

¹ Данные для Соединенных Штатов были тщательно проанализированы Э. Лэмпардом в его работе [15]. Данные по другим странам на первый взгляд говорят о схожих тенденциях.

венным образом ускорится, если организационная политика обозначенного типа будет применена к географическим кластерам на всех уровнях, чтобы плотно интегрировать их в национальный процесс принятия инноваций.

Благодарности. Эта статья впервые была представлена на Мадридской конференции по теории и политике полюсов роста, организованной Автономным Университетом Мадрида (*Universidad Autónoma de Madrid*) и Исследовательским институтом по проблемам социального развития при Организации Объединенных Наций (*the United Nations Research Institute for Social Development*).

Статья отражает более ранние работы автора, приведенные в списке литературы и выполненные при спонсорской поддержке Resources for the Future Inc. (Вашингтон, округ Колумбия).

Благодаря всестороннему критическому разбору, выполненному доктором И. Хохом из Resources for the Future Inc., текст значительно улучшился.

Автор также выражает свою благодарность за комментарии, сделанные членами его департамента из Автономного Университета Мадрида в рамках еженедельного семинара.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bertalanffy L. von General Systems Theory // General Systems Yearbook. 1956.
2. Berry B. J. L. Cities as Systems within Systems of Cities // Friedman J. and Alonso W. (eds.) Regional Development and Planning. Cambridge (Massachusetts). 1964.
3. Berry B. J. L. Hierarchical Diffusion: The Basis of Developmental Filtering and Spread in a System of Growth Centres. Paper presented at the Austin Seminar on Growth Poles. 1969.
4. Boudeville J. R. Problems of Regional Planning. Edinburgh U.P., 1966.
5. Davis K. and Hertz H. Patterns of World Organization // United Nations Report on the World Social Situation Including Studies of Urbanization in Underdeveloped Areas. New York, 1957.
6. Dickinson R. E. The Growth of the Historic City // Mayer H. M. and Koch C. F. (eds.) Readings in Urban Geography. Chicago: University of Chicago Press, 1959.
7. Dunn E. S., Jr. Economic and Social Development: A Process of Social Learning. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1971.
8. Hägerstrand T. The Propagation of Innovation Waves. Lund Studies in Geography. 1952. Series B. Number 4.
9. Hägerstrand T. Migration and Area // Migration in Sweden. Lund Studies in Geography. 1957. Series B. Number 13.
10. Hägerstrand T. On Monte Carlo Simulation of Diffusion // Garrison W. (ed.) Quantitative Geography. Northwestern University, 1967.
11. Hägerstrand T. Quantitative Techniques for Analysis of the Spread of Information and Technology // Anderson E. A. and Bowman M. S. (eds.) Education and Economic Development. Chicago, 1963.
12. Hilgard E. R. Theories of Learning. New York, 1948.

13. *Hilhorst J.* La Théorie du Développement Régional. Un essai de synthèse // Aspects Multi-disciplinaires du Développement Régional. Paris, 1969.
14. *Hirschman A. O.* The Strategy of Economic Development. New Haven, 1958.
15. *Lampard E.* The Evolving System of Cities in the United States: Urbanization and Economic Development // Perloff H. and Wingo L. (eds.) Issues in Urban Economics. Baltimore, 1968.
16. *Lasuén J. R.* On Growth Poles // Urban Studies. 1969. June.
17. *Lasuén J. R.* Multi-Regional Economic Development. An Open-System Approach. Paper presented to the Lund Seminar on Information Systems for Regional Development (Lund University and the UN). 1969. October.
18. *Lasuén J. R. and Wasservogel F.* Quelques aspects du processus de Développement du Système des Nations: Stabilité, Polarisation, Diffusion // Revue d'Economie Politique. 1970. Janvier.
19. *Leféber L.* Allocation in Space: Production, Transport and Industrial Location. London, 1958.
20. *Lewis W. A.* A review of economic development // American Economic Review. 1965. May.
21. *Lopes J. L.* Ciência e Liberdade. Editora Paz e Terra. Série Ciência e Informação. Volume I. Rio de Janeiro, 1969.
22. *McNeill W. H.* The Rise of the West. Chicago, 1963.
23. *Marshall A.* Principles of Economics. 9th ed. New York: Macmillan, 1961.
24. *Misra R. P.* Diffusion of Agricultural Innovations. University of Mysore, 1968.
25. *Nelson R. R. et al.* Technology, Economic Growth and Public Policy. Washington, 1967.
26. *Pedersen P. O.* Innovation Diffusion within and between National Urban Systems // Geographical Analysis. 1970.
27. *Pred A. R.* Spatial Dynamics of US Urban Industrial Growth 1800—1914. The M.I.T. Press, 1966.
28. *Rapport A.* The Diffusion Problem in Mass Behaviour // General Systems Yearbook. 1956.
29. *Richardson H. W.* Regional Economics. London: Weidenfeld & Nicholson, 1969.
30. *Robinson E. A. G.* The Structure of Competitive Industry. University of Chicago Press, 1958.
31. *Sábato J.* La Ciencia y la Tecnología en el Desarrollo Futuro de America Latina. World Order Conference. Bellagio, 1969. September.
32. *Schön D. A.* Displacement of Concepts. New York, 1963.
33. *Schumpeter J. A.* The Theory of Economic Development. Cambridge (Massachusetts), 1954.
34. *Servan-Schreiber J. J.* Le Defi Americain. Paris, 1967.
35. *Tinbergen J.* Sur un modèle de la dispersion géographique de l'activité économique // Revue d'Economie Politique. 1964. Numéro Spécial. Janvier — Fevrier.
36. *Tinbergen J.* International, National, Regional and Local Industries // Trade, Growth and the Balance of Payments. Amsterdam: North Holland, 1965.
37. *Thompson W.* A Preface to Urban Economics. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1965.

Перевод с английского В. Н. Украинского

Комментарий переводчика

В связи с публикацией второй части перевода статьи Х. Р. Ласуэна «Урбанизация и экономическое развитие: временное взаимодействие между географическими и отраслевыми кластерами» полезно обратить внимание читателя на некоторые аспекты эволюции кластерной теории, как непосредственно затронутые в упомянутой статье, так и корреспондирующие с ее содержанием.

Данная статья представляет собой весьма яркую и вместе с тем незаслуженно обойденную вниманием работу, в какой-то мере ознаменовавшую завершение целой эпохи в развитии теории пространственной экономики.

К началу 1970-х гг. прошло уже достаточно много времени с момента опубликования ключевых работ Ф. Перру на эту тему и еще больше времени с эпохи господства «немецкой школы» теории размещения, ассоциируемой с именами Й. фон Тюнена, В. Кристаллера, А. Вебера и А. Лёша. Отдавая должное заслугам Ф. Перру, Х. Р. Ласуэн отмечал недостаточность исключительно «перруанской» теории как базиса для решения вопросов экономического развития и урбанизации, вводя в научный оборот термин «кластер» со значительно обновленной смысловой нагрузкой.

При этом Х. Р. Ласуэн попытался рассмотреть проблему концентрации экономической деятельности в пространстве (придерживаясь при этом «стержня» — развитие городов и национальных экономик на базе инноваций) с позиций междисциплинарного синтеза. Это объясняется не столько приверженностью «экономическому империализму», сколько сложной природой самого явления, что предполагает использование идей и методологии ряда дисциплин, в том числе экономической теории, социологии, менеджмента, психологии и др. И действительно, упрощенные трактовки кластерного подхода, которые часто встречаются в отечественной литературе, малоперспективны.

«Теоретическая полигамность» при исследовании кластеров является яркой отличительной чертой этого направления пространственной экономики. Например, П. Маскелл и Л. Кебир в своей работе [19, pp. 3—13] выделяют «три различных линии исследования кластерной проблематики, рассматриваемой в самом широком смысле», в которых акцент делается на: 1) внешних эффектах (данное направление восходит к основной работе А. Маршалла, в которой применяется термин «промышленный округ»); 2) конкурентоспособности (эта линия базируется на работах М. Портера и его последователей); 3) регионе и его развитии (подход так называемой «инновационной среды»). При этом речь не идет о конкретных теоретических моделях, число которых очень велико. Во всяком случае, И. Гордон и Ф. Маккэн [12] пред-

лагают различать три группы моделей кластеров: 1) модели чистой агломерации (А. Маршалл, П. Кругман, М. Фудзита и др.); 2) модели промышленного комплекса (А. Вебер, Л. Мозес, У. Айзард и др.); 3) модели социальных сетей (М. Грановеттер, О. Уильямсон, М. Портер, А. Скотт).

Превращение термина «кластер» и соответствующей теории в своеобразный мейнстрим в области пространственной экономики является несомненной заслугой М. Портера [2; 3; 4]. Как отмечено в упомянутой работе П. Маскелла и Л. Кебир, количество работ в 1990-х — начале 2000-х гг., в которых содержатся родственные термины («кластер», «кластеризация фирм», «агломерация» и др.), без малого в десять раз превышает количество аналогичных работ, опубликованных на протяжении предыдущих 40 лет (1950—1980-е гг.).

Многие из затронутых Х. Р. Ласуэном вопросов получили свое развитие лишь в конце XX в. Хороший пример — идеи о так называемой «креативной экономике», одним из апологетов которой является известный американский социолог Р. Флорида [5]. Поэтому можно согласиться с точкой зрения авторов одной из немногих действительно интересных отечественных работ, посвященной кластерам, что кластерная теория «формируется по сей день» [1, с. 18]. А работа Х. Р. Ласуэна была одной из первых попыток разностороннего подхода к рассмотрению такого явления, как кластеры, которую до сих пор, пожалуй, не «воспроизвели» по широте и глубине поднятых вопросов.

В заключение приведем весьма ограниченный, но полезный для интересующихся основами кластерной теории список публикаций. В нем помимо указанных в нашем комментарии работ присутствуют как классические труды, послужившие определенными вехами в исследовании тех или иных вопросов, относящихся к кластерной проблематике, так и труды современных авторов, занимающихся изучением кластерной темы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Марков Л. С., Ягольницер М. А.* Кластеры: формализация взаимосвязей в неформализованных производственных структурах. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2006.
2. *Портер М. Е.* Кластеры и конкуренция // Портер М. Е. Конкуренция. М.: Вильямс, 2000. С. 205—292.
3. *Портер М.* Международная конкуренция. М.: Междунар. отношения, 1993.
4. *Портер М. Е.* Экономическое развитие регионов // Пространственная экономика. 2006. № 4. С. 92—103; 2007. № 1. С. 115—139.
5. *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика-XXI, 2007.
6. *Almodovar J., Teixeira A. A. C.* Conceptualizing clusters through the lens of networks: a critical synthesis // FEP Working Papers 328. Universidade do Porto, Faculdade de Economia do Porto, 2009.
7. *Bathelt H., Malmberg A., Maskell P.* Cluster and knowledge: local buzz, global pipelines

- and the process of knowledge creation // *Progress in Human Geography*. 2004. Vol. 28. No. 1.
8. *Brenner T.* *Local Industrial Clusters: Existence, Emergence and Evolution*. London: Routledge, 2004.
 9. *Cooke P., Uranga M., Etxebarria G.* Regional innovation systems: institutional and organizational dimensions // *Research Policy*. 1997. Vol. 26. Issues 4–5.
 10. *Cruz S. C. S., Teixeira A. A. C.* A new look into the evolution of clusters literature. A bibliometric exercise // *FEP Working Papers 257*. Universidade do Porto, Faculdade de Economia do Porto, 2007.
 11. *Czamanski S., de Q. Ablas L. A.* Identification of industrial clusters and complexes: a comparison of methods and findings // *Urban Studies*. 1979. Vol. 16. No. 1.
 12. *Gordon I. R., McCann Ph.* Industrial clusters: complexes, agglomeration and/or social networks? // *Urban Studies*. 2000. Vol. 37. No. 3. Pp. 513–532.
 13. *Granovetter M.* Economic action and social structure: the problem of embeddedness // *American Journal of Sociology*. 1985. Vol. 91. No. 3. Pp. 481–510.
 14. *Iammarino S., McCann Ph.* The structure and evolution of industrial clusters: Transactions, technology and knowledge spillovers // *Research Policy*. 2006. Vol. 35 (7). Pp. 1018–1036.
 15. *Isard W.* *Location and the Space Economy*. New York: John Wiley, 1956.
 16. *Ketels C. H. M., Memedovic O.* From clusters to cluster-based economic development // *International Journal of Technological Learning, Innovation and Development*. 2008. Vol. 1. No. 3.
 17. *Maskell P.* Towards a knowledge-based theory of the geographical cluster // *Industrial and Corporate Change*. 2001. Vol. 10. No. 4.
 18. *Maskell P., Malmberg A.* The competitiveness of firms and regions: «ubiquitification» and the importance of localized learning // *European Urban and Regional Studies*. 1999. Vol. 6. No. 1.
 19. *Maskell P., Kebir L.* What qualifies as a cluster theory? // *DRUID Working Paper*. No. 05–09. Danish Research Unit for Industrial Dynamics, 2005.
 20. *Moses L.* Location and the theory of production // *Quarterly Journal of Economics*. 1958. Vol. 72. Issue 3.
 21. *Saxenian A.* *Regional Advantage: Culture and Competition in Silicon Valley and Route 128*. Cambridge, M. A.: Harvard University Press, 1994.
 22. *Scott A.* *New industrial spaces: Flexible Production Organization and Regional Development in North America and Western Europe*. London: Pion, 1988.
 23. *Torre A.* Clusters et systèmes locaux d'innovation. Retour critique sur les hypothèses naturalistes de transmission des connaissances à l'aide des catégories de l'économie de la proximité // *Revue Région et Développement*. 2006. No. 24.

Очерки

К 100-летию Амурской экспедиции

Как известно, были две Амурские экспедиции, оставившие заметный след в отечественной истории. Обе эти экспедиции были посвящены решению Амурского вопроса, который был предельно прост: нужен ли России Приамурский край? И если Амурская экспедиция 1849—1855 гг., инициатором и руководителем которой был Г. И. Невельской, дала положительный ответ на этот вопрос, то Амурская экспедиция 1910 г. не только подтвердила необходимость Дальнего Востока для России, но и своими результатами показала, каким образом обеспечить связь между коренной Россией и ее тихоокеанской окраиной.

Что же касается степени изученности материалов двух Амурских экспедиций, то она — различна. Первая из них хорошо известна не только специалистам по отечественной истории, но и широким массам. Неоднократно издавались и переиздавались работы участников Амурской экспедиции 1849—1855 гг., изучение ее материалов породило обширную научную литературу.

Со второй Амурской экспедицией — не все так просто. Дело в том, что Амурская экспедиция 1910 г. отчасти явилась ответом со стороны правительства на критику со стороны ряда думских фракций по поводу целесообразности дальневосточной политики в целом и строительства Амурской железной дороги в частности.

Признавая обоснованность опасений оппонентов в отношении целесообразности столь масштабного железнодорожного строительства, связанного со значительными финансовыми затратами и соглашаясь с тем, что Приамурский край все еще недостаточно изучен, П. А. Столыпин рассматривал Амурскую железную дорогу как важнейшую часть новой дальневосточной политики России. И политика эта преследовала не конъюнктурные, сиюминутные цели, а долгосрочные, стратегические.

Амурская экспедиция 1910 г. — последнее по времени комплексное крупномасштабное исследование, проведенное в Российской империи и имевшее целью не только изучение природных условий и ресурсного потенциала трассы Амурской железнодорожной магистрали, но и оценку социально-экономических последствий этого инфраструктурного мегапроекта для развития Дальнего Востока России. Не случайно, что работами были охва-

чены территории Забайкальской, Амурской, Приморской областей и Маньчжурии.

Сказать, что она не известна специалистам — было бы погрешить против истины. Редкая работа по истории Дальнего Востока обходится без ссылок на тот или иной выпуск «Трудов Амурской экспедиции». Тем не менее до настоящего времени нет монографического исследования, посвященного Амурской экспедиции, хотя ее результаты, и научные и практические, достойны такого внимания.

Столь парадоксальная ситуация отчасти может быть объяснена тем обстоятельством, что большинство участников, включая ее руководителя Н. Л. Гондатти (1861—1946), никак нельзя было отнести к горячим приверженцам советской власти. Но, скорее всего, причина в другом — результаты, полученные в ходе Амурской экспедиции, не только велики по объему (18 выпусков, причем многие из них включали по несколько томов, а последние состояли из нескольких частей и приложений), но и крайне разнообразны. Эти результаты имеют отношение и к изучению геологии, рельефа, почв, флоры и фауны южной части Дальнего Востока, и к исследованию состояния экономики Забайкалья, Приморья и Приамурья.

Особо следует отметить, что проведение в столь ограниченные сроки столь масштабных исследований было возможно благодаря должной организации работ, предполагавшей координацию усилий не только исследователей из самых различных отраслей науки (что само по себе крайне сложно), но и специалистов-практиков различных ведомств.

Предлагаемая читателям работа позволит привлечь внимание к Амурской экспедиции 1910 г. в канун ее 100-летнего юбилея.

П. А. Минакир

УДК 93(571.6)

СВОД ПЕРВООЧЕРЕДНЫХ МЕР НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ¹

Освещен перечень мер, который составлен по общему отчету Амурской экспедиции за 1910 г., — общие меры, меры сельскохозяйственной колонизации, меры торгово-промышленной колонизации. Приведены составленные специалистами сметы расходов на указанные работы.

Амурская экспедиция, Дальний Восток, колонизация, первоочередные меры, правительственная помощь, переселенческое дело, промыслы, промышленность, земледелие.

I. ОБЩИЕ МЕРЫ

А. Изучение края. Для планомерного изучения дальневосточных областей необходимо продолжать обследование края одной организацией, объединенной руководством лица, особо уполномоченного на это Комитетом по заселению Дальнего Востока, по примеру Экспедиции, Высочайше командированной в 1910—1911 гг. в район Амурской железной дороги.

Главные основания такой организации следующие (стр. 63—65)²: а) все чины и специальные партии, командируемые как по представлениям Уполномоченного Комитета, так и по инициативе ведомств, на работы по изучению Забайкальской, Амурской, Приморской и Якутской областей, входят в состав Амурской Экспедиции и подчиняются высшему на месте руководству Начальника названной Экспедиции — Уполномоченного Комитета по заселению Дальнего Востока (каковым может быть, напр., Приамурский Генерал-губернатор); б) утверждение и изменение плана означенных в п. а работ, в пределах сметных ассигнований и общих указаний Комитета, а рав-

¹ Свод первоочередных мер на Дальнем Востоке. Приложение 1 к Вып. I / Составлен по Общему Отчету Амурской Экспедиции за 1910 г. // Труды командированной по высочайшему повелению Амурской Экспедиции. СПб., 1911. С. 3—24.

² В скобках помещены ссылки на страницы Общего Отчета, служащего обоснованием проектируемых мер.

но распоряжение кредитами, назначенными на эти работы, принадлежит власти Уполномоченного Комитета; в) отчеты о результатах работ (п. а) поступают непосредственно на усмотрение Уполномоченного Комитета и г) для изучения и разработки отдельных специальных вопросов и предположений Уполномоченным Комитетом приглашаются в состав Экспедиции, по мере надобности и в пределах ассигнуемых с этою целью средств, особые сотрудники, — на условиях, устанавливаемых личным соглашением Уполномоченного с приглашаемым лицом, в подлежащих случаях по предварительному соглашению с тем Ведомством, в котором приглашаемое лицо состоит на службе.

На первый план в работах Экспедиции должно быть поставлено: 1) изучение недр (стр. 39—53); 2) естественно-историческое и агрономическое обследование районов сельскохозяйственной колонизации, с обязательным распространением этого обследования на Якутскую область и объединением климатических наблюдений на Дальнем Востоке в ведении отдельной от Иркутской обсерватории (стр. 8 и 13—32); 3) статистико-экономическое обследование крестьянских и казачьих хозяйств, которому, за окончанием сплошного обследования Амурской области и Восточного Забайкалья, надлежит прежде всего подвергнуть терпящих земельную неурядицу Забайкальских казаков (стр. 66 и 89—96); 4) изучение и искусственное разведение: а) рыбы в низовьях Амура и прилегающих к ним морских промысловых районах (стр. 53—59) и б) ценного зверя, прежде всего пушного, в Удском уезде и на островах Охотского моря (стр. 59—62); 5) обследование лесов (стр. 33—39); 6) изучение рек и вообще водных условий края (стр. 135—144 и 274) и 6) картография края (стр. 65).

Составленные специалистами и переданные в подлежащие Ведомства сметы расходов на указанные работы подлежат обсуждению при учете представителей Ведомства и общему, затем, соображению в Комитете по заселению Дальнего Востока.

На 1912 г. с этою целью требуются кредиты, примерно, в таком размере: по *Горному Ведомству* — 270 000 р.; по *Переселенческому Управлению* — 370 600 р. (шесть почвенно-ботанических экспедиций — 150 000 р., опытная агрономия в незаселенных районах — 140 000 р., временное, до утверждения штатов Владивостокской обсерватории, метеорологическое бюро в г. Владивостоке — 27 000 р., статистика — 50 000 р., картография — 3600 р.); по *Лесному Департаменту* — 240 000 р.; по *Департаменту Земледелия* — на ихтиологические работы и искусственное рыборазведение — 156 000 р., и, кроме того, некоторые средства — на командировку специалистов по звероводству в Удский уезд Приморской области; по *Отделу Земельных Улучшений* — 300 000 р. — на гидротехническую организацию (как для производства опы-

тов, так и постановки осушительных работ в Приамурском крае), и по *Управлению внутренних водных путей и шоссейных дорог* — 136 000 р.).

Б. Взаимное согласование задач военной обороны и колонизации края (стр. 7—13). С этой целью требуется при участии представителей всех заинтересованных ведомств: а) выяснить с полной определенностью назначение Владивостокского порта и подыскать удобное место для коммерческого, в случае обращения Владивостока в военный порт, и б) установить наименее стеснительные для целей заселения края условия закрытия некоторых районов, по стратегическим основаниям, для переселенцев (устье и лиман Амура и прилегающее морское побережье), а также и воспрещения устройства путей сообщения от морского побережья вглубь страны.

В. Создание прочного политического положения на Дальнем Востоке. Для достижения такого положения необходимо, на основании всех имеющихся данных, выяснить наши задачи в Маньчжурии и Монголии, исходя из того соображения, что упрочение русского влияния в частях их, смежных с нашей границей, представляется неперенным условием прочности самого Приамурья; в этом направлении должны быть ясно и определенно разграничены интересы России, Китая и Японии (стр. 12—13).

Г. Объединение и упорядочение управления дальневосточными областями. Поставленная цель достижима только в том случае, если, в развитие начал, положенных в основу организации Амурской Экспедиции, Забайкальская область, в качестве нашей базы на Дальнем Востоке, и смежная с Приамурьем часть Якутской области, как северная его база, будут находиться в непосредственной связи, в отношении управления и колонизационных мероприятий, с Приамурским краем.

Кроме того, при отдаленности Николаевского района Приморской области от центров управления названной области, а также ввиду особой экономической ценности и политического значения этого района, необходимо выделение Удского уезда с тяготеющими к нему местностями речного и морского побережья (включая северную часть Сахалина), в самостоятельную область (стр. 8—9).

Наконец, для единообразия мер правительственной помощи культурно-экономическому преуспеянию сельского населения края и в устранение некоторых неудобств чересполосного управления крестьянскими и войсковыми казачьими районами, необходимо выяснить способы объединения управления этими районами, обсудив, прежде всего, вопрос о передаче гражданского управления казачьим населением Забайкальской, Амурской и Приморской областей в общеадминистративные учреждения края (стр. 86—96).

Все намеченные меры, ввиду особого их значения, должны быть подвер-

гнуты обсуждению и разработке в Ведомствах в первую очередь, отдельно от прочих предположений Экспедиции, касающихся управления краем.

Д. Развитие средств сообщения. В основу плана развития путей сообщения на Дальнем Востоке должны быть положены следующие общие требования (стр. 262—271):

1) Устройство сухопутных сообщений следует вести рука об руку с улучшением водных путей, которые, с одной стороны, своей основной магистралью Шилко-Амурской соединяют весь Приамурский край с Тихим океаном, а с другой стороны — многочисленными ветвями прорезывают край поперечными подъездными к этой магистрали путями сообщения, притом соединяющими с ней наиболее заселяемые земледельческие и горнопромышленные районы.

2) В отношении Шилко-Амурской магистрали прежде всего требуется устранить затруднения для судоходства в лимане р. Амура (малая глубина фарватера и неустройство порта и обстановки), лишаящие ее значения действительного транзитного пути, служащего одной из главных питательных артерий Амурской железной дороги; затем, для обеспечения грузообмена между водной и железнодорожной магистралями, необходимо устройство оборудованных пристаней и затонов в местах примыкания или пересечения железной дороги с главнейшими судоходными реками — Амуром, Зеей и Буреей, а также достижение однородности условий плавания (без перегрузки), по крайней мере на всем протяжении между Благовещенском и Хабаровском.

3) В отношении подъездных к магистрали водных путей требуется улучшение на главнейших из них судоходных условий и проложение бережных грунтовых дорог, которые обеспечивали бы возможность загрузки и разгрузки судов в различных местах реки, а также способствовали бы установлению связи между отдельными водными бассейнами края.

4) В соответствии с приведенными требованиями и согласно данным произведенных Амурской Экспедицией обследований, на первую очередь должна быть поставлена сеть таких грунтовых магистралей: а) на Якутск — по направлениям: первое — от р. Тунгира (правого притока р. Олекмы) по долине реки Олекмы, с выходом у г. Олекминска на Якутско-Иркутский тракт, или на реку Лену, как на водный путь в Якутск; второе — от ст. Рейново (Джалинда) на Амуре, через Тымптонские прииски с пересечением р. Амги; третье — через район приисков Зейской и Алданской системы (от Потехинского склада по р. Зее) до судоходной части р. Алдана (приблизительно у впадения в нее р. Учуга); и четвертое — от верховьев р. Зеи (приблизительно у Бомнакского или Сукджарского склада до устья р. Учуга; б) на г. Николаевск — от ст. Суражевка, Амурской железной дороги, через золотопромышленные районы р. Селемджи, Буреи, Нимана и Амгуни с притоками, — с веткою к

Удскому острогу (приблизительно от верховьев рек Селемджи и Буреи); в) на Аян — для соединения Якутска с Охотским морем, по системам рек Мая, Алдан и Лена; г) к приморским гаваням — Императорской или Де-Кастри от Хабаровска, для соединения Амурской железной дороги прямым путем с морем.

5) Главнейшие магистрали необходимо оборудовать телеграфом.

6) Для заведывания изысканиями и постройкой грунтовых дорог должна быть создана в крае с 1912 г. особая постоянная организация, которая могла бы продолжить начатые Дорожным Отрядом Экспедиции работы.

7) План переселенческих дорог и отпускаемые на их постройку средства необходимо согласовать с требованием соединения заселяемых землепашца-ми местностей с промышленными центрами края в целях их взаимных выгод.

8) Для согласования задач отдельных ведомств, строящих пути сообщения, и достижения возможно большей планомерности в дорожном строительстве требуется совместное обсуждение на местах представителями этих Ведомств ежегодных их предположений и смет.

Согласно изложенному плану, в первую очередь подлежат осуществлению следующие мероприятия:

1. По устройству водных путей (стр. 271—277):

а) углубление бара р. Амура, для чего требуется приобретение морской землечерпательной машины, которая могла бы после трех лет работы открыть доступ в г. Николаевск океанским судам с осадкой в 24 фута;

б) улучшение обстановочной службы в Амурском лимане, для чего необходимо перенести ее из Владивостока в Николаевск, усилить состав обстановочной прислуги и инвентаря приобретением паровых или моторных катеров, устройством, кроме плавучих, постоянных знаков и ночного их освещения, улучшением на казенные средства лоцманской части;

в) разрешение морским судам, впредь до устройства удобной гавани у Николаевска, подниматься вверх по Амуру от Николаевска до устья Пальвинской протоки близ с. Маго, с производством там таможенного досмотра судов;

г) сосредоточение всех мероприятий и служб по надзору за судоходством и улучшению судоходных условий в устье Амура и в Николаевском порте в Ведомстве Путей Сообщения, с учреждением особого портового управления по развитию грузооборота г. Николаевска;

д) подчинение надзору и обслуживанию Управления водных путей Амурского бассейна всех рек края, на которых имеется пароходство, с сосредоточением в этом Управлении заведывания путями не только названного бассейна, но и Ленского — в части его, тяготеющей к Приамурью (бассейны рек Олекмы и Алдана);

е) устройство пристаней и затонов: на Амуре — в Сретенске, Благовещен-

ске, Хабаровске и в станицах Джалинде (Рейново) и Черняевой, на Зее — в дер. Суражевке, на Бурее — в дер. Малиновке;

ж) приобретение с указанною целью и для достижения однообразной глубины на основных водных магистралях 5 землечерпательных машин;

з) осуществление выработанного в Управлении водных путей, на основании произведенных обследований, проекта улучшения судоходных условий р. Зеи, путем выправления и закрепления в подлежащих частях ее русла;

и) производство взрывных работ на Союзовском и Екатерино-Никольском перекатах (в среднем течении Амура), почти единственно затрудняющих судоходство на всем протяжении Амура (930 верст) между Благовещенском и Хабаровском;

к) снабжение технических участков Амурского бассейна камнеподъемницами и карчеподъемницами;

л) устройство дневной и ночной обстановки на реках с развитым пароходством;

м) установление бюджета расходов на все перечисленные мероприятия, равно как и указанное выше изучение водных путей, по 1915 г. включительно, согласно прилагаемым предположениям Дорожного Отряда Амурской Экспедиции и Управления водных путей Амурского бассейна.

2. По устройству грунтовых путей (стр. 277—282):

а) учреждение с 1912 г. Дорожного Отдела в составе Управления водных путей Амурского бассейна, с переименованием этого Управления в Управление путей сообщения, для заведывания всеми крупными грунтовыми дорогами в крае (стратегическими, торгово-промышленными, почтовыми и подъездными к железнодорожной линии), за исключением лишь имеющих чисто местное значение;

б) скорейшее осуществление выработанного в Министерстве Путей Сообщения проекта учреждения Дорожного Сопровождающего при Приамурском Генерал-губернаторе, с нижеследующими лишь частичными исправлениями и дополнениями этого проекта:

1) Дорожному Сопровождающему, по практическим основаниям, не следует присваивать значения постоянно действующего при Приамурском Генерал-губернаторе учреждения; оно должно собираться лишь периодически, не более одного раза в год; время деятельности этого Сопровождающего необходимо приурочивать к навигации, когда все участники Сопровождающего могут собраться, не затрудняясь способами передвижения;

2) Дорожное Сопровождающее должно рассматривать строительные предположения не только со стороны финансовой, экономической и общих технических условий, но и со стороны самих способов постройки дорог и ис-

числения их сметной стоимости; кроме того, как указано выше, в ведении Управления водных путей Амурского бассейна надлежит сосредоточить только те дороги, которые имеют значение, как пути стратегические, торгово-промышленные, почтовые и подъездные к линии Амурской железной дороги; дороги же местного значения, как, например, устраиваемые переселенческим ведомством, следует оставить в ведении соответствующих организаций, хотя бы эти дороги сооружались не только на местные земские средства, но и за счет Государственного Казначейства;

3) в соответствии с требованием, чтобы Дорожное Совещание собиралось не более одного раза в год, необходимо установить, что ко времени созыва Совещания подлежащие ведомства изготовляют не одни общие предположения о дорожных работах, но и подробные проекты и сметы, причем Совещание, составив план работ на будущий год, незамедлительно вносит его в Комитет по заселению Дальнего Востока вместе со всеми приложениями на предмет ассигнования необходимых средств;

в) ассигнование средств на содержание названного выше Дорожного Отдела по нижеследующему, выработанному Дорожным Отрядом Экспедиций, расчету:

№	Наименование расходов	Число лиц	Содержание в год	
			одному	всем
1	Управляющий отделом	1	4500	4500
2	Делопроизводители	2	—	4125
3	Инженеры для технических занятий	3	—	6750
4	Техники и кондукторы	7	—	7950
5	Инспекторы работ	2	5000	10 000
6	Журналист	1	1200	1200
7	Бухгалтер	1	1800	1800
8	Содержание нештатных служащих	—	—	12 000
9	Наем курьеров и сторожей	—	—	1800
10	Канцелярские, мелкие хозяйственные и разные расходы	—	—	6000
11	Разъездные деньги	—	—	6000
	Итого	—	—	62 125 р.

г) установление бюджета расходов на дорожные работы по 1913 г. включительно, согласно приведенному выше плану их, по нижеследующему расчету, выработанному в Дорожном Отряде Экспедиции:

1) На производство изысканий:

№	Направление изысканий	Число верст	1911	1912	1913	Всего
1	Николаевский тракт (от Норского склада на р. Селемдже до Кербинского на р. Амгуни)	600	40 000	—	—	40 000
2	Якутские тракты (Якутск — Лебединый прииск на р. Тымптон, Бомнакский склад на р. Зее — устье р. Учуга, Тунгир — Тымптон, Якутск — устье Учуга, устье Учуга — с. Нелькан, р. Тунгир, Олекма, Алдан, Учур)	5000	36 000	58 000	—	94 000
3	Якутско-Аянские тракты	1500	—	18 000	40 000	58 000
4	Ветви Николаевского тракта (к Удскому острогу, к Зее-Пристани, к Де-Кастри) и пути в Императорскую гавань	2500	—	—	46 000	46 000
5	Проезд служащих из Петербурга и общие расходы по содержанию Дорожного Отряда	—	28 258	20 000	20 000	68 258 ¹
	Итого	—	104 258	96 000	106 000	306 258 р.

2) На постройку дорог:

№	Наименование дорог	Число верст	Размер всего кредита	1911	1912	1913
1	Тунгирская дорога (ст. Могочи Амурской ж. д. — р. Тунгир)	110	330 000	135 000	195 000	—
2	Николаевский тракт (Норский склад на р. Селемдже — Кербинский склад на р. Амгуни)	600	1 800 000	—	180 000	375 000
	Итого	710	2 130 000	135 000	375 000	375 000 р.

д) ассигнование кредита на нижеследующие первоочередные телеграфные сообщения в крае, согласно сметной справке Дорожного Отряда Амурской Экспедиции:

1. Линия от Николаевска до о. Лангр, протяжением около 90 верст ²	18 000 р.
2. Линия — д. Путятина (на левом берегу р. Селемджи) — город Зей-Пристань — вдоль левого берега р. Зеи, протяжением до 335 верст	145 000
3. Линия — д. Путятина (по р. Селемдже) — пр. Екимчан (по р. Селемдже) — прииск Софийский (на р. Нимане, приток р. Буреи), протяжением до 586 верст	217 000
Итого	380 000 р.

¹ По учреждении Дорожного Отдела при Управлении водных путей Амурского бассейна надобности в общих расходах по Отряду не будет.

² Стоимость постройки линии включена в приведенные в приложении исчисления расходов на мероприятия в Амурском лимане.

II. МЕРЫ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ КОЛОНИЗАЦИИ

А. Общий план сельскохозяйственной колонизации. Земледелие на Дальнем Востоке может и должно служить исключительно целям возможно большего уплотнения здесь населения, поэтому: а) земли, пригодные для зерновой культуры, необходимо отводить только под обработку личным трудом засельщиков; б) бороться с зависимостью края от маньчжурского хлеба следует не путем создания на месте крупных капиталистических сельскохозяйственных хозяйств, но посредством облегчения условий доставки сюда сибирского хлеба; при этом разрешение вопроса об обложении пошлиной маньчжурского зерна, ввиду большой спорности этого вопроса, должно быть отложено до дополнительного его изучения в Амурской Экспедиции, и в) наряду с заселением землепашцами пригодных для этого земель, требуется ускорить использование и таких земельных пространств, эксплуатация которых возможна только при больших знаниях и средствах, чем располагают обычные крестьянские хозяйства (стр. 65—80 и вып. II—V Трудов Экспедиции).

Б. Меры в отношении надельных земель. Сообразно приведенным общим требованиям (стр. 80—96):

а) необходимо такое обложение надельной земли, не эксплуатируемой личным трудом, которое делало бы невыгодным пользование ею при посредстве аренды или наемного труда; это требование следует иметь в виду при предстоящей выработке законопроекта о введении в Приамурье земельной оброчной подати или поземельного налога (стр. 80—83);

б) отвод казенных земель населению должен производиться по нормам, согласованным с требованием ведения трудового хозяйства, и притом на праве собственности; этой цели отвечает правительственный законопроект о поземельном устройстве сибирских крестьян; он нуждается в частной, но существенной для успеха дела, поправке: устанавливаемое проектом воспрепятствие изменять при окончательном землеустройстве границы наделов старожилото населения, как совершенно необоснованное и идущее вразрез с интересами населения и действительными землеустроительными задачами, подлежит исключению из проекта (стр. 83—86)¹;

в) с тою же целью требуется скорейшее землеустройство Забайкальских, Амурских и Уссурийских казаков, причем землеустройство Забайкальского войска, применительно к предположениям, выработанным в отношении Приамурских казаков, надлежит возложить на общие землеустроительные органы Ведомства Землеустройства и Земледелия, дополнив их штатом, обеспечивающим срочное выполнение работ. Нормы земельного обеспече-

¹ Кроме того, желательны некоторые изменения проекта, в части его, касающейся внутринадельного размежевания (см. Приложение к вып. V Трудов Экспедиции).

ния казаков должны быть согласованы в пределах, допускаемых действующим законом о землеустройстве (ст. 706—727, т. II, ч. II, учр. гражд. упр. в казачьих войсках), с требованием наибольшего уплотнения населения; поэтому необходимо изменить выработанный уже в особом совещании проект правил землеустройства казаков Амурского и Уссурийского войска, установив 1) предельную норму земельного надела в 30 дес., в том числе земли, годной для распашки, не свыше 15 дес. на душу м. п., с предоставлением землеустроителям права понижать указанную норму в зависимости от местных условий, применительно к основаниям крестьянского землеустройства в Сибири, и 2) замену войскового земельного запаса денежным пособием войску (стр. 86—96);

г) для наиболее культурного и хозяйственного использования казачьим населением надельных земель требуется обсудить условия распространения на эти земли общих основных начал крестьянского землеустройства, обеспечивающих отдельным домохозяевам возможность освобождения от общинной зависимости и отчуждения надела лицам своего сословия (стр. 86—96);

д) в целях содействия правильной и облегченной мобилизации земель в крае, в связи с предоставлением сельскому населению Сибири прав собственности на землю, необходимо приступить к выработке проекта учреждения в Сибири правительственного земельного банка, в частности обсудить проект учреждения земельного банка, вновь выработанный Хабаровским городским управлением (стр. 86);

е) для упорядочения интендантских закупок хлеба у сельского населения Приамурья следует обсудить при участии представителей всех заинтересованных ведомств собранные по этому предмету чинами Экспедиции и Сенаторской ревизией материалы и проектировать на основании их меры упорядочения подобных закупок, в целях действительного содействия ими развитию земледелия в районах края, лишенных выгодных и близких рынков сбыта хлебных продуктов (стр. 96—97 и вып. V Трудов Экспедиции);

ж) наряду с такими общими мерами по направленно земледельческой политики Правительства, необходимо скорейшее осуществление предположений Ведомства Землеустройства и Земледелия о расширении агрономической помощи населению и о содействии внутринадельному размежеванию земель сельских обществ.

В. Организация переселенческого дела (стр. 99—165). Для ускорения хода заселения землепашцами дальневосточных областей и прочного устройства здесь новоселов требуется:

1) разрешить в Приамурском крае отвод земель корейцам, на одинаковых основаниях с русскими переселенцами, а в отношении условий принятия в русское подданство — с зарубежными старообрядцами, с нижеследующими

лишь изменениями: а) норма земельного обеспечения — должна быть для корейских переселенцев установлена в размере 5 дес. на душу м. п. и не выше — 30 дес. на семью и б) из района корейского заселения должны быть исключены — железнодорожная полоса от Амура и на 50—75, примерно, верст севернее магистрали, а также пространства, прилегающие к Уссурийской железной дороге, и Посьетский участок (стр. 117—119);

2) принять меры к широкому ознакомлению русского крестьянства с Забайкальской областью, путем распространения справочных книжек и карт области и т. п., а также установить в ней вполне определенные точные основания передачи под крестьянское переселение пустующих земель ведомства Кабинета Его Величества (стр. 160—163);

3) поощрять выселение в дальневосточные области (льготным тарифом) только в случае предварительного осмотра и зачисления земли за переселяющимися через особо уполномоченного ими на это ходока (не повторяя опытов заблаговременного распределения земельного фонда между районами выхода переселенцев, с организацией группового хождения — стр. 119—122 и 163—164);

4) упорядочить (наряду с всемерным развитием в крае учреждений мелкого кредита — вып. IX Трудов Экспедиции) дело ссудной помощи домообладству переселенцев (стр. 123—126), а именно: а) установить нормальный размер ссуды от 300 до 500 р. на семью, выдавая половину ее при самом водворении (по возможности единовременно и не более как в два приема) и остальную часть по мере развития хозяйства новосела (например, по мере разработки участка — за каждую разработанную под посев десятину: из-под редколесья — 50 р., из-под сплошного леса — 100 р.), б) предоставить местным переселенческим организациям определять, в указанных пределах, норму ссудной помощи различно для различных районов края, в зависимости от трудности ведения в них хозяйства и сообразуясь с числом рабочих рук в семье (т. к. — чем сильнее по рабочему составу семья, тем более можно рассчитывать на полезное применение ею полученной ссуды), в) для запасных нижних чинов местных войск, которые остаются в крае для водворения на переселенческих участках, установить выдачу ссуд только после устройства ими оседлости на участке, г) усиленные ссуды по разным несчастным случаям, с установлением повышенных норм, отменить и в будущем строго держаться лишь установленных норм, д) отменить также участие в ссудном деле уездных съездов и областных по крестьянским делам присутствий, сосредоточив его исключительно в руках чинов, непосредственно ведающих переселением;

5) широко организовать в крае операции переселенческих складов и лавок, которые могли бы продавать новоселу в счет ссуды до устройства его

на новом месте, а затем в кредит, все нужное ему в хозяйстве имущество; особенно — развить казенную продажу рогатого скота, лошадей, хорошего посевного материала, а в промысловых районах — и орудий промысла; ввиду недостаточности средств, назначенных теперь на складочное и лавочное дело в дальневосточных областях, для развития его до тех пределов, при которых оно может получить не только узкокоммерческое, но и культурное значение в крае, выработать в скорейшем времени соответственную смету для ассигнования специального кредита на нужды Забайкальской, Амурской и Приморской областей, применительно к общим основаниям, указанным в Отчете Экспедиции (стр. 126—134);

6) установить производство средствами правительственной организации работ по расчистке и раскорчевке трудных для разработки земель в переселенческих участках, производя, при намеченном повышении размера денежных ссуд переселенцам, расход на такую подготовку участка в виде безвозвратного пособия новосельческой семье, с соответственным уменьшением причитающейся ей ссуды, и привлекая в некоторых районах к работам по расчистке и раскорчевке переселенческих земель русскоподданных корейцев, опытных в подобного рода работе, с вознаграждением их отводом земли в заготовленном участке в постоянное или временное пользование (стр. 134—135);

7) широко поставить в крае гидротехнические работы, — прежде всего на отведенных уже переселенческих участках, где имеется значительный процент заболоченной площади, и обязательно производить средствами правительственной организации, с зачетом в ссуду водворяемых на таких участках переселенцев, осушение усадебных мест и части полевых угодий, хотя бы по расчету одной десятины на душевую долю; при этом, ввиду недостаточности и слабой в техническом отношении постановки в Приамурском крае гидротехнических работ, — выработать, на основании собранных гидротехнической партией Амурской Экспедиции данных, план гидротехнического изучения края, подлежащий осуществлению совместно с почвенными и агрономическими его обследованиями, и сосредоточить высшее техническое заведывание гидротехникой в крае в специальном учреждении — Отделе земельных улучшений, а на месте создать самостоятельную гидротехническую организацию¹ (стр. 135—144 и вып. VI Трудов Экспедиции);

8) вести землеотводные работы Переселенческого Управления в полном соответствии их дорожному строительству этого ведомства; за переселенческими дорогами признать общее культурно-экономическое значение для

¹ Проект сметы на последнюю, выработанный в Экспедиции и переданный в Отдел земельных улучшений, должен быть принят во внимание при составлении сметных предположений Ведомства Землеустройства и Земледелия на 1912 г.

края, и потому ассигнования на них испрашивать не по количеству душевых долей, отводимых в данное время в данной местности, а сообразно общему значению проектируемой дорожной сети для будущих интересов окраин; в частности, не позже 1912 г., испросить средства на приобретение казенных пароходов для обслуживания приречных поселков Амурской области и побережья Татарского пролива в Приморской области (стр. 144—149);

9) ввести в действие в Приамурском генерал-губернаторстве и в Баргузинском районе Забайкальской области проект правил вольного заселения, выработанный Уполномоченным Главного Управления Землеустройства и Земледелия, на общих основаниях, указанных в Отчете Экспедиции (стр. 149—155 и 164—165);

10) ассигновать с 1912 г., согласно сметам местных переселенческих организаций, средства на ветеринарную помощь в переселенческих районах (стр. 155—157);

11) ассигновать средства на устройство церкви и врачебно-фельдшерского пункта в с. Рыбном на северном Сахалине и в с. Рождественском в устье Амура, а также на устройство пароходных сообщений между рыболовными поселками этого района (стр. 157 и вып. X Трудов Экспедиции).

Г. Продажа и сдача в аренду земель под частновладельческие хозяйства (стр. 172—181).

1) В целях наилучшего использования земель под культурные хозяйства, а также в интересах торгово-промышленного класса, нуждающегося в недвижимости, необходимо по возможности облегчить условия продажи и аренды казенных земель и вместе с тем установить такой порядок заведывания и распоряжения казенно-оброчным земельным фондом, при котором казенному управлению принадлежало бы действительное колонизационное направление земельной политики в крае; поставленная цель достижима только при условии отмены действующего требования закона относительно торгов, как обязательного условия продажи и аренды казенной земли, лишаящего возможности правительственную организацию сделать выбор между лицами, домогающимися земли, сообразно наибольшей их полезности для края; кроме того, правила отвода казенных земель под частновладельческие хозяйства должны быть свободны от всяких излишних, замедляющих разрешение дел, формальностей, каковы, например, предусматриваемые законом предварительные сношения казенных управлений с губернаторами, казенными и контрольными палатами и т. п.; правильнее всего предоставить рассмотрение и разрешение ходатайств частных лиц об отводе казенных земель междуведомственным комиссиям из подлежащих местных чинов (или областным по крестьянским делам присутствиям), с утверждением их постановлений в особо важных случаях властью Генерал-губернатора; выработка законопро-

екта на указанных главных основаниях должна составить неотложную задачу Ведомства Землеустройства и Земледелия.

2) Проектированные в названном Ведомстве для Приамурья Правила образования и сдачи в аренду, а равно и продажи земельных участков, предназначенных под частновладельческие хозяйства, хотя и сохраняют в силе отмеченные выше недостатки современной постановки казенно-оброчного дела, однако, по сравнению с установившейся на Дальнем Востоке практикой, являются заметным шагом вперед, а потому желательнее скорейшее введение их в действие на этой окраине и распространение на Забайкальскую область, впредь до законодательного их дополнения и изменения; под продажу частным лицам в этой области на первое время должна быть назначена, в порядке закона 8 июня 1901 г., площадь в 29 000 дес., расположенная в районе землеотводных работ местной переселенческой организации — на казенных и Кабинетских землях; о таком назначении указанной площади, равно как и о продаже, согласно постановлению Комитета по заселению Дальнего Востока от 9 апреля 1910 г., за № 10, ста тысяч десятиин в Приамурском Генерал-губернаторстве, Ведомству Землеустройства и Земледелия, по соглашению в отношении Кабинетских земель с Министерством Императорского Двора, следует в ближайшем времени войти с соответственным законодательным представлением.

3) Ввиду открытого в последние годы богатого земельно-оброчного фонда в пограничном Посыетском районе, Ведомству Землеустройства и Земледелия следует обратить особое внимание на скорейшее правильное использование этого фонда и заведывание им; при безусловной недопустимости без серьезного ущерба делу оставлять его в ведении одного лесничего, необходимо теперь же откомандировать туда с этой целью специальных агентов Ведомства, приступив, вместе с тем, к выработке законопроекта об учреждении здесь и вообще в крае должностей особых смотрителей за оброчными статьями.

Д. Меры развития и улучшения животноводства в Приамурском крае (стр. 201—216).

1. За развитием в Приамурье животноводства должно быть признано первостепенное колонизационное значение, как в целях эксплуатации пустующих земельных пространств в значительной части их годных исключительно для лугового хозяйства, так и в видах освобождения края от иностранного рынка.

2. Собранные Экспедицией материалы по животноводству (вып. VII Трудов Экспедиции) следует подробно обсудить в Ведомстве Землеустройства и Земледелия и выработать на основании их план исчерпывающих мероприятий в данной области.

3. Правительственное содействие животноводству должно быть начато с

улучшения существующих уже в крае хозяйств, путем подбора на месте или доставки со стороны подходящих пород и надлежащего инструктирования населения; в основу предстоящей разработки общего плана мер следует положить такие предварительные данные Экспедиции для Амурской области:

1) в отношении подбора рогатого скота имеющиеся материалы и наблюдения говорят в пользу молочного, а не чисто мясного или мясо-рабочего скота; на это указывают высокие удои «российских коров», а также и повсеместное желание крестьян — иметь молочный скот; но, при этом, нельзя забывать о нужде края в мясе; поэтому скот должен быть молочный, но крупный; при полной убыточности нагула, эта задача разрешается откормом скота: такие концентрированные корма, как отруби и бобовые жмыхи, могут с успехом пойти на нужды Амурского скотоводства;

2) надо изыскать наименее сложный и доступный в финансовом отношении способ распространения в крае указанных пород; целесообразнее всего остановиться на метизации туземного скота — влитии в него новых кровей; метизация с иностранными породами уже сейчас имеет место в крае, и хотя она ведется в высшей степени беспорядочно и при помощи материала сомнительной племенной ценности, однако, по собранным сведениям, дает пока сравнительно хорошие результаты; в отношении пород следует, по-видимому, соблюсти такие условия, чтобы давалось материала больше, чтобы материал был насколько возможно однообразнее и чистокровнее, чтобы он был не особенно крупен, но и не мелок, чтобы был достаточно молочный и с жирным молоком (не голландцы и их производные) и чтобы он был выращен в условиях русского хозяйства средней руки по обстановке; для снабжения области таким улучшенным племенным материалом наиболее правильно было бы принять на счет казны стоимость тарифа из Сибири и Европейской России в Приамурье; при льготном тарифе, с различного рода накладными расходами казны, расход ее на голову достигнет приблизительно 50 р.; давая области ежегодно примерно до 300 голов, необходимо иметь кредит в 15 000 рублей; дело должно быть стройно организовано, при участии казенных сельскохозяйственных складов и специалистов-животноводов; в основу организации желательно положить такие условия: а) осведомленность населения; б) посылка уполномоченных от крестьянских обществ для участия в осмотре и закупке скота (проезд туда и обратно должен быть или бесплатный, или по переселенческому тарифу); в) покупка на местах при помощи специалистов; г) рассрочка половины покупной стоимости на два года под приговор общества или соответственное обязательство для отдельных хозяев; д) организация сборных пунктов; е) возможно ускоренная доставка (с товаро-пассажирами поездами); ж) организация пунктов для отдыха скота в дороге; з) обеспечение дешевым кормом в дороге; меры по снабжению края

племенным скотом, прежде всего, должны быть направлены на старожилые местности, которые затем и явятся поставщиками хорошего скота новоселам; последние, пока их хозяйства не станут на ноги, нуждаются только в облегчении им первоначального обзаведения живым инвентарем, думать же о каком-либо улучшении и развитии среди них скотоводства в то время, как им предстоит посвятить ряд лет приведению в культурное состояние надельной земли для распашки ее, не приходится;

3) наряду со снабжением края племенным скотом необходимы меры для массового улучшения скота путем устройства под руководством специалистов рассадников племенного скота из крестьянских стад (по типу Домшинских рассадников) и снабжения отобранных стад коров производителями заранее намеченного типа и в числе, вполне удовлетворяющем потребностям данного стада; выдача премии за лучшее содержание приплода и устройство скотных дворов должна быть проведена при этом в самых широких размерах; такие рассадники следует устроить не менее чем в пяти пунктах области, как среди крестьянского, так и казачьего населения, с предоставлением фиксации мест рассадников местной агрономической организации;

4) для распространения среди населения здравых понятий о ведении скота и извлечении из него наибольшей хозяйственной выгоды требуется постоянная на месте агрономическая организация, со включением в ее состав специалиста по животноводству; в задачу такой организации должно быть поставлено производство опытов по кормлению скота, устройству зимних помещений для него и т. п.; эти опыты могут вестись при небольшом пособии со стороны казны, если привлечь к ним самих крестьян, из среды которых желающие всегда найдутся; настоятельно необходимы также меры по введению травосеяния; в этом отношении надо различать: а) культуру таких растений, которые уже дают хорошие результаты (как, например, соя и тимOFFеевка), и б) опыты над растениями, значение которых мало выяснено или совсем неизвестно (люцерна, клевер и т. п., а также — дикая флора); первого рода меры сводятся к обеспечению крестьянам возможности получать семена; это — дело казенных складов; они должны отпускать посевной материал в кредит или даже даром, с обязательством вернуть его после урожая; желательно, конечно, руководство пробными посевами со стороны агрономической организации; что касается опытов над неизвестными и слабо пока идущими в крае растениями, то здесь требуется хорошо оборудованное опытное поле, для всестороннего испытания всех растений травяного клина и сбора семян дикой флоры от тех растений, которые можно считать достойными внимания; наряду с казенным полем, как только культура известных растений станет на прочную ногу, возникнет, конечно, необходимость закладки опытных участков (у крестьян) с правильным плодосменным севооборотом,

например, таким: а) соя, б) пшеница, в) свекла, турнепс, г) овес; введение более сложных севооборотов с многолетними травами пока представляется едва ли возможными, хотя этот вопрос должен настойчиво разрабатываться, так как выгоны требуют серьезного улучшения, однако сейчас трудно еще сказать, на каком растении остановиться: до чрезвычайности разнообразен характер землепользования в различных деревнях, вытекающий из всей совокупности условий хозяйничанья; в каждой отдельной деревне его придется решать различно; весьма важно, наконец, показать населению способы приготовления масла;

5) в отношении коневодства, ввиду наличия в Амурской области удачного по качеству материала, ближайшей задачей является фиксация существующего типа местной лошади, путем поощрения его разведения и закрепления; наиболее целесообразным при таких условиях, представляется: а) размещение значительного количества крупных производителей в сельских обществах, что может быть сделано даже без расходов со стороны казны на содержание лошадей, и б) всестороннее выяснение работоспособности местной лошади, сообразно главнейшим требованиям, предъявляемым к ней условиями здешнего хозяйства; с этою целью требуется устройство выставок для испытания лошадей и фиксации типов, наиболее отвечающих этим условиям, с выдачей владельцам соответственных наград и денежных премий как за выставленные экземпляры, так равно и за последующий приплод от получивших награду производителей; что же касается количественного недостатка лошадей в новосельческих районах, то помощь в этом отношении населению должна составить ближайшую задачу казенных складов, при содействии лишь агрономического персонала наиболее удачному подбору пород;

б) овцеводство, по естественно-историческим условиям области, должно быть ограничено разведением здесь грубошерстной крестьянской овцы, идущей на мясо и овчину; необходимые меры содействия населению в этом направлении сводятся к следующему: а) надо помочь крестьянскому населению обзавестись овцами: во многих селениях чинам Экспедиции заявлялось о желании вести овец, но, за отсутствием средств, выражалось желание получить их в кредит; это, следовательно, тоже задача казенных складов, которые могли бы организовать продажу, либо в рассрочку, либо на условии возврата из приплода соответственного количества; б) для улучшения, в смысле большей пригодности, пород необходимо пустить в местные стада баранов бессарабской породы — чушки; агрономическая организация должна взять на себя рекомендации и посредничество в приобретении населением таких производителей; кроме того, безусловно целесообразно произвести здесь испытания пород, взятых из сырых местностей; указанной цели наиболее отвечали бы некоторые породы (кентская или ромнеймаршская и роско-

монская), разводимые на низких сырых пастбищах Англии и Ирландии; выписав на казенный счет для пробы несколько экземпляров, можно было бы их разместить, на условиях возврата части приплода, в нескольких наиболее надежных хозяйствах, где обеспечивались бы теплое помещение, надлежащий уход и корм; в) в отношении улучшения кормовых условий и выгонов необходимы меры, однородные с намеченными для скотоводства;

7) свиноводство, при наличности в Амурской области вполне благоприятных естественных и экономических условий для его развития, заслуживает особого внимания и поддержки со стороны правительственной агрономической организации; здесь требуется устройство рассадников культурных свиней йоркширов и некоторое инструктирование населения по их содержанию (главным образом по устройству теплых помещений);

8) Наконец, ввиду высокой доходности торговли пантами (рога благородного оленя, идущие на лекарство в Китай), а также в целях создания в Амурской области нового источника мясных продуктов, следует поощрить разведение здесь оленей (по примеру Уссурийского края), путем предоставления соответственных земельных участков частным предпринимателям либо бесплатно, либо на особо льготных условиях, с обязательством завести тот или другой вид оленей, а также путем выдачи премий за обзаведение оленями существующих хозяйств и предоставления им кредита на такое обзаведение.

Е. Устройство рыбопромысловых поселков и развитие в крае промыслов (стр. 217—227 и вып. X Трудов Экспедиции).

1) В целях наилучшего использования рыбных богатств края для уплотнения в нем населения и создания промысловых поселков переселенцам должны быть открыты все рыбопромысловые районы, за исключением местностей, имеющих определенное государственное или общественное назначение (казенные лесные дачи, земельные и морские рыболовные оброчные статьи и т. п.); воспрещение подобного водворения следует ограничить случаями безусловно доказанного, а не предположительного только, вреда рыбным богатствам края или иным каким-либо государственным интересам (напр., военной обороне края); с этой точки зрения побережье устья и лимана Амура, как представляющее благоприятные условия для возникновения морского и ловецкого населения, не должно быть закрыто для переселенцев; постепенно, без ущерба существующей здесь крупной промышленности, надо стремиться к тому, чтобы лов рыбы сосредоточился в руках сельского населения, а капиталисты были бы заняты обработкой и продажей рыбных продуктов.

2) Для облегчения новоселам указанного района условий сообщения и развития сельского каботажа требуется широко поставить дело выдачи ссуд на судостроительство из кредита Переселенческого Управления, назначаемого на общепользные нужды переселенцев.

3) Ввиду того, что рыбный промысел для засельщиков речного и морского побережья является теперь главным источником не только продовольствия, но и прочного вообще домообзаводства, необходимо отменить действующее здесь распоряжение главной местной администрации, ограничивающее право крестьянского населения пользоваться для лова рыбы наемными рабочими; в водах, в которых это ограничение обусловлено заключенной с Японией конвенцией и представляется целесообразным во избежание эксплуатации крестьян японцами, желательно установить лишь более снисходительное отношение к лицам, виновным в нарушении воспрещения нанимать рабочих, на те случаи, когда промысловому надзору заведомо известно, что нарушители занимаются промыслом не под фирмой японских предпринимателей, а для собственного потребления или обработки и легальной продажи; с этой целью надо предоставить надзору полномочия понижать штрафы по усмотрению.

С указанною же целью и для освобождения сельского населения от монопольной зависимости от скупщиков рыбы желательно предоставить крестьянам право иметь общественные засольни и ввести льготную сдачу им в аренду мелких рыболовных статей, в частности — упразднить или, по крайней мере, перенести японские засольни, смежные с крестьянскими поселками. Кроме того, в интересах крестьян, заведующий переселением должен принимать участие при распределении и сдаче с торгов рыболовных участков.

4) При наличности в низовьях Амура чисто промысловых поселков, а также ввиду слабого вообще развития кустарных промыслов среди сельского населения края, необходимо широко содействовать распространению здесь этих промыслов и специальных знаний; необходимо командировать сюда инструкторов и образовать под председательством Генерал-губернатора комитет по кустарным делам; в программы школ промысловых районов надо ввести преподавание начальной ихтиологии и ремесла — бондарного, токарного, по изготовлению снастей, сетей и т. п.; надо, наконец, открыть в крае образцовые, показательные по этим ремеслам мастерские.

5) Для развития в крае пчеловодства прежде всего требуется установить покровительственный железнодорожный тариф на экспорт уссурийского меда и облегчить таможенные формальности по удостоверению русского происхождения экспортируемого из Приморской области меда.

6) В интересах охотничьего промысла прежде всего необходимо принять меры к охране пушного зверя и оленя от истребления установлением заповедных мест, а в отношении пушного зверя и путем периодического воспрещения охоты на него, и изыскать способы борьбы с китайскими скупщиками пушнины в тайге.

III. МЕРЫ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЙ КОЛОНИЗАЦИИ

А. Устройство железнодорожных и других городского типа поселков (стр. 181—198).

1) Для развития и упрочения возникающих в полосе Амурской железной дороги и имеющих первостепенное значение в деле ее заселения придорожных поселков необходимо: а) по возможности упростить и облегчить условия отвода земель жителям этих поселков и ввести в них отвечающее их хозяйственному укладу общественное управление и б) удовлетворить религиозно-просветительные и врачебно-санитарные их нужды.

Для достижения этих целей требуется:

а) издать правила аренды и продажи усадебной земли в поселках без торгов и по возможно более льготной оценке, с сохранением полевых земель, смежных с селитебной площадью поселков, в распоряжении казны, для возможности отвода усадеб новым засельщикам и уплотнения поселкового населения, и командировать для заведывания земельным делом по линии Амурской железной дороги специальных агентов Ведомства Землеустройства и Земледелия;

б) ввести в поселках общественное управление на началах проекта общего закона о поселковом управлении, изменив его в отношении приамурских поселков исключением имущественного ценза и требования трехлетнего проживания в поселке, как обязательных, по проекту, условий для участия в общественном управлении, подлежащих замене, применительно к положению и правам местных жителей, требованием только прочного домообзаводства в поселке; до утверждения же названного законопроекта ввести здесь временно, в порядке Верховного управления, сельское общественное управление;

в) привлечь управление по постройке железной дороги и правительственных гидротехников к водоснабжению поселков и осушению в них заболоченных усадебных участков;

г) ассигновать в распоряжение западного железнодорожного управления исчисленные им средства на церковно-школьное строительство в полосе железной дороги и поручить этому управлению выработать смету расходов на распространение его врачебной организации за пределы полосы отчуждения, для обслуживания поселкового населения;

д) обсудить в Комитете материалы Экспедиции относительно поселков, возникающих на Кабинетских землях, и установить условия прочного их земельного устройства.

2) Ввиду совершенной неустроенности в земельном отношении, а частью и в отношении общественного управления, целого ряда крупных населенных пунктов, возникших как на казенных, так и войсковых казачьих землях по

линии Забайкальской и Уссурийской железной дороги, а так же и в других местностях края, неотложно изыскать меры, обеспечивающие правильное развитие подобных важных в колонизационном отношении поселков и проектировать, на основании всех собранных о них Экспедицией статистических и иных материалов, точные правила отвода этим поселкам земли, с принудительным ее отчуждением, в случае надобности, и скорейшего введения в них городского или поселкового управления.

Б. Меры развития горнопромышленности (стр. 228—247).

1) Ввиду преобладающих в золотопромышленности края хищнических приемов добычи золота, главным образом, при помощи китайского труда, необходимо:

а) воспретить работы китайцев и вообще мелких рядчиков за золотничную плату в пользу владельцев приисков во всех новых, неработавшихся еще, приисках и допускать подобные работы, с разрешения горного надзора, лишь в отношении таких местностей, которые уже испорчены китайским трудом и не могут быть разрабатываемы правильно;

б) легализовать мелких русских хищников предоставлением им небольших отводов без формальностей и на льготных условиях;

в) предоставить окружным инженерам личным распоряжением закрывать работы приисков по нарушению установленных для них правил;

г) принять меры к поощрению хозяйственных работ, для которых только и пригоден русский рабочий, а именно — облегчить условия выписки рабочих из Европейской России и Сибири (льготный железнодорожный тариф и ускоренная перевозка в рабочих поездах), противопоставлять китайскому труду корейских рабочих, широко разрешая наем их на приисковые работы, облегчить обложение легальной золотопромышленности, уменьшив десятичную плату до 50 к. и установив промысловый налог — основной в 50 к. с десятины, а дополнительный — в размере от 1 до 3% с валового дохода, с исключением из последнего платы за аренду приисков и всякого рода попудных;

д) всемерно поощрять культурные приемы добычи золота — дражный и гидравлический: облегчить частным предпринимателям приобретение и доставку драг (кредит в Государственном Банке под драги всякого происхождения, не исключая иностранных; постройка на казенные средства приисковых дорог); вменить горному надзору в особую обязанность следить за опытами гидравлических работ на приисках Верхне-Амурской компании в случае успеха этого дела, поставить прииски, работающие гидравликой, в привилегированное положение, в отношении обложения, по сравнению с работающими ручным трудом, особенно — китайским, и широко открыть государственный кредит под гидравлические сооружения.

2) По недостатку в крае частных капиталов и ввиду слабого, по сравнению с естественными запасами края, развития здесь горного дела, необходимо принять меры к широкому привлечению сюда хотя бы иностранных капиталистов и устранить существующие затруднения и формальности для частной предприимчивости при обращении ее к горной промышленности, а именно:

а) упростить порядок учреждения в крае иностранных предприятий и соорганизации акционерных обществ, предоставив разрешение этих дел власти высшей местной администрации;

б) отменить требование особого, в каждом отдельном случае, разрешения со стороны Генерал-губернатора на производство работ в 100-верстной приморской полосе Приморской области и Сахалина и открыть эти районы для горнопромышленности на общих основаниях;

в) произвести на казенные средства разведки угля в районах Амурской области, закрытых для частной промышленности распоряжением от 3 октября 1908 г., и сдать их с торгов, а там, где не предполагается разведок в ближайшем будущем, открыть местности для частной промышленности;

г) установить право заявителя на добычу по одной заявке не только указанного в ней ископаемого, но всех ископаемых, обнаруживаемых им на отведенной площади;

д) во избежание спекуляции многочисленными теперь заявками, закрывающими многие местности для крупной и солидной предприимчивости, установить требование внесения заявителем хотя бы половины платы за отвод (100 р. за прииск и 50 р. за рудник) в 2—3-х месячный срок после подачи заявки в канцелярии окружного инженера, с тем, чтобы эта уплата, в случае принятия отвода, зачислялась в счет причитающейся отводчику, а в случае непринятия в установленный срок — в средства казны, и чтобы при невзносе своевременно задатка заявляемая площадь признавалась свободной.

3) Для упорядочения правительственного горного надзора и действительного содействия с его стороны промышленности края необходимо: а) выделить Приамурье (по отдаленности его от Иркутска) в самостоятельное горное управление; б) освободить окружных инженеров от обширной канцелярской работы, усилив личный состав и средства их канцелярии, и в) дать им достаточные средства для разъездов по округу и на составление карт приисковых районов.

4) Ввиду необходимости всемерного развития золотопромышленности в Восточном Забайкалье для успешной колонизации этого района Амурской железной дороги требуется:

а) установить свободу обращения золота в Забайкальской области, на одинаковых основаниях с прочими местностями Сибири;

б) отменить взимание 5%-й подати в пользу Кабинета за добытое в этой области золото;

в) открыть в Чите казенную золотосплавочную лабораторию и ввести в операции местного отделения Государственного Банка золотопромышленный кредит;

г) воспретить распространение работ китайских рядчиков в приисковых районах Кабинета на вновь открываемые россыпи, разрешая вообще допуск китайцев на горные работы в пределах Кабинетских владений в каждом отдельном случае властью Совета Министров, применительно к закону 21 июня 1910 г. относительно иностранного труда на казенных работах в Приамурском крае.

5) Для развития зарождающейся уже эксплуатации ценных недр (нефти и каменного угля) Сахалина обсудить вопрос об устройстве здесь удобной гавани.

В. Меры развития лесопромышленности (стр. 247—251).

1. За ничтожностью местного рынка, все меры содействия лесопромышленности Приамурского края должны быть направлены к завоеванию для нее заграничных рынков и, следовательно, к привлечению в лесное дело крупных капиталов.

2. С указанною целью прежде всего необходимо устранить существующие неблагоприятные для крупной промышленности усилия отпуска и эксплуатации казенного леса, а именно:

а) увеличить нормальные сроки лесных концессий до 12 лет;

б) заменить выборочную продажу леса отводом промышленникам определенных площадей, с применением более тщательной таксировки леса,

и в) разрешить лесным предприятиям, по недостатку в крае рабочих, пользоваться трудом корейцев, применительно к порядку, одобренному Комитетом по заселению Дальнего Востока в отношении работ на приисках (журнал от 4 февраля 1911 г., № 20).

Г. Меры в отношении рыбопромышленности (стр. 251—262 и вып. X Трудов Экспедиции).

1. Правительственная политика в отношении рыбных промыслов должна иметь в основе своей два главнейших положения: 1) будущее принадлежит не речным, а морским промыслам и 2) русской промышленности надо помочь освободиться от монопольной зависимости от японского рынка, не теряя его, а, наоборот, укрепляясь на нем.

Руководствуясь этими положениями, следует: а) не ограничивать искусственно, в интересах поддержки речных промыслов, промышленность, возникшую в устье и лимане Амура и в морском районе, и предоставлять речной лов преимущественно сельскому населению, а не капиталистам и

б) бороться с японским рынком не путем стеснительных мер в отношении скупки русской рыбы японцами, особенно вредно отзывающихся на положении русской промышленности в Камчатском районе, но посредством облегчения русским промышленникам экспорта рыбных продуктов на другие, кроме японского, рынки.

С объясненными целями требуется:

а) не воспрещать таких орудий лова (японские заездки), воспрещение которых может тяжело отозваться на интересах промышленников устья и лимана Амура;

б) бороться с истощением рыбных запасов введением, если возможно, попудного сбора, а главное, как указано выше, путем искусственного рыбо-разведения и широкой постановки изучения этих запасов;

в) наряду с понижением железнодорожного тарифа на перевозку дальневосточных рыбных грузов по направлению от Хабаровска до 1/100, в крайнем случае, согласно решению последнего Тарифного Съезда, до 1/65 коп. с пудо-версты, ускорить перевозку этих грузов и оборудовать субсидируемые морские и речные пароходные предприятия, а также станции отправления и назначения (в первую очередь Николаевск и Хабаровск) рефрижераторами; понизить тарифы и усилить перевозочные средства Амурского Общества пароходства и торговли и Добровольного Флота; ввести в постоянное расписание пароходных рейсов названного Общества рейс от Николаевска до Харбина по Амуру — Сунгари, распространив на это направление все общие льготы, применяемые в сообщениях на Хабаровск и Сретенск; установить прием грузов для прямой речной и железнодорожной перевозки на всех прочих пароходных предприятиях; улучшить сообщение с Камчатским районом, участвовав и удешевив существующие пароходные рейсы субсидируемого предприятия, в предупреждении полного захвата Камчатских промыслов японцами; образовать на Дальнем Востоке порайонный комитет для распределения перевозок рыбы между пароходами и железными дорогами;

г) обеспечить дальневосточную окраину русской солью, путем такого понижения в первую очередь железнодорожного тарифа на перевозку соли, вырабатываемой Иркутским солеваренным заводом, чтобы на месте продажи цена ее была уравнена со стоимостью здесь заграничной соли; одновременно расширить операции названного завода, сохранив его в казенном заведывании; ввести перевозку крымской соли на судах Добровольного Флота, установив прием ее непосредственно на Крымском побережье и понизив тариф, или разрешить доставку ее на Дальний Восток на иностранных судах;

д) принять меры к освобождению русских промышленников от японского кредита, а именно: субсидировать казенными средствами местное Общество

взаимного кредита и открыть в Николаевске Отделение Государственного Банка (постоянное или временное, на полгода), не считаясь с современными оборотами Николаевского района, а исходя из необходимости, по государственным соображениям, всемерного содействия его экономическому развитию;

е) открыть правительственные агентуры в Японии для содействия распространению там рыбных продуктов русского производства и сокращения таким образом деятельности японских скупщиков рыбы на русских ловлях, а также установить правильные рейсы между Николаевском и Хакодате;

ж) обратить внимание наших коммерческих агентов за границей на ознакомление заграничных рынков с нашей рыбой;

з) изменить заграничные пошлины на кетовую икру, приравненную таможенным договором с Германией к осетровой икре;

и) ограничить и нормировать число рабочих на промыслах, ввиду громадного увеличения его на японских рыбалках, в результате чего сильно увеличивается их добычливость без всякой пользы государству и в ущерб русским промышленникам;

й) организовать съезды и постоянный совет русских рыбопромышленников, в противовес объединенной деятельности японских промышленников, и для обсуждения и осуществления общих мер, касающихся лова, обработки и экспорта рыбы;

к) поощрять другие, кроме кетового, рыбные промыслы населения, не затрудняя их, как это иногда делается теперь, формальными требованиями;

л) обсудить, с участием представителей Военного Ведомства, меры к широкому распространению дальневосточной рыбы в войсках;

м) при пересмотре Рыболовной Конвенции обложить пошлиной заготовленные японцами в наших водах рыбные продукты, при ввозе их на русские рынки.

2. В интересах как промышленников, так и рабочих необходимо упорядочить условия найма и содержания рабочих на промыслах, а именно: а) ввести пониженный тариф на перевозку рабочих, нанимаемых на промыслы в Сибири и Европейской России, по железным дорогам и на судах, субсидируемых Правительством пароходных предприятий, установив выдачу тарифных свидетельств на местах найма, в порядке, действующем в отношении переселенцев, но на основании предъявления, взамен удостоверения о зачислении земли, свидетельства о найме на работы; б) выработать нормальную расчетную книжку, в которой должны включаться договорные условия и в частности должно быть определено нормальное за данную плату число часов работы, с указанием дополнительного вознаграждения за обязательную для рабочего во время хода рыбы сверхурочную работу; в) воспретить расплату

с рабочими взамен денег предметами продовольствия и другими товарами промышленника, установив таксу на продаваемое в промысловых лавках и строго наблюдая за ее выполнением; г) ввести санитарные правила производства промысла и содержания на нем рабочих, обязав промышленников иметь врачебный или фельдшерский персонал на промысле, в зависимости от численного состава рабочих.

3. За недостаточностью существующего промыслового надзора, требуется усилить его и улучшить материальное положение низшего персонала; необходимо предоставить Николаевскому смотрителю надежные средства сообщения с морским побережьем (паровое судно), остающемся теперь почти без всякого надзора, а стражникам дать казенные помещения и лодки.

Организовать субсидируемые Правительством пароходные рейсы между прибрежными селениями и рыбалками низовьев, устья и лимана Амура, соединить эти селения и рыбалки телеграфом или телефоном с Николаевском и предоставить частным лицам пользоваться радиотелеграфом Военного Ведомства для сообщения Николаевска с Хабаровском во время порчи правительственного телеграфа.

Управляющий делами Экспедиции В. Романов

УДК 332.05

О. А. Хохлова, М. Ц. Бугажанаева

СТАТИСТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА КАЧЕСТВА РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНОВ РОССИИ

Обоснована комплексность подхода к анализу состояния территории по трем основным направлениям ее развития: экономическому, социальному и экологическому. Приведены методологические основы статистического оценивания качества развития региональной экономики, базирующиеся на использовании экспертно-статистических методов, многомерных методов классификации и снижения размерности. Проведен анализ дифференциации регионов РФ по качеству развития экономики.

Региональная экономика, качество экономического развития, социально-экономическая дифференциация регионов, модель развития территории, многомерный статистический анализ, экспертно-статистический метод.

На современном этапе достижение нового качества экономического развития регионов Российской Федерации является ключевой проблемой, решение которой предполагает улучшение социальной ситуации, повышение продолжительности жизни, а также предотвращение чрезмерной эксплуатации природного потенциала регионов.

Качество экономического развития выражается в доминировании высокотехнологических отраслей над сырьевыми производствами, снижении энерго-, ресурсо- и материалоемкости продукции, повышении уровня и качества жизни населения. Высокое качество экономического развития поз-

воляет увеличить доходы, уровень образования, доступность медицинского обслуживания населения, улучшить его здоровье, обеспечить экологическое благополучие региона. В общем объеме производства растет удельный вес наукоемких отраслей, сокращается доля промежуточного продукта и, соответственно, увеличивается удельный вес конечного продукта. Развитие экономики оказывает существенное влияние на состояние экологической сферы. Характер и направление этого воздействия также определяет качественную сторону развития экономики.

В настоящее время необходимым условием развития региональной экономики являются, во-первых, инвестиции в основной и человеческий капитал, во-вторых, технологические инновации, в-третьих, разработка и внедрение экологически безопасных технологий производства (рис. 1).

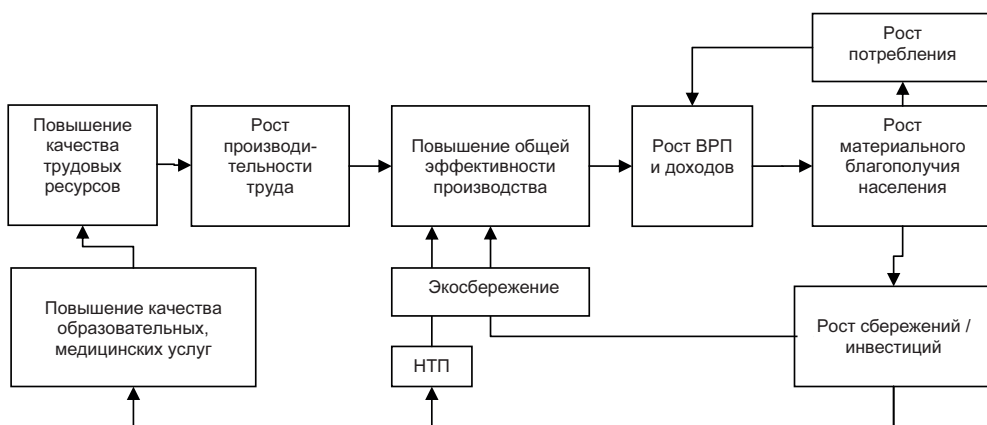

Рис. 1. Модель развития региональной экономики

Международными организациями разработаны различные подходы к исследованию экономического развития, в том числе количественному измерению и сопоставлению в разрезе регионов и стран. Они позволяют учитывать не только объем производства, но и такие аспекты, как образование, здравоохранение, состояние окружающей среды, равенство возможностей в экономической сфере, личная свобода и культура жизни населения. Основной проблемой применения этих методик при исследовании развития экономики российских регионов является недостаточность информационной базы, которая обусловлена низким уровнем организации статистической службы в РФ, несоответствием принятой системы статистических показателей мировым стандартам. Эти и другие причины не позволяют рассчитывать многие индикаторы, используемые международными организациями для оценки уровня и качества развития экономики регионов и государства в целом.

В связи с этим возникает необходимость в разработке подходов к анализу и оценке качества развития экономики регионов России, позволяющих оперировать имеющейся статистической базой.

Авторами предложена методология статистического оценивания качества развития экономики регионов России. Она предполагает комплексность подхода к анализу состояния территории по трем основным направлениям ее развития: экономическому, социальному и экологическому. В основе методологии лежат методы многомерного статистического анализа и экспертно-статистический метод.

Разработанная методология состоит из пяти последовательных этапов.

На первом этапе осуществляется *сбор данных*: устанавливаются источники информации, способы ее сбора, оцениваются достоверность и надежность исходных данных, т. е. решается задача создания информационной базы для дальнейшего исследования.

Второй этап заключается в *выявлении обобщающих факторов качества развития экономики*, для чего применяются многомерные статистические методы снижения размерности анализируемого признакового пространства (метод главных компонент, методы факторного анализа). Применение указанных методов позволяет оперировать агрегированными показателями, существенно снижая количество переменных, участвующих в анализе, при этом сохраняется достаточно высокая информативность данных.

На данном этапе также строится уравнение множественной регрессии, где результативным признаком является показатель ВРП на душу населения, а зависимыми переменными выступают обобщающие факторы качества развития экономики. Вид уравнения регрессии позволит дать количественную оценку влияния факторов качества развития экономики на конечный результат ее функционирования.

На следующем этапе проводится *анализ дифференциации регионов по качеству развития экономики*. Субъекты РФ существенно различаются по уровню экономического развития, соответственно представляет интерес анализ территориальной дифференциации регионов и по качеству развития. Наиболее популярным методом многомерной классификации является кластерный анализ, в некоторых случаях применяется дискриминантный анализ (при наличии обучающих выборок). Классификационными признаками могут выступать как исходные данные, так и выделенные обобщающие факторы. Большое число переменных может затруднить интерпретацию результатов кластеризации, поэтому в случае высокой размерности задачи предпочтительнее использовать главные факторы.

Далее осуществляется *интегральная оценка качества развития экономики регионов России*. Проблема количественной оценки качества развития эконо-

мики, определения их взаимного положения по данному показателю решена с помощью экспертно-статистического метода построения интегрального показателя (индекса). Предложенный индекс качества развития экономики (ИКРЭ) представляет собой совокупность частных индикаторов, определяемых, в свою очередь, на основе унифицированных значений исходных показателей.

Статистические показатели, входящие в состав индекса, должны удовлетворять следующим критериям:

- представительность, в соответствии с которой отобранные показатели наиболее полно характеризуют рассматриваемую категорию;
- доступность, в соответствии с которой показатели подлежат статистической регистрации или рассчитываются на их основе.

На последнем этапе проводится *анализ динамики индекса качества развития экономики*, рассчитанного по субъектам РФ. Расчет индекса за различные периоды времени и последующее ранжирование регионов по его значению позволяют проанализировать динамику качества развития экономики. Для определения тесноты связи между положением регионов в различные периоды наблюдения применяются коэффициенты ранговой корреляции Спирмэна и Кендалла.

Далее представлено подробное описание процедуры реализации каждого этапа, а также результаты и выводы проведенного исследования.

1. В соответствии с предложенной методологией статистического оценивания качества развития региональной экономики авторами определена исходная информационная база исследования, в состав которой вошли основные показатели, характеризующие экономическую, социальную и экологическую сферы.

Исследование проведено по данным 79 субъектов РФ (из рассмотрения исключены автономные округа и Чеченская Республика) за 1995 г. и период с 2000 по 2007 г. Для анализа отобраны следующие показатели: x_1 – среднедушевые денежные доходы населения в месяц, тыс. руб.; x_2 – производительность труда, тыс. руб.; x_3 – объем работ, выполненных по виду экономической деятельности «Строительство» на душу населения, тыс. руб.; x_4 – инвестиции в основной капитал на душу населения, тыс. руб.; x_5 – среднемесячная начисленная заработная плата, тыс. руб.; x_6 – уровень безработицы, %; x_7 – уровень бедности, %; x_8 – выбросы в атмосферу загрязняющих веществ, т/км²; x_9 – отходы производства, т/км²; x_{10} – текущие затраты на охрану окружающей среды на душу населения, тыс. руб.

2. Большая размерность исходного информационного пространства, несопоставимость единиц измерения показателей вызывают трудности для непосредственного анализа качества развития экономики. Поэтому далее

использован компонентный анализ, позволяющий «сжать» исходное информационное пространство и выделить обобщающие характеристики показателей. Отметим, что на данном этапе и последующих двух используются данные по субъектам Российской Федерации за 2007 г.

В таблице 1 представлена информация о собственных значениях главных компонент, а также об их относительном и накопленном вкладе в суммарную дисперсию процесса.

Вектор собственных значений

Таблица 1

Номер главной компоненты	Собственные значения	Процент объясненной дисперсии	Накопленные собственные значения	Накопленный процент объясненной дисперсии
1	5,00	49,98	5,00	49,98
2	1,58	15,77	6,57	65,74
3	1,09	10,86	7,66	76,60
4	0,80	7,99	8,46	84,59

Реализация метода главных компонент позволила выделить четыре фактора, которые объясняют 84,59% вариации исходного информационного пространства. Первая главная компонента (f_1) является наиболее информативной и объясняет 49,98% вариации исходных признаков. Компонента f_1 тесно связана с показателями: x_1 – среднедушевые денежные доходы населения в месяц, тыс. руб., x_2 – производительность труда, тыс. руб., x_3 – объем работ, выполненных по виду экономической деятельности «Строительство» на душу населения, тыс. руб., x_4 – инвестиции в основной капитал на душу населения, тыс. руб., x_5 – среднемесячная начисленная заработная плата, тыс. руб. Выделенный состав показателей объясняет компоненту на 90%. Компонента f_1 отражает *эффективность экономического развития региона*.

Вторая главная компонента f_2 связана с показателями: x_6 – выбросы в атмосферу загрязняющих веществ, т/км², x_7 – отходы производства, т/км². Коэффициент информативности, равный 0,85, подтверждает существенность состава компоненты f_2 . Фактор f_2 характеризует *уровень экологической нагрузки на территорию региона*.

Третья главная компонента f_3 на 87% объяснена показателями: x_8 – уровень безработицы, %, x_9 – уровень бедности, %, причем факторные нагрузки отрицательны. Эти показатели отражают социальную эффективность развития экономики, поэтому f_3 интерпретировано нами как *социальная эффективность развития региона*.

Переменная x_{10} объясняет главную компоненту f_4 на 54%. Весовые коэффициенты остальных показателей незначимы, поэтому при содержательной интерпретации фактора они не рассматриваются. Компонента f_4 называется *затраты на охрану окружающей среды*.

Для исследования влияния выделенных главных компонент на экономику региона проведен регрессионный анализ, где в качестве зависимой переменной выступает ВРП на душу населения, млн руб.

В результате реализации метода пошаговой регрессии уравнение ВРП, полученное методом главных компонент, приняло следующий вид:

$$Y_i = 156,55 + 52,71f_{1i} - 9,46f_{2i} + 10,88f_{3i}$$

$$t_{расч} (39,85) (-4,02) (6,02)$$

$$R^2 = 0,96; F_{набл} = 410,79; \delta = 1,27\%$$

Уравнение значимо по F — критерию Фишера, а коэффициенты регрессии значимы по t — критерию Стьюдента при $\alpha = 0,05$.

На объем среднедушевого ВРП субъектов РФ наибольшее влияние оказывают факторы f_1 и f_3 . Экологическая обстановка также влияет на объем ВРП, обуславливая физическое и психологическое здоровье населения, его трудоспособность.

3. Многие исследователи отмечают, что в РФ существует проблема чрезмерной дифференциации регионов по уровню социально-экономического развития.

Авторами выявлено наличие дифференциации регионов и по качеству развития экономики. Для выделения типологических групп регионов по данному признаку применен метод кластер-анализа, классификационными переменными выступают выделенные компоненты.

Кластерный анализ регионов проведен в два этапа. На первом этапе выявлено 10 аномальных регионов, среди которых Москва, Санкт-Петербург, Республика Ингушетия, Тюменская область, Сахалинская область и Чукотский автономный округ. На следующем этапе кластер-анализ реализован по оставшимся 69 субъектам, по результатам которого выделены три группы субъектов РФ. Процедура кластерного анализа изображена на рисунке 2, где по оси абсцисс представлены номера регионов (названия см. в *табл. 2*).

Первый кластер (S_1) характеризуется низким качеством экономического развития, в него входят 14 регионов, в т.ч. Республика Адыгея, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика — регионы Южного федерального округа, Республика Алтай, Республика Бурятия, Республика Тыва — регионы Сибирского федерального округа.

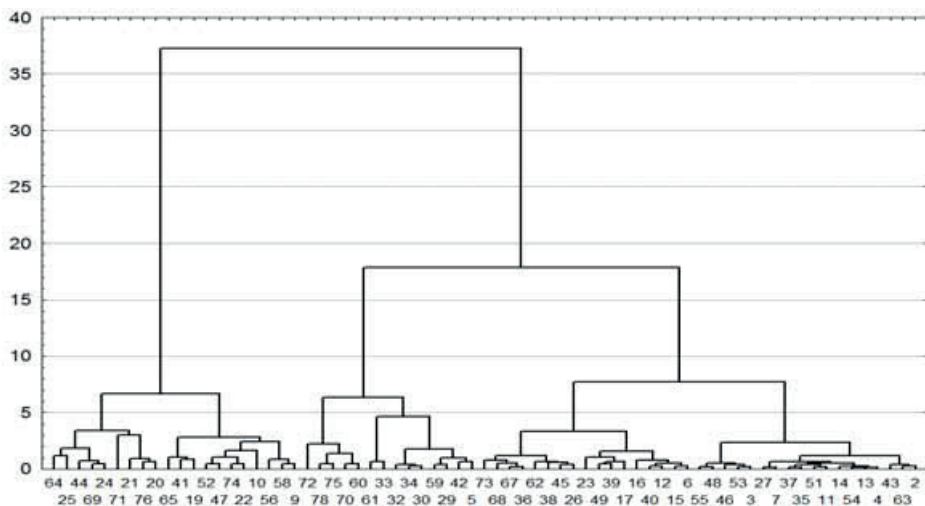

Рис. 2. Дендрограмма классификации субъектов РФ по качеству экономического развития в 2007 г.

Во второй кластер (S_2) вошли 35 регионов со средним качеством развития экономики. Состав кластера представлен преимущественно регионами Приволжского и Центрального федеральных округов, а также Калининградской, Новгородской, Псковской, Волгоградской, Ростовской областями.

Третий кластер (S_3) образуют 20 регионов с высоким качеством экономического развития. Среди них Московская область, Республика Коми, Архангельская область, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Свердловская, Челябинская, Томская области, Республика Саха (Якутия) и др.

Для отнесения аномальных регионов к тому или иному кластеру проведена классификация по обучающим выборкам (выделенным кластерам) методом дискриминантного анализа. В результате реализации дискриминантного анализа получены следующие классификационные функции K_i для S_i кластера:

$$\begin{aligned} K_1 &= -7,54 - 4,09f_1 - 4,10f_2 - 2,17f_3 - 2,80f_4; \\ K_2 &= -3,56 - 3,26f_1 - 3,49f_2 + 6,55f_3 - 1,95f_4; \\ K_3 &= -3,84 + 2,26f_1 - 0,92f_2 + 3,44f_3 + 2,21f_4 \end{aligned}$$

Последующий расчет значений функций дискриминации позволил отнести Республику Ингушетию к группе регионов с низким качеством развития экономики, остальные 9 регионов вошли в группу с высоким качеством развития экономики.

4. Применение статистических методов снижения размерности инфор-

мационного пространства, многомерной классификации объектов наблюдения позволило отобрать для дальнейшего исследования наиболее информативные показатели. Эти показатели участвуют в формировании частных индикаторов качества развития экономики.

Для расчета значений индикаторов исходные показатели нормируются. Способ нормирования базируется на определении «наиболее благоприятного» и «наименее благоприятного» значений каждого показателя по совокупности территорий. Формула нормирования значений показателей, оказывающих положительное влияние на качество экономического развития, имеет вид:

$$y_{\text{норм}} = \frac{y_{\text{факт}} - y_{\text{наим. благ.}}}{y_{\text{наиб. благ.}} - y_{\text{наим. благ.}}},$$

для показателей, оказывающих отрицательное влияние, формула преобразуется следующим образом:

$$y_{\text{норм}} = \frac{y_{\text{наиб. благ.}} - y_{\text{факт.}}}{y_{\text{наиб. благ.}} - y_{\text{наим. благ.}}},$$

где $y_{\text{норм}}$ — нормированное значение показателя; $y_{\text{факт}}$ — фактическое значение показателя; $y_{\text{наиб. благ}}$ — наиболее благоприятное значение показателя; $y_{\text{наим. благ}}$ — наименее благоприятное значение показателя.

Такой подход позволяет учесть в процедуре оценки оказываемое положительное или отрицательное влияние того или иного показателя на значение индикатора.

Расчет индикаторов по каждой из сфер проведен по формуле средней арифметической:

$$I_j = \frac{\sum_{i=1}^n y_{\text{норм } i}}{n},$$

где I_j — индекс развития j сферы.

В состав индикатора экономической эффективности включены следующие показатели: среднедушевые денежные доходы населения в месяц, тыс. руб., производительность труда, тыс. руб., объем инвестиций в основной капитал на душу населения, тыс. руб.

Индикатор социальной эффективности развития экономики состоит из показателей уровня бедности и уровня безработицы населения в регионе. Показатели, входящие в состав индикатора, отражают уровень социальной и экономической несправедливости.

Индикатор экологической эффективности развития экономики предлагается определять на основе расчетных показателей: объем выбросов в

атмосферу загрязняющих веществ и объем отходов производства, приходящихся на 1 руб. затрат на охрану окружающей среды. Рассматриваемый индикатор позволяет оценить состояние природной среды посредством учета воздействия хозяйственной деятельности предприятий региона на состояние окружающей среды и соответствующих охранных мероприятий.

Интегральный показатель (сводный индекс) качества развития региональной экономики (I) определен по формуле среднего геометрического:

$$I = \sqrt[3]{I_1 \cdot I_2 \cdot I_3} .$$

Наиболее благоприятная ситуация сложилась в Тюменской области (ИКРЭ равен 0,917), Сахалинской области (0,862), г. Москве (0,847), Республике Саха (Якутия) (0,67), г. Санкт-Петербурге (0,66).

Лидирующее положение Тюменской области обусловлено, во-первых, ее уникальным природно-ресурсным потенциалом — геологические запасы нефти в области превышают 1 млрд тонн, что составляет около 64% от всех российских запасов, запасы природного газа составляют 91% от общероссийских. Во-вторых, область является крупным транспортным узлом, она находится в центре важных транспортных магистралей России (Транссибирская железнодорожная магистраль, федеральная автодорога Москва — Владивосток), и через ее территорию осуществляется связь между восточными и западными регионами страны.

Интенсивное развитие Сахалинской области связано с реализацией в последние годы крупных инвестиционных проектов по освоению морских месторождений нефти и газа, в том числе с участием иностранного капитала. Регион по запасам газового конденсата занимает 4-е место в стране, газа — 7-е место, угля — 12-е место, нефти — 13-е место.

Города федерального значения Москва и Санкт-Петербург являются крупными деловыми центрами с развитой сферой услуг, они соответственно занимают 3-е и 5-е места по значению ИКРЭ.

Республика Саха (Якутия) занимает 3-е место по ресурсно-сырьевому потенциалу среди субъектов РФ. В регионе добывается около 24% всего российского золота, около 90% алмазов. По различным оценкам, в регионе сосредоточено около 20% мировых запасов алмазов.

Наименее благоприятная ситуация по качеству экономического развития отмечена в Республике Тыва (значение ИКРЭ 0,235), Республике Калмыкия (0,209), Республике Ингушетия (0,105), Брянской области (0,24), Ивановской области (0,26).

Республика Ингушетия характеризуется самым низким качеством эко-

номического развития среди регионов России. Подобное критическое положение вызвано политической нестабильностью и сложной криминогенной обстановкой в регионе.

Основными факторами, обуславливающими положение Республики Тыва и Республики Калмыкия, являются: неразвитая промышленность, отсутствие (изношенность) производственных мощностей, низкая обеспеченность дорожной сетью, невыгодное географическое положение, низкий инвестиционный потенциал. Брянская и Ивановская области характеризуются незначительным природно-ресурсным и инвестиционным потенциалом. В Ивановской области практически единственным видом промышленных сырьевых ресурсов является лес. В Брянской области сложная экологическая ситуация, вызванная последствиями аварии на Чернобыльской АЭС, которая оказывает существенное влияние на развитие региона.

Таким образом, на данном этапе установлено взаимное положение регионов по качеству экономического развития, рассмотрены факторы, определяющие «место» региона.

5. На последнем этапе рассчитаны значения ИКРЭ для 79 субъектов РФ и построен их рейтинг в 1995 г. и за период с 2000 по 2007 г. Реализация данного этапа позволит проанализировать динамику исследуемой интегральной характеристики, выявить объективные факторы, обуславливающие изменение «места» региона.

В таблице 2 представлены результаты ранжирования субъектов РФ по значению ИКРЭ за 1995 г. и 2000—2007 гг.

Таблица 2

**Ранжирование субъектов РФ по значению ИКРЭ
в 1995 г. и 2000—2007 гг.**

№	Название субъекта	Место субъекта								
		1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	Белгородская обл.	24	31	33	36	40	30	31	31	24
2	Брянская обл.	58	66	65	64	64	70	65	69	76
3	Владимирская обл.	60	62	63	63	63	64	69	68	66
4	Воронежская обл.	51	54	54	56	54	56	56	52	51
5	Ивановская обл.	68	75	76	77	75	74	76	76	75
6	Калужская обл.	34	50	51	55	49	49	48	45	40
7	Костромская обл.	42	40	45	50	58	48	51	55	60
8	Курская обл.	45	48	53	49	57	43	52	48	45
9	Липецкая обл.	22	26	30	26	22	17	24	20	20
10	Московская обл.	30	25	23	18	19	18	17	11	6

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
11	Орловская обл.	46	42	47	51	56	57	58	61	57
12	Рязанская обл.	40	53	48	54	47	47	43	47	48
13	Смоленская обл.	47	35	34	35	37	46	46	54	53
14	Тамбовская обл.	65	58	57	57	53	53	54	51	49
15	Тверская обл.	37	47	50	45	46	34	41	41	44
16	Тульская обл.	36	38	41	43	48	52	53	46	50
17	Ярославская обл.	23	28	21	21	23	23	23	30	33
18	г. Москва	3	2	2	2	2	2	2	2	3
19	Республика Карелия	14	15	16	16	20	24	25	27	34
20	Республика Коми	6	5	5	7	7	7	7	5	7
21	Архангельская обл.	21	16	15	12	14	12	11	10	8
22	Вологодская обл.	11	13	18	17	17	11	10	15	18
23	Калининградская обл.	53	41	39	41	33	28	28	24	22
24	Ленинградская обл.	35	30	22	25	24	14	15	9	9
25	Мурманская обл.	8	7	9	8	10	10	9	12	15
26	Новгородская обл.	38	27	24	33	32	37	35	33	39
27	Псковская обл.	62	60	59	58	50	51	59	60	63
28	г. Санкт-Петербург	15	12	11	9	9	8	6	6	5
29	Республика Адыгея	71	64	72	73	73	76	74	75	73
30	Республика Дагестан	77	78	78	78	77	72	71	66	65
31	Республика Ингушетия	79	79	79	79	79	79	79	79	79
32	Кабардино-Балкарская Республика	74	72	70	71	69	73	73	74	74
33	Республика Калмыкия	76	49	58	66	78	78	78	78	78
34	Карачаево-Черкесская Республика	78	76	74	72	71	71	68	71	70
35	Республика Северная Осетия — Алания	73	71	71	75	70	62	63	65	61
36	Краснодарский край	44	32	32	28	34	35	40	37	31
37	Ставропольский край	54	52	56	59	59	59	57	57	58
38	Астраханская обл.	63	22	26	30	30	32	39	39	36
39	Волгоградская обл.	48	39	40	37	42	41	37	40	37
40	Ростовская обл.	56	45	43	46	44	38	42	43	38
41	Республика Башкортостан	25	24	25	24	26	26	27	23	27
42	Республика Марий Эл	70	73	75	76	74	75	75	72	71
43	Республика Мордовия	67	67	64	62	62	63	61	70	67
44	Республика Татарстан	20	11	13	15	15	15	12	13	11
45	Удмуртская Республика	43	33	35	39	51	55	45	44	46
46	Чувашская Республика	61	68	68	70	65	65	67	63	62
47	Пермский край	18	10	10	14	16	20	20	19	21

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
48	Кировская обл.	49	56	61	60	61	61	62	67	68
49	Нижегородская обл.	31	34	31	31	31	31	34	32	30
50	Оренбургская обл.	39	37	38	48	52	39	38	35	35
51	Пензенская обл.	69	69	69	67	68	68	66	64	55
52	Самарская обл.	13	14	12	13	12	13	13	17	17
53	Саратовская обл.	55	43	49	53	55	54	55	56	64
54	Ульяновская обл.	52	55	62	61	60	60	60	58	56
55	Курганская обл.	66	65	67	65	67	69	70	59	59
56	Свердловская обл.	16	19	19	20	18	19	16	16	12
57	Тюменская обл.	1	1	1	1	1	1	1	1	1
58	Челябинская обл.	26	23	29	29	29	27	29	25	25
59	Республика Алтай	64	74	73	69	76	66	72	73	72
60	Республика Бурятия	57	61	52	42	39	50	49	53	54
61	Республика Тыва	75	77	77	74	72	77	77	77	77
62	Республика Хакасия	19	36	36	34	38	44	44	42	47
63	Алтайский край	59	70	66	68	66	67	64	62	69
64	Красноярский край	9	6	8	11	13	16	18	18	16
65	Иркутская обл.	12	18	28	27	28	29	30	28	28
66	Кемеровская обл.	7	20	20	22	25	21	19	21	23
67	Новосибирская обл.	50	46	46	38	35	33	33	34	32
68	Омская обл.	29	59	44	32	27	25	26	29	29
69	Томская обл.	17	17	14	10	11	58	14	14	13
70	Читинская обл.	41	57	55	52	43	42	50	49	52
71	Республика Саха (Якутия)	4	4	4	4	4	6	5	7	4
72	Камчатский край	2	3	3	3	3	4	4	4	26
73	Приморский край	28	44	42	40	36	40	36	36	42
74	Хабаровский край	33	29	27	19	21	22	21	22	19
75	Амурская обл.	32	51	37	44	45	45	47	50	41
76	Магаданская обл.	5	9	6	6	6	9	8	8	14
77	Сахалинская обл.	10	8	7	5	5	3	3	3	2
78	Еврейская автономная обл.	72	63	60	47	41	36	32	38	43
79	Чукотский автономный округ	27	21	17	23	8	5	22	26	10

В результате анализа значений индекса по регионам выявлено, что за рассматриваемый период взаимное положение регионов по качеству развития экономики изменялось незначительно. Наблюдается тенденция улучшения «места» следующих регионов: Калининградская область (к 2007 г. 31 позиция вверх по сравнению с «местом» в 1995 г.), Еврейская автономная

область (29), Астраханская область (27), Ленинградская область (26), Московская область (24).

Рассмотрим основные факторы, влияющие на изменение «места» региона, определенного по значению показателя качества экономического развития. Калининградская область имеет военно-стратегическое и внешнеэкономическое значение, крупные запасы нефти в шельфовой зоне. Эти факторы обуславливают приток инвестиционных средств в регион.

Еврейская автономная область также обладает выгодным экономико-географическим положением, по ее территории проходят железнодорожные, автомобильные, судоходные пути. На территории региона действует режим свободной экономической зоны. Наибольшее влияние на развитие Астраханской области оказали наличие природно-ресурсного потенциала, рост добычи и переработки газа и конденсата, удобное транспортно-географическое положение региона. Развитие Московской и Ленинградской областей определяется близостью к экономическим и политическим центрам России, высокой инфраструктурной обеспеченностью территории.

Положение некоторых регионов значительно ухудшилось: Республика Хакасия (к 2007 г. 28 позиций вниз по сравнению с 1995 г.), Камчатский край (24), Республика Карелия (20). Эти регионы объединяют незначительный инвестиционный потенциал, высокий управленческий риск, удаленность территорий, наличие факторов, удорожающих капитальные затраты (сейсмичность территории, слаборазвитость транспортной инфраструктуры, экологические ограничения). Между тем эти регионы обладают высоким туристско-рекреационным потенциалом.

Для определения существенности выявленных изменений в «положении» регионов рассчитан коэффициент ранговой корреляции Кендалла, который отражает степень параллелизма между двумя количественными рядами изучаемых признаков.

В таблице 3 представлены значения рангового коэффициента при сравнении с соответствующими рангами за 1995 г. и предыдущий год. Все значения статистически значимы при $\alpha=0,05$.

Анализ ранговой взаимосвязи показал, что «положение» регионов достаточно устойчиво по отношению к предыдущему году, но имеются сдвиги «места» регионов относительно базисного 1995 г.

В результате проведенного исследования выявлены обобщающие характеристики качества экономики регионов России. Рассчитанный интегральный индекс показал, что взаимное положение субъектов РФ по качеству экономического развития за период с 1995 по 2007 г. изменилось. А именно, за рассматриваемый период сместился «центр» развития регионов России.

Значения коэффициента ранговой корреляции Кендалла

Год	Коэффициент Кендалла	
	по сравнению с 1995 г.	по сравнению с предыдущим годом
2000	0,76	—
2001	0,77	0,90
2002	0,76	0,90
2003	0,74	0,90
2004	0,71	0,86
2005	0,74	0,89
2006	0,73	0,92
2007	0,67	0,89

Наибольшее развитие получили столичные регионы, а также регионы, обладающие большими запасами полезных ископаемых и выгодным географическим положением. В то же время ухудшилось положение регионов с низким природно-ресурсным потенциалом, традиционной специализацией которых является обрабатывающая промышленность. Из-за низкой инфраструктурной обеспеченности некоторые регионы не в состоянии полностью реализовать имеющиеся экономический, природно-ресурсный, инновационный и туристско-рекреационный потенциалы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айвазян С. А., Мхитарян В. С. Прикладная статистика и основы эконометрики: Учебник для вузов. М.: ЮНИТИ, 1998.
2. Воронов Ю. П. Рейтинги субъектов Федерации: методические проблемы оценки // Регион: экономика и социология. 2008. № 3.
3. Дубров А. М., Мхитарян В. С., Трошин Л. И. Многомерные статистические методы: Для экономистов и менеджеров. М.: Финансы и статистика, 2000.
4. Ким Дж.-О., Мьюллер Ч. У., Клекка У. Р. Факторный, дискриминантный и кластерный анализ: пер. с англ. / Под ред. И. С. Енюкова. М.: Финансы и статистика, 1989.
5. Симагина О. Вопросы качества экономического развития // Экономист. 2007. № 2.
6. Сошникова Л. А., Тамашевич В. Н., Уебе Г., Шефер М. Многомерный статистический анализ в экономике: Учебное пособие для вузов / Под ред. проф. В. Н. Тамашевича. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 1999.
7. Хохлова О. А. Методология статистического исследования экономики региона. Иркутск: Изд-во Байк. гос. ун-та экономики и права, 2006.
8. Malizia, Emil E. and Edward J. Feser. Understanding Local Economic Development. New Brunswick, NJ: Center for Urban Policy Research, Rutgers University. 2001.
9. The Economics of Sustainable Development / Sisay Asefa, editor. Kalamazoo, Michigan: W.E. Upjohn Institute for Employment Research. 2005.

УДК 330

Б. Х. Краснопольский

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ НАУКИ И ИХ РОЛЬ В ИЗУЧЕНИИ ЭКОНОМИКИ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Охарактеризованы концептуальные вопросы так называемых «пространственных наук» и возможности использования их методологического и методического инструментария в проведении междисциплинарных исследований в области пространственной экономики. Определены направления согласования концептуальных подходов этих научных дисциплин на базе единого объекта исследования для дальнейшего проведения конкретных научно-исследовательских работ по совершенствованию пространственного развития народного хозяйства страны.

Пространственная наука, пространственная экономика, направления исследований, методология и методика, инструментарий исследования, теоретические и практические результаты.

Вопросы согласования методологии и методики ряда научных дисциплин, исследующих единый физический объект с различных научных позиций и сторон в целях более объективного описания его природы, выявления естественных законов, движущих его эволюционным развитием, и отображения всех этих явлений и процессов в научном мировоззрении человека всегда были, есть и будут весьма сложной задачей для исследователей. Не являются в данном плане исключением и такие научные направления,

© Краснопольский Б. Х., 2010

Статья подготовлена при поддержке гранта ДВО РАН программы 09-И-П24-01.

как пространственная наука и пространственная экономика, даже несмотря на то, что само собственное понятие, определение и концептуальные основы этих научных дисциплин еще находятся в стадии довольно острого обсуждения и дискуссий.

Внимание научной общественности к разработкам в этих областях науки значительно повысилось в связи с проведением в настоящее время программы фундаментальных исследований Президиума РАН до 2011 г. «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез». Как известно, в ее исполнении задействованы коллективы разработчиков из пяти отделений РАН, трех региональных отделений и ряда других региональных центров [1, с. 166—178].

На базе методологии и методики ряда пространственных наук и других сопутствующих экономических дисциплин достигнуты весьма существенные научные и прикладные результаты [13]. Но наряду с имеющимися успехами отмечается острая необходимость дальнейшего совершенствования инструментария исследований в области пространственного развития страны, в особенности — на базе дальнейшего более подробного изучения опыта исследований в смежных областях знаний, в первую очередь — в пространственных науках. И здесь снова подчеркивалось, что весьма важным является согласование концептуальных подходов в научных дисциплинах, в прямой степени касающихся пространственного хозяйственного развития страны, а также дальнейшее улучшение междисциплинарных связей в научных исследованиях в данной области.

Это значит, что при всей прогрессивности отмеченных выше концептуальных и инструментальных подходов к исполнению данной программы все-таки существует необходимость более подробного и детального ознакомления с объектами и предметами основных научных направлений и с их методологическими и методическими подходами к изучению различного рода пространственных образований. Понятно, что от этого зависят нетривиальность и оригинальность как научных, так и прикладных результатов, на получение которых рассчитывают исследователи в реализации поставленной, весьма важной для народного хозяйства страны, программы.

Итак, прежде всего о том, что в настоящее время принято понимать под пространственной наукой, которая упоминается в приведенной выше цитате. Определение этой науки отражено в довольно известной электронной энциклопедии (*Wikipedia, the free encyclopedia*), различные понятия в которой весьма быстро корректируются по сравнению с «бумажными» изданиями энциклопедий: «Пространственная наука является академической дисциплиной, охватывающей такие области, как межевание (*surveying*), географические информационные системы (*geographic information systems*), гидрографию

(*hydrography*) и картографию (*cartography*). Пространственная наука в типологическом плане связана с измерением, управлением, анализом и отображением *пространственной информации*, описывающей Землю, ее физические особенности и антропогенную окружающую среду. Термин «пространственная наука» в основном используется в Австралии» [5].

Австралийские ученые издают и специальный «Журнал пространственной науки» (*«Journal of Spatial Science»*), в котором публикуются материалы о выполняемых по данной теме исследованиях [8]. Тематика публикаций в значительной мере касается методических вопросов создания, поддержания и развития геопространственных (ГПС) и геоинформационных систем (ГИС), гидрологического мониторинга, картирования и маркшейдерского дела, пространственно-временной динамики различных природных процессов и катастроф, стратегии обучения и образования в области пространственной науки и др., причем эти вопросы рассматриваются преимущественно в применении к Австралии.

Исходя из приведенных выше определений и материалов соответствующего журнала, можно сделать вывод, что эта научная дисциплина является одним из разделов физической географии и включает такое более привычное в научном обороте в России направление, как маркшейдерское дело (аналог термину «межевание») и, конечно, другие упомянутые выше дисциплины. Здесь весьма важно отметить, что акцент в данных материалах делается на пространственной информации (геоинформационных системах), в сфере работы с которой и нужно искать те междисциплинарные «мостики», которые связывают эту научную дисциплину с другими науками, исследующими хозяйственное пространство, в частности — особенности его природно-хозяйственных комплексов, процессы их эволюции и закономерности формирования экономических взаимосвязей и взаимодействий в пространственных образованиях. О роли этого вида информационной инфраструктуры в исследованиях пространственных образований будет более подробно сказано ниже.

Как видно из специальной литературы, научное сообщество в принципе не подвергает сомнению приоритетность в пространственной науке, «застольную» научной школой австралийских специалистов. Но что касается ее определения, приведенного выше, то в настоящее время оно подвергается корректировкам, вызванным тем, что данное направление научных исследований расширяется и находит своих представителей и в других странах мира.

Изучая этот вопрос, автор пока не нашел других официально опубликованных и более-менее четких определений данного понятия. В этом отношении, например, характерно то представление о пространственной науке, которое приводится в недавно принятом в США Национальным научным

фондом (National Science Foundation, NSF) стратегическом плане научно-исследовательских работ на 2008—2012 гг. под названием «Программа географии и пространственных наук» («*Geography And Spatial Sciences Program*») [14]. Как известно, NSF выступает весьма авторитетным и профессиональным экспертом и спонсором в организации и проведении научных исследований как в США, так и в мире.

В данном стратегическом плане говорится, что резкое увеличение географических исследований в последние десятилетия привело к возникновению других наук — областей, которые имеют сильную пространственную ориентацию. Приведенная в этом плане НИР диаграмма показывает связь географии (которая здесь подразделяется на физическую географию, географию человека и географические методы и инструментарий) с системой других пространственных наук.

Интересно, что связи географии в данном случае рассматриваются на следующих научных направлениях, а именно: геонауки, социальные науки и пространственные поведенческие и познавательные науки. В составе этих направлений выделяются:

1. В геонауках: воздействия «человек — окружающая среда», включающие биологические и антропологические науки.
2. В социальных науках: региональная наука, включая региональную экономику.
3. В пространственных поведенческих и познавательных науках: пространственные поведенческие и познавательные науки.

Отдельно в составе географических методов и инструментария рассматриваются методы пространственного анализа, охватывающие математические науки и известные географические информационные системы (ГИС).

Конечно, данные представления носят явный географо-центрический характер и отражают лишь одну из научных позиций довольно сильной группы американских исследователей, которая, судя по тексту программы, не претендует на абсолютно полное отражение научной картины в данной области. Но все-таки обращает на себя внимание тот факт, что действительно в данном случае пространственная наука понимается гораздо более широко, чем в австралийской школе.

Можно обратиться и к еще одной электронной библиотеке (Answer.com), которая позиционирует себя как мировой лидер в области энциклопедических ответов и которая дает следующее определение пространственной науки: «География человека рассматривает пространство как фундаментальный фактор на пути развития общества и индивидуального поведения людей. Под географией в данном случае подразумевается наука о пространственном размещении, или — локационном анализе. Эта интерпретация пред-

мета исследования тесно связана с количественной революцией (*quantitative revolution*)» [6].

Может быть рассмотрен и еще один источник, на который ссылаются многие ученые в области пространственной науки. Это достаточно известное издание «Springer», которое выпускает серию научных работ «Достижения в пространственной науке» («*Advances in Spatial Science*») [9]. Прежде всего, обращает на себя внимание, что еще одно название этой серии, которое расположено рядом с официальным названием и как бы расшифровывает его, формулируется следующим образом: «Серия региональной науки» («*The Regional Science Series*»). В редакционной статье к этой серии отмечено: «Эта серия включает научные исследования, фокусируемые на пространственном феномене, которые используют теоретические рамки, аналитические методы и эмпирические процедуры, специально направленные на пространственный анализ... представляет вместе инновационные пространственные исследования, которые включают концепции, перспективы и методы как базовой науки, так и практики политических действий».

Тематика публикуемых материалов позволяет сделать вывод, что действительно в этом издании предмет пространственной науки рассматривается более широко, чем в приведенном выше определении австралийской школы, и тем не менее не дается конкретного определения объекта пространственной науки, если под этим термином не понимать пространственный анализ. Как видно, к этой науке относится целый ряд уже довольно известных методологических подходов и методов, демонстрирующих некую «всеядность» издания.

При описании серии обращает на себя внимание упоминание о так называемой региональной науке, в состав которой включены, видимо, и региональная, и пространственная экономики, если в этих терминах вообще есть существенное отличие. Подстрочник, касающийся региональной науки и данный в названии этой серии, показывает, что на самом деле издатели не проводят какой-либо строгой границы между региональной и пространственной наукой, а, напротив, рассматривают их в некотором единстве.

Под региональной наукой понимается «...область социальных наук, связанная с аналитическими подходами к решению проблем, которые специфически являются городскими, сельскими или региональными. Темы в региональной науке включают, но не ограничиваются ими, проблемы теории локализации (*location theory*) или пространственной экономики, моделирования локализации, транспорта, миграционного анализа, использования земельных ресурсов и городского развития, межотраслевого анализа, природопользования и экологического анализа, управления ресурсами, анализа городской и региональной политики, географических информационных систем и анализа пространственных данных. Более широко говоря, любая

социальная наука, которая имеет дело с пространственным измерением, изучается учеными в области региональной науки» [5].

Действительно, область этой науки по данному определению настолько широка, что даже трудно предположить, в чем же пространственная наука «позиционируется как более широкое научное направление, нежели региональная наука...» Возможно только, что более широкий спектр пространственной науки выходит за пределы социальных (общественных) наук и включает в себя естественные науки, которые имеют достаточно явное проявление пространственного аспекта в их объектах и предметах, что может отражаться на протекании каких-либо хозяйственных явлений и процессов и что необходимо учитывать при их изучении.

В приведенном выше определении региональной науки обращает на себя внимание та часть фразы, в которой в определенной мере отождествляются пространственная экономика и теория локализации. Что же понимается под этим ответвлением научного познания? Теория локализации имеет дело с географической локализацией экономической активности; она становится интегральной частью экономической географии, региональной науки и пространственной экономики. Теория локализации адресуется к вопросам — каким образом экономическая активность локализуется, где и почему? Теория локализации опирается — как, в общем, и микроэкономическая теория — на положение, что действия каждого хозяйственного агента осуществляются исходя из его собственных интересов. Такие фирмы выбирают локализацию, которая максимизирует их доход, а индивиды выбирают локализацию, которая максимизирует их полезность [5].

Как видно, в данном определении нет ничего необычного, кроме того, что оно так и не проводит хоть какую-то научно обоснованную границу между экономической географией, региональной наукой, в т. ч. региональной экономикой и пространственной экономикой.

По этой причине приведем определение региональной экономики из другого источника — Канадской энциклопедии, где говорится: «Региональная экономика является наукой, связанной с пониманием и объяснением географической конфигурации экономики, в частности — с промышленной локализацией, региональным развитием, урбанизацией, миграцией, использованием земельных ресурсов и др. ...Это объединяет ее с экономической географией и делает новой областью региональной науки в ее влиянии как на экономические принципы, так и на пространственные отношения» [10].

Итак, из приведенных выше примеров сам собой напрашивается следующий вывод: пространственная наука (или пространственные науки) рядом ведущих исследователей в этой области довольно тесно связываются с такими научными дисциплинами, как география (с ее основными составля-

ющими) или пространственный анализ, понимаемый в довольно широком смысле. Но что вызывает сожаления, творческое заимствование отсюда каких-то особых, неординарных методологических и методических подходов к исследованиям в области пространственной экономики в настоящее время, видимо, представляется весьма проблематичным. Довольно тесные взаимосвязи географии, в особенности экономической, и пространственного анализа с пространственной экономикой давно известны и постоянно находятся в сфере внимания исследователей. На стыках этих дисциплин оттачиваются концептуальные и методические подходы, в том числе и в пространственной экономике, но все-таки четкий ответ на вопрос — что является объектом и предметом этой экономической дисциплины — мы не можем получить из приведенных выше источников.

Конечно, существует огромное количество весьма квалифицированных научных источников — монографий, журналов и статей, в которых обсуждаются проблемы перечисленных выше научных направлений, в какой-то мере объединяемых понятием «пространственные науки», а также ориентированных на исследование экономических явлений и процессов и возникающих при этом взаимоотношений различных хозяйствующих субъектов на разных уровнях региональной (пространственной) организации общества и мирового хозяйства. Но автор не приводит подробные ссылки на них, он рассчитывает на профессиональную аудиторию и на то, что эти источники прекрасно знакомы специалистам в данной области. В этом плане, например, достаточно упомянуть такие широкоизвестные фундаментальные работы, как учебное пособие академика А. Г. Гранберга [2] или монографию академика П. А. Минакира [11]. Можно также сослаться на недавно изданную весьма профессиональную монографию, в которой в разделе 1 «Теория и методология регионального развития» и разделе 5 «Интеграционные факторы устойчивости экономического роста регионов» весьма подробно характеризуются история становления научных знаний и подавляющее большинство мнений отечественных и зарубежных ученых по поводу региональных и пространственных наук с акцентом на решение экономических проблем [12].

Учитывая все сказанное, автор предлагает собственное видение данной проблемы, в котором учитывается подавляющее большинство мнений специалистов в области пространственных и региональных наук и которое, в принципе, не противоречит даже самым ортодоксальным из них.

Конечно, любая научная дисциплина в той или иной мере исследует пространство и время. Но здесь подразумеваются те научные направления, в которых пространственный аспект является довлеющим и существенным образом влияющим на экономическое развитие. По мнению автора, *пространственная экономика выступает в качестве особой науки, которая синте-*

зирует объектную и предметную области исследования, а также методологию и методiku таких трех базовых пространственных наук, как экономическая география, региональная (территориальная) экономика и индивидуальная экономика (экономика домохозяйства). На этом и строится ее собственный предмет исследования, который, естественно, конкретизируется в дальнейшем на изучении экономических взаимосвязей тех хозяйствующих субъектов, которые попадают в сферу ее внимания. В качестве *объекта* этого синтезирующего исследования выступают природно-хозяйственные системы; региональные (территориальные) хозяйственные системы; индивидуально-хозяйственные системы (домохозяйства).

За каждой из названных трех научных дисциплин стоит свой специфический комплекс естественных и общественных наук, который «питает» их новыми идеями, парадигмами, концепциями, методологическими и методическими приемами и др. Каждая из этих наук, по большому счету, представляет: экономическая география — *природу и окружающую среду*, региональная экономика — *общество*, индивидуальная экономика — *домохозяйство*. То есть в данном случае здесь соблюдаются те минимально необходимые для исследования в области любой экономической науки *тройственные базовые взаимосвязи* между природной средой (в т. ч. природными ресурсами и экологией), человеком (в т. ч. его бизнес-образованиями, начиная с домохозяйства) и обществом (государством).

Именно от уровня домохозяйства начинается формирование *первичных пространственных образований* в экономике, а не от уровня муниципальных или иных, более высокого ранга, региональных структур, на чем обычно строятся концепции региональной экономики. К уровню домохозяйства также возвращаются все, даже самые сложные воспроизводственные процессы в экономике, т. к. только на этом первичном уровне можно реально определить их экономическую, социальную и экологическую результативность в синтезирующих показателях *качества жизни индивида* и ее сохранения как в ближайшем, так и отдаленном будущем.

Интересна роль *внешних элементов* инфраструктуры рассматриваемой системы, которые, по мнению автора, выступают в виде «щупальцев» будущего состояния в развитии изучаемых пространственных образований. Их активность резко возрастает в особенности в условиях неопределенности, в состоянии перед точкой бифуркации.

Внешние элементы инфраструктуры *подготавливают и обеспечивают тот качественный скачок, который эта система совершит в данной точке*. И научное познание процессов их формирования и развития также лежит в сфере пространственной экономики, что позволит предвидеть эти скачки и накануне подобных качественных преобразований системы по возможности

влиять на формирование ее внешних элементов таким образом, чтобы значительно сократить риски непредвиденных и негативных изменений в изучаемых хозяйственных структурах.

Особое внимание исследователей экономических пространственных образований хотелось бы обратить на один вид инфраструктуры, формирование которого требует в настоящее время, по мнению многих ученых, сосредоточения самых активных действий в стране. Речь идет об *информационной инфраструктуре*, которая выступает весьма важным элементом в системе взаимосвязей в пространственном образовании любого уровня и должна быть объектом приоритетных исследований в пространственной экономике и междисциплинарного синтеза в этой области науки.

Острая актуальность формирования инфраструктуры пространственных данных (*Spatial Data Infrastructure, SDI*) определяется проблемой расширения использования цифровых пространственных данных в программах устойчивого развития территорий. Объем геопространственных данных и географического знания на базе спутниковых исследований быстро растет. Концепция SDI развивается как определение среды поддержки, аналогичной дорожной или телекоммуникационной сети, обеспечивающей более эффективный доступ к пространственно привязанной информации на основе минимального набора стандартных практик, протоколов и спецификаций. Развитие геоинформационной инфраструктуры SDI в комплексе с использованием спутниковых данных космического экологического мониторинга природных и техногенных явлений обеспечивает проведение систематического исследования параметров окружающей среды, совокупности природных и антропогенных факторов, интегрирование и представление этих факторов на электронной карте. Геоданные и цифровая картография на их основе являются частью управленческой деятельности, позволяющей правительственным органам представить данные по регионам с привязкой к пространственному местоположению [4].

Исследование и развитие глобальных, региональных и национальных инфраструктур геопространственных данных в настоящее время действительно очень актуально. Наиболее существенными инициативами в этом направлении являются действующие международные программы: *Infrastructure for Spatial Information in Europe, National Spatial Data Infrastructure, Global Spatial Data Infrastructure, Global Monitoring for Environment and Security*.

Что касается России, то в настоящее время создана общая архитектура и определены основные компоненты российского сегмента информационной инфраструктуры и технологии его интегрирования в одну из мировых систем. Разработан функционирующий российский сегмент распределенной информационной пространственной инфраструктуры для сбора, обработки

и использования спутниковых данных. Обеспечена работа пользователей со спутниковыми данными, которые получают из распределенных источников и имеют разную структуру хранения. Сбор и обработка различных типов спутниковых данных происходят совершенно независимо; системы хранения данных могут находиться не только на разных серверах, но и размещаться в различных удаленных центрах. Распределенная информационная инфраструктура поддерживает каталоги спутниковых данных разных уровней, организацию доступа к данным, обнаружение и запрос информационных продуктов спутникового мониторинга.

Методология и методика формирования *пространственной инфраструктуры*, в первую очередь информационной, должны выступать одним из главных направлений исследований в изучении экономики пространственных образований на всех уровнях их иерархии и являться основой междисциплинарности и согласования концептуальных подходов ряда пространственных наук.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гранберг А. Г. О программе фундаментальных исследований пространственного развития России // Регион: экономика и социология. 2009. № 2.
2. Гранберг А. Г. Основы региональной экономики: Учебник для вузов. М.: ГУ ВШЭ, 2000.
3. Концепции современного естествознания: Учебник для вузов / Под ред. проф. В. Н. Лавриненко, проф. В. П. Ратникова. М.: ЮНИТИ, 1997.
4. Кудашев Е. Б., Попов М. А., Марков С. Ю. Распределенная геоинформационная инфраструктура пространственных данных в задачах устойчивого развития территорий / Институт космических исследований РАН, г. Москва; Научный центр аэрокосмических исследований Земли (ЦАКИЗ) Института геологических наук НАН Украины, г. Киев. 2009. <http://www.ict.edu.ru/vconf/files/10068.pdf>.
5. Материалы сайта. <http://en.wikipedia.org>.
6. Материалы сайта. <http://www.answers.com/topic/spatial-science>.
7. Материалы сайта. <http://www.ict.edu.ru/vconf/files/10068.pdf>.
8. Материалы сайта. <http://www.mappingsciences.org.au/journal.htm>.
9. Материалы сайта. <http://www.springer.com/series/3302>.
10. Материалы сайта. <http://www.thecanadianencyclopedia.com/index.cfm?PgNm=TCE&Params=A1ARTA0006747>.
11. Минакир П. А. Экономика регионов. Дальний Восток. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2006.
12. От идеи Ломоносова к реальному освоению территорий Урала, Сибири и Дальнего Востока / Под общ. ред. А. И. Татаркина, В. В. Кулешова, П. А. Минакира; РАН, УрО, Ин-т экономики. Екатеринбург, 2009.
13. Первый Российский экономический конгресс (7—12 декабря, 2009; Москва). <http://www.econorus.org/congress2009.phtml>.
14. NSF Geography and Spatial Sciences Program Strategic Plan, 2008—2012 (K-1/19/09). http://www.nsf.gov/sbe/bcs/grs/GSS_StrategicPlan_2008.pdf.

А. Н. Демьяненко

АЗИАТСКАЯ РОССИЯ: ОПЫТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (о книге «АЗИАТСКАЯ ЧАСТЬ РОССИИ: новый этап освоения северных и восточных регионов страны»)

Рецензируемая работа¹ относится к тому редкому жанру, который может быть обозначен как междисциплинарное исследование, объектом которого выступает такая необычайно сложная территориальная социально-экономическая система, каковой является Азиатская Россия.

Но в то же время, как это следует из предисловия, монография является «логическим продолжением многолетних исследований ИЭОПП СО РАН». Более того, рецензируемая работа не просто продолжение, но и определенный итог, ибо посвящена она 50-летию института.

Итак, перед нами солидное монографическое исследование, не без оснований претендующее на междисциплинарность; исследование, опирающееся на целый ряд работ, выполненных на протяжении нескольких десятилетий в ИЭОПП².

Но в то же время перед нами исследование, обладающее всеми признаками (как формальными, так и содержательными) работы, подводящей итоги, а, следовательно, и определяющее ориентиры будущих исследований Ази-

© Демьяненко А. Н., 2010

¹ Азиатская часть России: новый этап освоения северных и восточных районов страны / Малов В. Ю., Безруков Л. А., Шиловский М. В. и др. Под ред. акад. В. В. Кулешова. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2008. 428 с.

² В этой связи следует упомянуть, прежде всего, серию монографий «Проблемные регионы ресурсного типа», издаваемых ИЭОПП СО РАН с 1998 г.

атской России. При этом исследование, при всех несомненных атрибутах исследований академических, имеет и вполне определенную прикладную направленность.

Законы жанра требуют от рецензента остановиться на логике самого исследования, которая находит отражение в структуре работы. В целом она, т. е. структура, понятна, хотя и не до конца. Так, в частности, вполне обосновано желание начать с истории вопроса, и часть I «Азиатская Россия как колония» содержит вполне квалифицированное описание освоения территории Азиатской России.

Но при этом как-то из поля зрения выпало два важнейших в методологическом отношении вопроса: что есть Азиатская Россия в системе пространственной организации российского общества, и какова ее внутренняя структура?

Конечно, можно сказать, что в определенной степени эти вопросы освещены в части II «Сибирь как крупнейший массив суши: экономико-географический подход» — самой спорной части рецензируемой работы, особенно в главах 5—7. Автор этих глав Л. А. Безруков весьма пространно объясняет, что проблема конкурентоспособности товаров и услуг, производимых в Сибири, заключена в континентальности.

Однако о том, что есть в этих главах, поговорим ниже, сейчас же отметим следующее: глава 8 при соответствующей доработке, хотя и в нынешнем виде она хороша, могла бы стать отсутствующей ныне и в то же время очень напрашивающейся методологической главой (или даже отдельной частью) — но это не более чем пожелания рецензента.

Часть III «Сдвиг на Восток»: сложный выбор пути» логически продолжает часть I рецензируемой монографии. Но не очень понятно, почему эти две части следует перемежать частью II. Однако, как и в случае с частью II, представляется, что и эта часть, и монография в целом выиграли бы, если главы 12 и 13 вошли вместе с главой 8 в состав несуществующей «методологической части». Особенно интересна глава 13, автор которой В. Г. Варнавский не только вскрывает причины трудностей, стоящих перед государственно-частным партнерством (ГЧП) в РФ, но и демонстрирует возможности их преодоления при реализации крупных инвестиционных проектов в Сибири и на Дальнем Востоке.

Часть IV «Прогнозирование развития инфраструктурных отраслей Азиатской части России: инструментарий и результаты расчетов», по мнению рецензента, одна из наиболее удачных, прежде всего, с точки зрения реализации междисциплинарного подхода. Возможно, это обусловлено тем, что в ее написании приняли участие ученые 5 из 11 участвовавших в работе над монографией научных организаций. В данной части монографии рецензент

видит удачное сочетание постановки проблемы, обоснования инструментария ее решения и выхода на проектные предложения.

Часть V «Ресурсные проекты в экономической динамике Дальнего Востока России» — пожалуй, самый традиционный из всех разделов монографии: здесь есть анализ существующего положения дел в экономике Дальнего Востока, есть сценарии развития экономики, есть набор инвестиционных проектов, определяющий прогнозные варианты развития ресурсных секторов экономики региона. Но в то же время практически нет проработки пространственного аспекта, чем выгодно отличается часть VI «Нижнее Приангарье — первоочередной регион реализации нового «сдвига на Восток». По мнению рецензента, очень интересны как в методологическом, так и в методическом отношении подходы к обоснованию схем территориального планирования региона.

Итак, представление структуры закончено и можно перейти к рассмотрению тех вопросов, которые, с одной стороны, имеют актуальный, как в научном, так и в прикладном плане, а с другой — дискуссионный характер.

Естественно, что выбор сюжетов, которые рецензент посчитал отвечающими приведенным выше критериям, наверняка небесспорен, так как в той или иной мере отражает пристрастия самого рецензента, и тем не менее.

Выше уже было отмечено, что вызывает определенное недоумение отсутствие отдельной части или главы, которая была бы посвящена анализу теоретико-методологических основ исследования таких крайне сложных территориальных образований, как Азиатская Россия.

На первый взгляд, так ли важно само по себе определиться с тем, что есть Азиатская Россия, или, как то указано в заглавии, Азиатская часть России? На взгляд рецензента, это не просто важно, а очень важно. Попробуем объяснить эту позицию. Начнем, как и авторы рецензируемой работы, с экскурса в историю. Азиатская Россия как территориальное образование формировалась не враз, это — продукт длительного и крайне сложного, все еще далеко не до конца понятого процесса формирования территориальной организации российского общества.

Поэтому Азиатская Россия на разных этапах своей эволюции имела не только разную конфигурацию своих границ, но и играла разные роли в процессах эволюции российского общества и его территориальной организации. Поэтому остается открытым вопрос: что есть Азиатская Россия на разных этапах ее эволюции? Из контекста следует, что речь идет главным образом о Сибири и лишь отчасти о Дальнем Востоке России, т. е. об Азиатской России в ее современных границах.

При этом возникает вполне законный вопрос: а что есть общего у этой части России? Будущее — отвечают авторы рецензируемой монографии. Но

тогда возникает еще не один вопрос: а какова природа этого территориального образования? С чем мы имеем дело: с экономическим районом? Или, может быть, это физико-географический (ландшафтный) район? Или, может быть, это вовсе и не район, т. е. не территориальная система, а некий конгломерат и в социально-экономическом и в естественно-историческом отношениях?

Не меньше вопросов возникает и в том случае, если читатель попытается понять территориальную организацию азиатской части России. Так, в понимании авторов первых трех частей азиатская часть России — это Сибирь, иные области появляются спорадически.

Выше уже было отмечено, что часть I в целом представляет собой вполне квалифицированный обзор колонизационного процесса в пределах зауральской России. Хотя ряд положений, содержащихся в этой части монографии, носит, как минимум, дискуссионный характер. В частности, увлечение М. В. Шиловского построениями Л. В. Милова приводит автора «Исторического опыта освоения новых земель на Руси» к выводу: «Отечественная цивилизация возникала на малопродуктивной почве, но тщательно обрабатывать и уваживать ее не было ни времени <...>, ни сил» (1, с. 11). Наверное, и такая точка зрения имеет право на существование, но почему М. В. Шиловский не приводит другие точки зрения на природу русского крестьянского хозяйства, не очень понятно. Более того, автор главы фактически отказывает русскому крестьянскому хозяйству в развитии, хотя факт его эволюции вряд ли может быть оспорен¹.

Еще больше возражений вызывает следующий тезис М. В. Шиловского: «Правительство на протяжении четырех веков выступало главной силой в осуществлении переселений. Подобная роль власти определялась необходимостью ускорить социальную мобилизацию российского, а в XX в. и советского социумов в качестве основного средства модернизации страны в рамках догоняющего развития. У нас принуждение и насилие стали главными средствами ускоренного перехода к индустриальному обществу» (1, с. 13). При этом название параграфа, откуда взята цитата, — «Особенности начального этапа колонизации». Тут возникает несколько наивный вопрос: а что, переселение и колонизация — это одно и то же? Как тут не вспомнить П. П. Леруа Болье, а из отечественных авторов А. А. Кауфмана с его фундаментальной работой «Переселение и колонизация», которые весьма четко и последовательно разводили эти два понятия, как и процессы, которые они обозначали².

¹ Рецензент считает необходимым в этой связи указать на следующие работы: [12—14; 17; 22—24].

² Отсылаем заинтересованного читателя к следующим работам: [8; 15; 16; 25]. Ряд из перечисленных выше работ переиздан (хотя и не полностью) в [3].

А вот в отношении того, что и при «кровавом царизме», и при советской власти «принуждение и насилие стали главными средствами ускоренного перехода к индустриальному обществу», — это сильно против исторических фактов. Хотелось бы обратить внимание не только М. В. Шиловского, но и читателей, заинтересованных в беспристрастном сравнительном анализе капиталистической и социалистической индустриализации России (насколько это только возможно при изучении нашего прошлого), на классические работы В. И. Гриневецкого и Б. Д. Бруцкуса [7; 9]¹.

Итак, по мнению М. В. Шиловского, к началу XX в. «завершилось формирование пришлого социума и заселение наиболее благоприятных в природно-климатическом и экономическом отношениях территорий. Решающую роль в организации миграций сыграло государство, именно при его активном участии осуществлялось переселение в течение всего изучаемого времени. Характерной чертой миграций до XX столетия являлась их аграрная направленность (выделено *А. Д.*). Однако эффективность этой политики, особенно в принудительных вариантах, не всегда была высока» (1, с. 17).

Все хорошо, но уже в следующей главе выясняется, что не все так просто. Ибо «на протяжении 335 лет (1582—1917 гг.) происходила реализация ряда масштабных экономических проектов» (1, с. 18)². И первый из этих проектов — «сибирская пушнина», который продолжался вплоть до середины XVIII в., а «на смену «мягкому золоту» пришли цветные и драгоценные металлы» (1, с. 19). Но и это не все, так как «в конце XIX — начале XX в., особенно в годы Первой мировой войны, появляется ряд проектов, ...направленных на индустриализацию региона» (1, с. 21).

Аграрная специализация Азиатской России как стратегический проект — это еще одна тема главы 2 и название одного из ее параграфов, весьма интересным сюжетом, который может быть обозначен как анклавные экономические зоны, как метод хозяйственного освоения. Другое дело, что приведенный в тексте (1, с. 25) перечень анклавных зон вызывает определенные сомнения. В частности, включение в него Российско-американской компании (больно уж велик анклав) и Китайско-Восточной железной дороги (которая по своей сути являлась, скорее, инструментом экономической интеграции).

Глава 3 части I, в отличие от первых двух глав, описывающих миграционные (которые обозначены как колонизационные) и экономические процес-

¹ Что же касается работ последних лет, то хочу рекомендовать следующие: [2; 18; 19].

² Сама по себе идея, что колонизационный процесс рассматривается как определенная последовательность экономических проектов, представляется весьма плодотворной. Но тогда хотелось иметь хотя бы рабочее определение такого рода проектов, ибо само понятие «проект» весьма многозначное.

сы, посвящена анализу геополитического аспекта дореволюционного развития Сибири и Дальнего Востока.

Наибольший интерес, по мнению рецензента, представляет не столько попытка внести вклад в развитие концепции «месторазвития» М. М. Ефимкиным и В. А. Ламиным (хотя и это можно только приветствовать¹), сколько предложенная М. В. Шиловским эволюционная схема «геополитического охвата». Согласно этой схеме геополитическая ситуация в Азиатской России прошла в своей эволюции следующие этапы.

Первый этап геополитического «охвата» продолжался с конца XVI в. и до заключения в 1689 г. Нерчинского мирного договора с Китаем, стабилизировавшего русскую границу от Тихого океана до Западных Саян.

Новый этап геополитического «охвата» в Азиатской России продолжался с 1689 по 1822 г. и привел к непосредственному соприкосновению в Центральной Азии Цинской и Российской империй (1, с. 30).

Третий этап геополитического «охвата» продолжался с 1822 г. до начала 1890-х гг. Для него характерен новый виток территориальной экспансии на юге Западной Сибири и Дальнем Востоке, приведший к завершению присоединения Восточного Казахстана (Семиречье), закреплению за Россией Приамурья, Приморья и Сахалина.

Четвертый (незавершенный) этап геополитического «охвата» начинается в 1896 г. подписанием соглашения между китайским правительством и Русско-Китайским банком о строительстве железной дороги в Маньчжурии (КВЖД) и предоставлении концессии для этого сроком на 80 лет (1, с. 32).

Сразу же отметим, что приведенная выше схема не единственная в современной отечественной науке, в частности, К. И. Зубковым, предложена следующая последовательность смены геополитических доктрин (между прочим, геополитические доктрины как-то лучше «охвата», хотя, наверное, это дело вкуса) Российского государства в Азии. Согласно этой схеме первая фаза геополитического развития Азиатской России завершается в первой трети XVIII в. Содержанием первой фазы «стало обеспечение в решающих моментах системы безопасности азиатских границ России в широкой и открытой полосе степных пространств между течениями Урала и Иртыша (вплоть до Алтайских гор). Тем самым одновременно складывается мощный геополитический градиент продвижения России в районы Средней Азии... «Фронт» геополитической проблемности перемещается дальше на восток, в

¹ Приветствовать можно было бы еще больше и громче, если бы М. М. Ефимкин и В. А. Ламин всерьез взялись за анализ творческого наследия и П. Н. Милюкова, и П. Н. Савицкого [21], как и других «евразийцев», много и хорошо писавших о том, что есть «месторазвитие». Другое дело, что с тех пор прошло немало лет и «месторазвитие» приобретает новое значение.

то время как среднеазиатское направление обеспечивается теперь более периферийным, фланговым продвижением» [2, с. 40].

Второй этап геополитического развития, который продолжался, по мнению К. И. Зубкова, до 90-х гг. XIX в., характеризовался многочисленными и безуспешными попытками России «превратить свои азиатские территории в «мост» транзитной торговли между Европой и Востоком» [2, с. 46].

Третий этап геополитического развития Азиатской России связан с реализацией программы С. Ю. Витте, направленной на обеспечение господствующего положения России в Маньчжурии¹ «путем последовательного расширения сфер русско-китайского сотрудничества и придания последнему характера «особых» отношений» [2, с. 59—60].

Реализовать этот мегапроект в полной мере не удалось, но сам замысел и система методов, направленных на его реализацию, несомненно, должны стать объектом научных исследований, в том числе и в геополитическом аспекте. К сожалению, в трех последующих параграфах главы 3 можно найти много чего интересного, как-то: Сибирь — ключевой фактор превращения «Московии» в Россию, что доказать невозможно уже в силу того, что колонизационные процессы шли не только в направлении Тихого океана, и дальневосточное направление вряд ли было определяющим. Другая новация анализа геополитической ситуации на рубеже XIX—XX вв. — это Сибирь в качестве «топливно-энергетического цеха страны», ибо таковой Сибирь стала как минимум через полвека. И уж совсем трудно понять, как Сибирь, т. е. территориальное образование мегауровня, стала «геополитической категорией».

Однако вернемся к завершающей главе 4, в которой рассматривается развитие науки в Сибири в контексте освоения восточных регионов России.

В этой главе Е. Г. Водичев рассматривает коэволюцию колонизационных процессов и процессов формирования научно-технического потенциала на Востоке страны, хотя Восток, как нередко в рецензируемой работе это — Сибирь, что, конечно, не есть хорошо. Но не будем повторяться, а рассмотрим вслед за Е. Г. Водичевым становление сибирской науки на фоне колонизации.

Итак, первый этап, растянувшийся на два века, характеризуется тем, что «доминирующей оставалась экспедиционная модель научных исследований периферийной части страны». Следует согласиться и с тем, что «данные экспедиций привели к получению достоверной научной информации комплексного характера об обширной территории российской части Евразии» (1, с. 43—44).

Несомненно также и то, что «новый импульс научному изучению при-

¹ Хотя, если быть до конца точным в определении географических границ «Маньчжурии», то они на самом деле оказываются много шире, во всяком случае, в конце XIX в. — это и Барга, и Северная Корея.

родных ресурсов и условий региона дало проектирование и строительство Транссибирской магистрали» (1, с. 44). Хотя, что крайне важно подчеркнуть, исследования эти имели целью не только изучение природных ресурсов и условий, но преследовали также и цели выявления основных направлений развития не только «района Сибирской железной дороги», но и Азиатской России в целом. Показательны в этом отношении работы, выполненные сотрудниками Переселенческого управления (многие из которых были опубликованы на страницах «Вопросов колонизации»), среди которых особое место занимает А. А. Кауфман — автор фундаментальной монографии «Переселение и колонизация»¹.

Крайне важной вехой в эволюции научно-технического потенциала Азиатской России стало формирование в ее пределах сети высших учебных заведений, в частности, Томского университета (1888 г.) и Технологического института (1900 г.), на что совершенно справедливо указывает Е. Г. Водичев. Этот факт крайне важен уже в силу того, что Азиатская Россия стала готовить кадры высшей квалификации сама и для себя. А если учесть, что российские университеты были одновременно центрами научных исследований, то это означало в конечном счете переход колонизационных процессов на качественно иной уровень.

Завершая дореволюционный этап формирования научно-технического потенциала, Е. Г. Водичев констатирует тот факт, что «в начале XX в. в академических кругах началось обсуждение необходимости и возможности создания на периферии, и, в частности, в Сибири, постоянных очагов исследовательской работы. ...В центре внимания оказались два сюжета: о повышении роли Академии наук в изучении производительных сил страны и о развитии сети научных учреждений на территории России. На практике они оказались теснейшим образом связанными между собой» (1, с. 45). Иначе говоря, уже в предреволюционный период имело осознание необходимости развития экономики Азиатской России, опираясь на собственный научно-технический потенциал.

Тем более, как показал опыт, «процесс реэвакуации из Сибири затронул науку гораздо больше, чем промышленность» (1, с. 49). То есть, надеяться на то, что науку в Сибири и на Дальнем Востоке можно поднять, привлекая «варягов» из Европейской России, представлялась непродуктивной. Хотя и в этом есть резон: привлечение уже сложившихся ученых с устоявшейся научной репутацией может при определенных условиях, как свидетельствует опыт Академгородка, сформировать эффективно развивающиеся научные школы.

Последние, находясь в начале цикла «наука — производство», согласно

¹ Фрагменты этой работы А. А. Кауфмана с соответствующими комментариями переизданы в [3].

замыслу, должны обеспечить эффективность производства через посредство внедренческих организаций. Однако, как справедливо отмечает автор, «пояс внедрения» с опытно-экспериментальным производством и конструкторским бюро удалось создать, однако эффективность его оказалась не настолько высокой, как предполагалось» (1, с. 53). Не удалось, как показывает постсоветский период истории сибирской и дальневосточной науки, не только обеспечить качественно новый этап колонизации Азиатской России на основе знаний, но и сохранить то, что было. Как результат «к 2002 г. совокупная доля восточных регионов страны в численности организаций, осуществляющих НИОКР, составляет около 22%, снизившись за десятилетие почти на четверть. Удельный вес восточных регионов страны в общем количестве персонала, занятого исследованиями и разработками, оказался еще ниже — на уровне 15,1%. Наметилась тенденция возрастания территориальных диспропорций и увеличения доли Центрального и Северо-Западного регионов в размещении научного потенциала» (1, с. 55).

Казалось бы, авторы должны озадачиться этой проблемой, но вместо этого читатель обнаруживает в части II два плохо связанных между собой сюжета. Первый и больший по объему, написанный Л. А. Безруковым, посвящен континентальности, как специфическому свойству Сибири (хотя книжка вообще-то, судя по названию, про Азиатскую Россию, и как тут быть с континентальностью, скажем, Дальнего Востока — непонятно). Второй сюжет более традиционен и, можно сказать, более академичен (что, конечно, не упрек, а констатация факта), написан В. Ю. Маловым, посвящен всестороннему анализу двух теоретических концепций, а именно: территориально-производственного комплексобразования и кластерной теории.

Итак, каковы основные методологические послышки Л. А. Безрукова? Первая — Россия в целом, а Сибирь в особенности, обладают таким свойством, как континентальность. Правда, здесь возникает как минимум два вопроса: почему речь о Сибири, а не об Азиатской России, и что есть континентальность как экономическая категория, в частности, это есть нечто неизменное или...?

Вторая посылка вытекает из первой: континентальность обуславливает неконкурентоспособность сибирской экономики как таковой, это — некое проклятие, наложенное на Сибирь.

И, как следствие, пути преодоления континентальности рассматриваются через экономическое районирование и территориально-производственное комплексобразование.

Кто скажет, что в этих суждениях нет логики? Она, несомненно, присутствует. Другое дело, под какую цель выстраивается логика научного исследования.

Начнем с дихотомии океаническая — континентальная экономики. Если отбросить всякие красоты, то первая по определению более эффективна, чем вторая. Причина проста: транспортные издержки на морском транспорте ниже, чем на железнодорожном. Все очень просто. Если бы проблема конкурентоспособности решалась так просто, т. е. определялась уровнем транспортных издержек, то зачем нам нужны различные теоретические модели, которые не одно десятилетие разрабатываются и самым серьезным образом обсуждаются на различных научных форумах. В частности, зачем нужна концепция пяти сил М. Портера? Да и не только она. Если додумать эту мысль до конца, как то советовал Сократ, мы получим замечательную картину мировой экономики: приморские районы (до 200 км от побережья) по определению эффективны и конкурентоспособны, причем раз и навсегда, а континентальные районы, напротив, обречены на неэффективность и неконкурентоспособность.

И что же нам предлагается в качестве инструмента ослабления негативного влияния континентальности? Читатель может не поверить, но это так: экономическое районирование (параграф 6.1) и формирование территориально-производственных комплексов (параграф 6.2).

При этом мы узнаем, что «при централизованном, плановом хозяйстве экономическое районирование превращается в важное средство повышения эффективности народного хозяйства страны и ее частей, а экономические районы признаются как объективно существующие. В то же время в условиях капитализма при отсутствии реальных рычагов управления хозяйственным комплексом района экономическое районирование применяется обычно в качестве методического приема для субъективного конструирования тех или иных абстрактных схем, т. е. выделение так называемых районов «изучения» или «познания» (1, с. 64).

Возникает ощущение дежавю: есть глупая буржуазная географическая и экономическая наука, которая так и не поняла единственно правильного марксистского учения, и есть правильная советская наука, которая это учение освоила. Правда, Л. А. Безруков вносит определенную новизну в эту хорошо знакомую конструкцию, а именно: привносит некоторые идеи из наследия одного из представителей евразийцев П. Н. Савицкого. Правда, здесь возникает вопрос: почему Л. А. Безруков проигнорировал мнение, скажем, А. Д. Билимовича [6], который еще в 1922 г. дал вполне исчерпывающий анализ работ П. Н. Савицкого именно с экономической точки зрения?

Но не будем ворошить далекое прошлое, тем более что в третьем параграфе все той же главы «Оценка эффективности ТПК Сибири» мы находим нижеследующее: «Эффективность ТПК Сибири в динамике можно оценить по соотношению темпов роста производства важнейших видов продукции

комплексов и численности их населения за два последних десятилетия советского периода, когда комплексобразование происходило наиболее активно» (1, с. 75). Как минимум это спорный подход к оценке эффективности в целом и ТПК в частности.

Глава 7 «Особая роль линейных хозяйственно-управленческих структур и меры по ослаблению негативного влияния континентальности» содержит описание процессов формирования линейных хозяйственно-расселенческих структур, которые рассматриваются как «примагистральные полосы (экономические оси)», а также рассмотрение путей и мер по преодолению российской экономикой негативного влияния континентальности.

И если суждения Л. А. Безрукова относительно линейных хозяйственно-управленческих структур мало что добавляют к хорошо известным концепциям опорного каркаса расселения и линейно-узловых структур (см., например: [4; 5]), то предложения относительно преодоления негативных последствий континентальности есть смысл рассмотреть подробнее.

Итак, предлагаемые Л. А. Безруковым пути и меры ослабления невыгодных последствий континентальности разделены на две группы, хотя, к сожалению, автор не указал, что было положено им в основание выделения этих двух групп.

Первая группа мер включает: усиление роли государства в регулировании транспортных тарифов, уменьшение средней дальности перевозок и создание емкого и в основном самодостаточного внутреннего рынка, создание трансконтинентальных транспортных коридоров, получение регионами целевой финансовой поддержки из федерального бюджета для компенсации повышенных транспортных издержек населения, ускоренное развитие прибрежных и приграничных регионов.

Что тут можно сказать: все замечательно, есть только одно «но», а именно: каким образом эти меры реализовать? Особенно было бы интересно узнать: каким образом уменьшение средней дальности перевозок будет содействовать формированию емкого и в основном самодостаточного внутреннего рынка?

Что же касается второй группы мер, то в ее состав Л. А. Безруковым были включены: экспорт конечной наукоемкой продукции и новейших технологий, информации, возвращение к практике планомерного формирования ТПК, активная государственная протекционистская политика (1, с. 92—94).

Конечно, издержки производства и обращения снижать — дело хорошее, но это далеко не единственный вариант региональной стратегии, более того, почему это должно быть связано исключительно с формированием ТПК, и, наконец, почему эти последние есть стратегическое направление снижения издержек?

А завершает часть II рецензируемой монографии глава «ТПК и кластеры», в которой В. Ю. Малов четко и со знанием дела аргументирует свою позицию в отношении двух концепций: территориально-производственного комплексообразования и кластеров, в контексте развития сибирской экономики. И так, как уже приходилось отмечать [10], центральный тезис, выдвигаемый В. Ю. Маловым: ТПК и кластеры, как и соответствующие научные концепции, не отменяют, но дополняют друг друга, представляется вполне обоснованным.

Переходя к части III «Сдвиг на Восток»: сложный выбор пути», следует отметить, что эта часть монографии наиболее сложная и по разнообразию тем, и по разнообразию авторских позиций, с которыми столкнулся рецензент. Тем не менее общая логика этой части вполне очевидна: проследить эволюцию взглядов на место и роль Азиатской России (Сибири в первую очередь) в системе социально-экономического развития России от начала XIX в. до наших дней.

Если что и вызывает в этой связи вопрос — так это само название. Ибо не очень понятно, почему сдвиг на Восток сопряжен со сложностями выбора пути: со времен М. В. Ломоносова мало кто отрицал, что могущество российское прирастать будет именно Сибирью, т. е. Азиатской Россией.

Но вернемся к открывающей часть III главе 9 «Оценка места и перспектив развития Сибири общественными деятелями XIX — начала XX века». И так, что мы узнаем о месте и перспективах? Оказывается, по мнению автора раздела М. В. Шиловского: «Первые попытки осмысления места Сибири в системе социально-экономического развития России и ее перспектив принадлежали декабристам» (1, с. 110). Тут невольно вспоминается К. С. Станиславский с его бессмертным: «Не верю!». Не вдаваясь в детали, рискну напомнить лишь два имени — Петр Великий и М. В. Ломоносов.

Глава 10 «Транспортные проекты Азиатской части России: за и против» много содержательнее предыдущей главы. Отчасти это обусловлено тщательным анализом малоизвестных материалов предреволюционных исследований по проблемам, имеющим непосредственное отношение к развитию транспортной сети в Азиатской России. Особый интерес представляет то, что в среде сибирских специалистов в области дорожного строительства сформировалось устойчивое представление о том, что разнообразие природных и социально-экономических условий дорожного строительства и эксплуатация транспортных систем требуют формирования соответствующей системы управления, построенной по территориальному принципу. Это неизбежно привело к разработке предложений по специальному виду экономического районирования — транспортному. Причем выделяемые районы не вписывались в сложившуюся к тому времени систему административно-терри-

ториального деления Сибири. До настоящего времени не потеряли своего значения и положение, выдвинутое участниками Совещания о том, что развитие магистрального железнодорожного транспорта должно определяться не только общегосударственными, но и сибирскими интересами «в деле развития экономическо-промышленной жизни Сибири и ее колонизации».

В эту же логику укладывается и пятилетний план (1917—1922 гг.) железнодорожного строительства в регионе, предложенный тогдашним Министерством путей сообщения. Отличительная черта этого плана — принципиальный отказ от экзотических проектов (которыми частенько грешат современные авторы) в пользу проектов, в рамках которых осуществлялась увязка общегосударственных и региональных интересов. Примером вполне приемлемого проекта считалось сооружение широтной Северосибирской магистрали.

Но еще более интересным является вывод, к которому приходят В. А. Лямин и Л. А. Тимошенко: «В годы Первой мировой войны транспортное проектирование тесно увязывалось с развитием производительных сил всех регионов страны. В Азиатской части, особенно на Урале и в Сибири, строились планы создания глубоких тыловых районов военно-образовательного профиля, где предполагалось сооружение целых комплексов индустриальных предприятий по производству металла, машин, вооружений. В соответствии с этими планами и намечалось проведение дорог» (1, с. 126).

Если с чем и трудно согласиться, так это с тем, что «пионерное, освоенческое свойство железных дорог весьма широко и эффективно использовались в практике приобщения к общественному прогрессу малонаселенных и слабо обжитых территорий в США и Канаде. Однако этот опыт не был учтен и адаптирован в России» (1, с. 128). Опыт был не просто учтен, но он был изучен, причем весьма тщательно, и широко использован. В том, что это так, легко убедиться, если взять на себя труд ознакомиться с деятельностью Комитета Сибирской железной дороги (1893—1902 гг.) или же с проектами колонизационных железных дорог на Европейском Севере, в Сибири и на Дальнем Востоке¹.

Что же касается главы 11 «Государственное регулирование экономики: этап предплановых исследований», то авторы ее В. Ю. Малов и Б. В. Мелентьев на высокопрофессиональном уровне, четко и последовательно формулируют основные принципы осуществления предплановых исследований в рамках сложившейся системы государственного регулирования экономики. Если с чем и можно было бы поспорить, так как это с тем положением, что «увеличивающаяся роль государства вытекает из природы крупного производства, а причины концентрации лежат в самой экономике» (1, с. 134). Но

¹ Труды Амурской экспедиции 1910 г.

можно и не спорить, а ограничиться лишь репликой: этот тезис как минимум не бесспорен.

Следующая глава «Стратегическая асимметрия Азиатской части России как угроза безопасности страны» посвящена, как это следует из названия, проблеме пространственной неоднородности. Причем П. Я. Бакланов, автор этой главы, делает существенную оговорку: «Стратегическая асимметрия страны может быть подразделена на несколько составляющих: геополитическая, демографическая, технологическая и ресурсная. О ресурсной составляющей будет сказано в следующих главах. В данной главе остановимся на первых трех» (1, с. 139). Возможно, что, говоря о стратегической асимметрии, следовало бы вспомнить и об асимметрии, наблюдаемой в экономическом пространстве России.

Относительно геополитического положения России П. Я. Бакланов констатирует его значительную асимметрию, полагая не без основания, что его следует рассматривать как «очень важный и устойчивый фактор, определяющий долговременные стратегические приоритеты в развитии ее регионов» (1, с. 142).

Что же касается демографической асимметрии, то ее преодоление, по мнению П. Я. Бакланова, может быть осуществлено в рамках доктрины роста численности населения. А в основу последней должны быть положены следующие три стратегических направления:

1. Снижение оттока адаптированного к местным климатическим условиям населения из восточных районов страны.

2. Формирование мощного миграционного потока на восток.

3. Создание в Сибири и на Дальнем Востоке социально-экономических условий для интенсивного (более 2%) естественного прироста населения на национальной основе (этот параметр должен быть выше, чем в целом по стране) (1, с. 146).

Но, пожалуй, наиболее интересным, а, следовательно, спорным, является анализ технологической асимметрии, выполненный П. Я. Баклановым.

Во-первых, вызывает большие сомнения утверждение, что «в советское время Россия начала резкий научно-технический рост в период индустриализации, электрификации страны. На этом этапе была поставлена на поток подготовка квалифицированных кадров: ученых, инженеров, техников, рабочих. Заводы первых пятилеток создавались по самым совершенным технологическим проектам, и оборудование в основном закупалось за рубежом. Успехи не заставили себя ждать. Резко повысились объемные показатели промышленности, обеспечивающей народнохозяйственный комплекс страны» (1, с. 148).

Увы, но все не так просто. Скорее всего, резкого научно-технического

роста не было, а если он и имел место, то был локализован в отраслях ВПК. При этом действительно подготовка кадров была поставлена на поток, но при выигрыше в количестве мы получили проигрыш в качестве: деградация науки и высшей школы началась именно в тот период. Что касается того, что заводы создавались по «самым совершенным технологическим проектам», то это и вовсе не отвечает действительности. Более того, самые совершенные нам и не были нужны, ибо это потребовало бы того, чего у нас как не было, так и нет до сих пор — квалифицированной рабочей силы, в том числе и менеджеров (не путать с «красными директорами»). И, последнее, объемные показатели повысились, но вот качество нашего индустриального роста, скорее, понизилось.

Во-вторых, не меньшие сомнения вызывает и утверждение, но уже не о прошлом, а о будущем: «Восточным форпостом технологического прорыва явится инновационный треугольник — Комсомольск-на-Амуре — Владивосток — Хабаровск со своими базовыми предприятиями военно-промышленного комплекса, формируемым технополисом «Комсомольск — Амурск — Солнечный», а также свободной экономической зоной «Находка» (1, с. 152).

Положение дел в агломерации Комсомольск — Амурск — Солнечный свидетельствует о чем угодно, но только не о том, что он превращается в форпост технологического прорыва. О том, что есть СЭЗ «Находка», и сказать нечего, кроме того, что даже в самых радужных прожектах начала 1990-х гг. на нее не возлагалось надежд в сфере высоких технологий.

Не менее проблематично превращение предприятий ВПК, во всяком случае, в том виде, в каком они существуют в означенном выше инновационном треугольнике. Возможно, рецензент и не прав, но, к сожалению, П. Я. Бакланов не приводит развернутой аргументации своей позиции.

Завершает часть III глава «Государство и бизнес: принципы соучастия в управлении процессом реализации крупных инфраструктурных проектов» (автор В. Г. Варнавский). Особенность этой главы — четкая фиксация цели, которая сформулирована В. Г. Варнавским следующим образом: «попытка осмысления причин медленного становления цивилизованных отношений бизнеса и государства при реализации крупных инфраструктурных проектов Сибири и Дальнего Востока с выработкой рекомендаций по ускорению государственно-частного партнерства» (1, с. 154).

Для начала вслед за В. Г. Варнавским остановимся на концептуальных препятствиях на пути развития государственно-частного партнерства. Итак, по порядку: «Первое. Ввиду крайне высокого и в подавляющем большинстве случаев вполне обоснованного недоверия к государству российский бизнес привык работать только на условиях собственности <...> Второе. Практически полное непонимание государством и бизнесом современных схем осуществ-

вления проектов ГЧП <...> Третье. Отсутствие комплексной, долгосрочной программы социально-экономического развития страны и территориально-го размещения производства и производительных сил» (1, с. 156—157).

При желании этот перечень можно и продолжить, но суть проблемы схвачена четко: нет доверия, нет партнерства. Нет необходимости подробно останавливаться на проблеме доверия, к настоящему времени существует обширная литература, посвященная самым различным ее аспектам. Возможно, стоит лишь обратить внимание на следующие обстоятельства: доверие не вводится ни указом президента, ни распоряжением председателя правительства, оно есть результат самоорганизации, т. е. оно возвращается, причем в достаточно длительном временном периоде. Другое дело — разрушить его много проще и быстрее.

Еще одна проблема, имеющая непосредственное отношение к проблеме государственно-частного партнерства. Возможно, эта проблема не столь важна, как вышеперечисленные, но тем не менее она вполне реальна. Это проблема подмены понятий: «Методически, и так принято на Западе, инвестиционные проекты становятся проектами ГЧП только в том случае, когда частная компания финансирует строительство и (или) эксплуатацию объектов государственной собственности. Если же некий производственно-инфраструктурный комплекс строится по принципу — каждый субъект финансирует только свой объект, то такую хозяйственную деятельность можно считать ГЧП лишь условно — только по названию» (1, с. 163). К сожалению, то, что мы можем наблюдать, это ГЧП именно «по названию».

Что же предлагает В. Г. Варнавский? Ответ: не изобретать национальный велосипед! Если в проектном финансировании крупных производственно-инфраструктурных проектов консорциумы и банковские пулы зарекомендовали себя в экономически развитых странах, то почему эти механизмы финансирования не должны стать «финансово-организационным фундаментом при реализации крупных инвестиционных проектов в Сибири и на Дальнем Востоке» (1, с. 167)?

Часть IV «Прогнозирование развития инфраструктурных отраслей Азиатской части России: инструментарий и результаты расчетов» включает четыре главы, каждая из которых имеет отношение к обоснованию инструментария прогнозирования инфраструктурных отраслей (транспорт в первую очередь) и к анализу тех последствий, которые произойдут в территориальной организации экономики Азиатской России, в случае реализации инфраструктурных проектов.

Да будет позволено рецензенту обойти молчанием инструментарий: все-таки, как ни интересен сам по себе этот сюжет, он имеет весьма опосредованное отношение к Азиатской России.

Другое дело, каким видится авторам этой части монографии будущее экономики Азиатской России в контексте реализации инфраструктурных проектов.

Исходная теза: «Если для совокупности регионов европейской части страны необходимо совершенствование транспортной сети, то для регионов азиатской части первостепенной является задача создания опорной транспортной сети, отвечающей требованиям XXI века» (1, с. 171) на первый взгляд весьма продуктивна. Но если только мы встанем на точку зрения, согласно которой транспортная сеть Азиатской России — не более чем недоразвитая сеть России Европейской.

Еще одна теза: «В рассматриваемой перспективе рост конечного потребления для страны в целом в общей степени определяется ростом собственно производства и внутрироссийскими межрегиональными перевозками, а не ростом экспортных поставок, включая и транспортные услуги» (1, с. 189), как минимум, не бесспорна.

Что же следует? А следует вот что: «Транспортная сеть всей Азиатской части России «открывает» для дальневосточной промышленности рынки Сибири, Урала и европейской части страны. Конечно, экспорт тех же продуктов в страны АТР, т. е. другое направление интеграционных связей, мог бы дать положительный эффект собственно для Дальнего Востока, но не для всей России. Кроме того, факт «вынужденности» (из-за ограниченных возможностей транспорта для перевозок внутри России) экспортных поставок вряд ли обеспечит эквивалентный обмен вывозимой и ввозимой продукции, не говоря уже о потенциальной потере рабочих мест внутри страны из-за сокращения поставок ресурсов и полуфабрикатов с Дальнего Востока» (1, с. 191).

Вывод, как минимум, спорный. Более того, он плохо согласуется с результатами экспериментальных расчетов, которые приводит Т. Н. Есикова в следующей главе. Речь идет о том, что «анализ прогнозируемой территориальной структуры грузопотоков, соответствующей транспортно-экономическим балансам 2020 г., свидетельствует о необходимости строительства новой широтной магистрали Северо-Российской Евразийской... уже в первой четверти XXI в.» (1, с. 202). При этом «представляется, что для повышения эффективности реализации такого подхода при освоении ресурсов следует идти не через создание отдельных узкоспециализированных очагов развития (т. е. отдельных узкоотраслевых промышленных узлов), а формируя в зоне тяготения к магистрали интегрированные производственно-транспортные зоны (ИПТЗ)» (1, с. 205).

По мнению Т. Н. Есиковой, именно система ИПТЗ вдоль Северо-Российской Евразийской магистрали позволит «повысить уровень связности не только Азиатской России, но и страны в целом» (1, с. 206), а в целом «приве-

дет к реальным, а главное — к эффективным, пространственным сдвигам в развитии производительных сил» (1, с. 207).

Глава 16 «Народнохозяйственная значимость формирования территориально-энергетических комплексов Восточной Сибири и Дальнего Востока», несмотря на подчеркнуто прикладной характер названия, содержит ряд теоретических положений, на которых есть смысл остановиться подробнее.

В частности, В. В. Воробьева, В. Д. Ионова и А. Г. Корнеев вводят понятие «территориальный производственно-энергетический комплекс (ТПЭК)», прообразом которого являются «энергопромышленные узлы и их системы, рассматриваемые еще в плане ГОЭЛРО» (1, с. 229). В современных условиях России авторы рассматриваемой главы полагают, что ТПЭК представляет собой «альянс отраслей ТЭК и других, в первую очередь, энергоемких отраслей промышленности. В качестве формы окончательной организации такого альянса может и должен выступать ТПК, когда уже определены основные, крупные энергопотребители и формируется состав комплексизирующих производств и объектов инфраструктуры региона» (1, с. 231).

Более того, по мнению В. В. Воробьевой и Г. В. Агафонова: «Предполагается, что в первой четверти XXI в. ТПЭК Восточной Сибири и Дальнего Востока во многом будет определять, наряду с Западно-Сибирским нефтегазовым комплексом, роль России в формировании энергетического пространства в масштабе «Азиатская Россия — Юго-Восточная Азия».

И наконец: «Взаимоувязанное развитие ТПЭК Сибири и Дальнего Востока, согласованное в интересах всех уровней реализации энергетической политики, может реально стать одним из условий экономической интеграции субъектов РФ, входящих в состав Сибирского и Дальневосточного федеральных округов» (1, с. 241).

Глава 17 «Эффективность стратегий и региональные экономические риски формирования Восточно-Сибирского нефтегазового комплекса» (авторы И. А. Вижина, О. Ф. Коцебанова и В. Н. Харитонова), конечно же, не о стратегиях (по-моему, этот термин вовсе отсутствует в тексте главы) и тем более не об их эффективности. На самом деле авторы рассматривают «вечно зеленую» тему согласования интересов отрасли и региона, где отрасль — ВСНГК, а регион — Восточная Сибирь.

Анализ функционирования этих механизмов приводит авторов главы к двум небезынтересным выводам.

Первый — «современный организационно-экономический механизм формирования ВСНГК не только не обладает эффективными механизмами координации деятельности компаний на территории, но и перекладывает на компании значительную часть освоенческих, ресурсных и инновационных рисков» (1, с. 247—248).

Второй вытекает из первого — «участие регионов в разработке стратегии нефтяной и газовой промышленности пока остается рекомендательным, тогда как именно население регионов будет испытывать неизбежные экологические и социальные нагрузки, создаваемые нефтегазовым комплексом» (1, с. 250).

Отметим, что ситуация во многом типичная для районов ресурсного типа, выход из которой авторы видят в снижении «организационно-экономических рисков» на путях ГЧП. Очевидно, имеет право на существование и такое решение, хотя в свете анализа сложившейся практики ГЧП в России, данного в главе 13 В. Г. Варнавским, это представляется маловероятным, во всяком случае, в обозримой перспективе. А вот с чем согласиться трудно, так это с тем, что «эффективность государственно-частного партнерства, по нашему мнению, можно оценивать степенью согласованности долговременных геополитических, экономических и социальных интересов участников освоения» (1, с. 272). Согласованность интересов в рамках какого-либо партнерства — не более чем условие, но не способ оценки эффективности партнерства.

Переходя к рассмотрению части V «Ресурсные проекты в экономической динамике Дальнего Востока», рецензент оказался в сложной ситуации: эта часть выполнена сотрудниками ИЭИ ДВО РАН, т.е. его коллегами. Тем не менее несколько строк о главе 18 «Новые ориентиры развития Дальнего Востока России», автором которой является С. Н. Леонов.

Вначале С. Н. Леонов формулирует в ясной форме (что встречается не часто) стратегическую проблему Дальнего Востока: «потеря экономической системой потенциала сбалансированного экономического развития на фоне усиливающейся депопуляции населения, снижения уровня жизни (в национальных сравнениях)» (1, с. 276).

В свою очередь, эта проблема встроена, по мнению С. Н. Леонова, в стратегию более высокого уровня, которая обозначена им как геостратегия России, основная задача которой — «обеспечение вхождения страны в азиатско-тихоокеанское экономическое и политическое сообщество», а механизм ее реализации — «встраивание российского Дальнего Востока в интеграционные процессы стран Восточной Азии при сохранении и повышении культурной и социально-экономической общности Дальнего Востока с РФ» (1, с. 276).

Далее рассматриваются два сценария развития экономики: ресурсно-транзитный и инновационно-освоенческий. Однако первый из сценариев было бы точнее назвать инерционным, так как он «опирается на пролонгацию действующих в настоящее время тенденций в ключевых отраслях экономики с сохранением сырьевой модели экономики Дальнего Востока,

наращиванием экспорта сырья, инерционности в показателях социальной динамики в регионе» (1, с. 277).

С недавних пор выделение инерционного и инновационного сценариев (альтернатив) утвердилось в отечественной региональной экономике, и спорить здесь, кажется, не о чем. Но тем не менее, если обратиться к теории стратегического менеджмента, то возникает вопрос: зачем нужен инерционный сценарий (который по умолчанию никто и не собирался реализовывать), если смысл стратегии заключается в поиске нового качества регионального развития?

Следующая, VI часть, «Нижнее Приангарье — первоочередной регион реализации нового «сдвига на Восток» на самом деле не только про Нижнее Приангарье, но и про Красноярский край в целом. Но, возможно, самое интересное вовсе не нашло отражения в названии этой части. Имеется в виду комплекс вопросов, который связан с необычайно актуальной проблемой — научного обоснования территориальной организации экономики и систем расселения в регионе.

Отличительная черта предлагаемой В. В. Воробьевой схемы анализа территориальной дифференциации социально-экономических условий заключается в применении хорошо забытого инструмента: дробного экономического районирования. В качестве исходных единиц анализа рассматриваются административные районы, из которых конструируются внутрикраевые экономические районы, общим числом 8. В основу выделения этих районов были положены следующие характеристики: «выраженная направленность по специализации, общность тяготения по транспортному обслуживанию и покрытию топливно-энергетического баланса территорий, наличие общих проблем, сдерживающих их социально-экономическое развитие, и предпосылок интеграции для решения этих проблем и другие факторы» (1, с. 362—363).

При этом В. В. Воробьева рассматривает выделенные внутрикраевые экономические районы как первый шаг и в то же время как исходную основу для проблемного экономического районирования, для целей прогнозирования и оценки последствий участия районов в реализации крупных инвестиционных проектов.

Если о чем тут и можно сожалеть, так только о том, что этот подход, обладающий большими возможностями, не получил должного развития и детализации в последующих параграфах этой главы.

Хотя сказать, что он не был использован вовсе, было бы неверно. Ибо в следующем параграфе «Особенности практического использования инструментария», где соавтором В. В. Воробьевой выступает В. Ю. Малов, вторым шагом алгоритма (первый — разработка сбалансированного варианта развития Красноярского края) — становится выявление альтернатив изменения

территориально-отраслевой структуры экономики Красноярского края. Причем «в отличие от первого шага территория края рассматривается уже не в «точечном» отображении, а как совокупность таксономических единиц анализа «пространства региона» — внутрикраевых экономических районов» (1, с. 370).

Полученные в ходе второго этапа варианты на последующих этапах служат основой для определения «схемы «точечной привязки» инвестиционных проектов в пределах укрупненных территорий региона — внутрирегиональных экономических районов» (1, с. 374).

В следующем параграфе «Варианты формирования пространственной структуры» Д. Х. Шалахиной предпринята попытка определиться с тем, что происходит на уровне промузлов, т.е. ядер внутрикраевых экономических районов. Оказывается, что мы имеем «конфликт интересов крупных инвесторов, среднего и малого бизнеса, местных органов власти за ограниченные территориальные ресурсы, строительные площадки, благоприятные по инженерно-строительным условиям и обеспеченные транспортной и энергетической инфраструктурой. Следствие — конкуренция этих инвестиционных проектов за ограниченные экологические, водные и земельные ресурсы территории» (1, с. 378).

Этот фрагмент очень показателен. Ибо он свидетельствует о том, что когда мы доходим до самого низа, т.е. до выбора конкретных площадок, то вдруг выясняется, что существуют различные экономические интересы у различных экономических агентов. Более того, эти группы заинтересованных лиц оказываются в состоянии конфликта. Но тогда возникает вопрос: верен ли был стратегический выбор? Или еще один вопрос: а не использовать ли нам в случае многообразия интересов, как то советовал О. Пчелинцев [20], концепцию стейкхолдеров?

Завершает главу параграф «Эколого-климатическое зонирование территорий в пределах Северосибирской магистрали», авторы которой Л. Б. Башалханова и Л. Б. Корытный приходят к ряду выводов, которые имеют отношение не только к поясу экономического развития, формируемому вдоль Северосибирской магистрали.

Во-первых, «по мере усиления дискомфорта климата территорий снижается разнообразие как типов поселений, так и структуры производства» (1, с. 389)

Во-вторых, повышение природной дискомфорта климата «требует особых форм организации труда, уровня его оплаты и жизни населения. В частности, осуществление контрастных типов поселений — от мелкоочаговых до густонаселенных — в зонах очень сильного, жесткого и очень жесткого дискомфорта» (1, с. 394).

Как и всякая серьезная научная работа, а рецензируемая монография таковой и является, завершается заключением, в котором мы находим: «Азиатская часть России — слишком важная для будущего страны территория, чтобы еще на долгое время оставаться колонией. Процессы глобализации в рыночной среде, предоставленные сами себе, без активной государственной региональной политики могут привести к медленному затуханию и экономической деятельности, и самой жизни здесь российского населения» (1, с. 396). К этим словам В. Ю. Малова можно добавить, что авторы рецензируемой монографии на достойном профессиональном уровне показали не только значимость Сибири и Дальнего Востока для России, но и в каком направлении необходимо предпринять усилия, чтобы, говоря об Азиатской России, никому в голову не приходило считать этот регион колонией.

Завершая рецензию, следует особо отметить, что монография, подготовленная большим коллективом исследователей из разных научных организаций, расположенных от Владивостока до Санкт-Петербурга, действительно является удачным примером научной кооперации, и можно только удивляться тому, как ответственному редактору академику В. В. Кулешову и тем, кто координировал вместе с ним эту совместную работу, удалось в конечном итоге создать целостное и в то же время междисциплинарное исследование, посвященное Азиатской России.

По мнению рецензента, монография, несомненно, будет полезна не только сотрудникам научных учреждений и вузов, но и работникам региональных администраций и проектных институтов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азиатская часть России: новый этап освоения северных и восточных районов страны / Малов В. Ю., Безруков Л. А., Шиловский М. В. и др. Под ред. акад. Кулешова В. В. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2008. 428 с.
2. *Алексеев В. В. и др.* Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI—XX века. М.: Наука, 2004.
3. Антология экономической мысли на Дальнем Востоке. Вып. I. Колонизационные процессы в Приамурском крае на рубеже XIX—XX веков. Хабаровск: РИОТИП, 2008.
4. *Бакланов П. Я.* Пространственные системы производства. М.: Наука, 1986.
5. *Бакланов П. Я.* Территориальные структуры производства в территориальном управлении. Владивосток: Дальнаука, 2007.
6. *Билимович А. Д.* Богоискатели, евразийцы и материальная культура. — СПб.: Росток, 2007.
7. *Бруцкус Б. Д.* Советская Россия и социализм. СПб.: Звезда, 1995.
8. *Воицнин В.* О термине колонизация // О земле. Вып. 3. М.: Новая деревня, 1922.
9. *Гриневецкий В. И.* Послевоенные перспективы русской промышленности. М., 1919.

10. Демьяненко А. Н. Теория кластеров на российской почве // Пространственная экономика. 2007. № 2.
11. Демьяненко А. Н., Дятлова Л. А. Б. Д. Бруцкус о природе экономического планирования в советской России // Пространственная экономика. 2007. № 2.
12. Дятлова Л. А. Концепция «генетических районов» А. Н. Челинцева // Пространственная экономика. 2005. № 2.
13. Дятлова Л. А. Пространственные аспекты теории крестьянского хозяйства в работах А. В. Чаянова // Пространственная экономика. 2006. № 1.
14. Дятлова Л. А. Неизвестный лидер организационно-производственной школы: Б. Д. Бруцкус // Пространственная экономика. 2006. № 4; 2007. № 1, № 2.
15. Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб., 1905.
16. Леруа Болье. Колонизация у новейших народов. СПб., 1877.
17. Макаров Н. Крестьянское хозяйство и его эволюция. М., 1920.
18. Минакир П. А. Экономика регионов: Дальний Восток. М.: Экономика, 2006.
19. Минакир П. А. Пространственные трансформации в российской экономике. М.: Экономика, 2002.
20. Пчелинцев О. С. Региональная экономика в системе устойчивого развития. М.: Наука, 2004.
21. Савицкий П. Н. Континент — Океан // Континент Евразия / П. Н. Савицкий. М.: Аграф, 1997.
22. Скворцов А. И. Экономика земледелия. В 3-х т. 1900.
23. Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство. М.: Экономика, 1989.
24. Челинцев А. Н. Теоретические основания организации крестьянского хозяйства. Харьков, 1919.
25. Ямзин И. Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян. Киев, 1912.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЯПОНИЯ В АЗИАТСКО- ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ»

10—11 декабря 2009 г. в Институте Дальнего Востока РАН прошла Международная научная конференция «Япония в Азиатско-Тихоокеанском регионе». Организаторами конференции стали: Ассоциация японоведов, Институт Дальнего Востока РАН, Институт востоковедения РАН и Японский фонд. На открытии конференции были оглашены приветствия от руководителей Ассоциации японоведов (председатель — д-р ист. наук, *Д. В. Стрельцов*), Института Дальнего Востока РАН (директор — академик РАН *М. Л. Титаренко*), Института востоковедения РАН (директор — профессор *В. В. Наушкин*) и Японского фонда (приветствие озвучил представитель Японского фонда в Москве *Эйдзи Тагуми*).

На конференцию приехали известные иностранные ученые из Японии (профессор Университета Хосэй *Нобуо Симотомаи*, профессор Университета Кэйо *Синдзи Ёкотэ*), Китая (заместитель директора Института японских исследований Академии современных международных отношений КНР, профессор *Вань Шань*) и Великобритании (профессор Университета Шеффилда *Гленн Хук*). На секциях выступили известные российские ученые: *В. М. Алпатов*, *Ю. Д. Денисов*, *В. А. Гринюк*, *Е. Л. Катасонова*, *А. А. Кириченко*, *В. О. Кистанов*, *Е. Б. Ковригин*, *В. В. Кожевников*, *Г. Ф. Кунадзе*, *И. П. Лебедева*, *Е. Л. Леонтьева*, *В. П. Мазурик*, *А. Н. Мещеряков*, *В. Н. Павлятенко*, *Д. В. Стрельцов*, *И. Л. Тимонина*, *Т. Д. Хузиятов*, *С. В. Чугров*, а также молодые исследователи. Среди российских участников были не только представители из Москвы, но также из Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, городов Дальнего Востока, Японии.

Выступления участников прошли по четырем секциям: «Политические аспекты позиции Японии в АТР» (ведущий — *Д. В. Стрельцов*), «Япония и экономическая интеграция в АТР» (*Е. Б. Ковригин*), «Россия и Япония в АТР: возможности взаимодействия» (*В. О. Кистанов*) и «Культурно-цивилизационные аспекты позиционирования Японии в АТР» (*А. Н. Мещеряков*).

Работа первой секции открывалась докладом *В. О. Кистанова*, в котором он обозначил основные направления внешней политики японского правительства в настоящее время. При этом им было отмечено, что «сверхзадачей» кабинета Хатоямы и последующих правительств Японии станет нахождение «золотой середины» в отношениях с двумя экономическими и военно-политическими гигантами — США и Китаем. Кроме этого, укреплению позиций Японии в Азии и на мировой арене в целом может помочь создание Восточноазиатского сообщества, которому отведено большое, если не центральное, место в «Политической философии» Хатоямы. Логичным представлялся следующий доклад профессора *Хука* о процессах регионализации в Восточной Азии и роли Японии в этом процессе. Основной проблемой в его докладе стало определение границ Восточноазиатского региона и интеграционных институтов. Профессор *Вань Шань* ознакомил с китайским подходом к использованию различных форматов в процессе восточноазиатской интеграции, а также вызовами, с которыми сталкиваются страны региона. Им подробно был рассмотрен

вопрос о перспективах заключения и реализации соглашения о свободной торговле между Японией, Китаем и Республикой Корея. Следующие доклады секции были посвящены проблеме японо-американских отношений, политике Японии в АТР, северо-корейской ядерной проблеме и путям ее решения.

Доклады второй секции были сфокусированы на процессах экономической интеграции в АТР, роли стран в восточноазиатском регионализме, перспективам создания торговых блоков в регионе, проблемам развития экономики Японии в условиях мирового финансового кризиса.

На третьей секции были заслушаны доклады о возможностях взаимодействия России и Японии в АТР. Японскую позицию по этому вопросу обстоятельно изложил профессор Симотомаи, а профессор Йокотэ попытался представить политику России в Восточной Азии глазами японцев. В свою очередь Д. В. Стрельцов в своем докладе выразил собственную позицию о реалистичности и состоятельности проектов российско-японского экономического сотрудничества в настоящее время и перспективах их реализации. Проблемы деятельности японских компаний на российском рынке в условиях кризиса были рассмотрены в докладе И. Л. Тимониной.

Проблематикой докладов четвертой секции конференции стали гуманитарные вопросы взаимодействия Японии и стран АТР.

Отметим, что уровень докладов на конференции был достаточно высоким, а поднятые в них проблемы и пути их решения являются актуальными, что сделало конференцию площадкой продуктивного обмена мнениями и обсуждения научных и прикладных задач. Положительным моментом конференции является и то, что часть ее докладов уже опубликована в сборнике «Япония в Азиатско-Тихоокеанском регионе» (М.: Восточная литература, 2009. 256 с.), а не вошедшие в этот сборник доклады в ближайшее время планируется опубликовать в ежеквартальном сборнике «Япония наших дней» Центра исследований Японии Института Дальнего Востока РАН.

Д. В. Суслов

ДВЕНАДЦАТЫЙ КРАЕВОЙ КОНКУРС- КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

В соответствии с постановлениями губернатора Хабаровского края 15–22 января 2010 г. министерство экономического развития и внешних связей края проводило двенадцатый краевой конкурс молодых ученых. Конкурс проводился в целях повышения научной активности молодых ученых и поддержки талантливой молодежи. Участниками конкурса могут быть аспиранты, докторанты, сотрудники научных организаций и преподаватели высших учебных заведений края в возрасте до 35 лет.

Конкурс проводился по нескольким научным секциям: технические науки (новые технологии, оборудование и материалы в машиностроении, строительстве, транспорте, энергетике); экономические науки; науки о жизни и Земле (биологические науки, геолого-минералогические науки, географические науки, сельскохозяйственные науки, экология); медицинские науки; физика, математика, информационные технологии; гуманитарные науки (история, философия, филология, культурология, искусствоведение); общественные науки (юридические науки, педагогические науки, психологические науки, социальные науки, политические науки).

Конкурс-конференция по секции «Экономические науки» проходил, как и все предыдущие годы, в Институте экономических исследований ДВО РАН при поддержке Объединенного ученого совета по общественным наукам при Президиуме ДВО РАН и банковской группы ВТБ. Экономическая секция — не только самая многочисленная секция конкурса, но и единственная секция, имеющая открытый статус, поэтому в работе секции принимали участие представители других регионов Дальнего Востока: Приморского края (г. Владивосток), Еврейской автономной области (г. Биробиджан). Хабаровский край представляли молодые ученые 6 научных организаций и вузов, а также представители г. Комсомольска-на-Амуре. Больше всего конкурсантов было от Института экономических исследований ДВО РАН, а также от Хабаровской государственной академии экономики и права, что, в общем-то, неудивительно, поскольку это ведущие в регионе научная организация и вуз экономического профиля. Были представлены работы от конкурсантов из ДВГУПС, ТОГУ, ДВАГС, ДВИМБ. Всего за два дня работы конкурсная комиссия заслушала 32 доклада.

Тематика представленных работ была разнообразна, но в то же время их трудно было объединить в тематические блоки. Было много работ, касающихся экономики Хабаровского края, посвященных деятельности отдельных отраслей и предприятий региона. Как и в предыдущие годы, был целый блок работ, касающихся демографических и социальных проблем в регионе. Не обошли конкурсанты вниманием и конъюнктурную тему, затрагивающую инновации, инновационную активность предприятий, предпринимательство вообще. Были работы, посвященные реорганизации транспортной отрасли, затрагивающие менеджмент организаций и др.

Состав конкурсной комиссии: академик РАН, директор ИЭИ ДВО РАН *П. А. Минакир* (председатель); д-р экон. наук, ректор ДВАГС *Н. М. Горбунов* (заместитель председателя); д-р экон. наук, заместитель директора ИЭИ ДВО РАН *С. Н. Леонов* (заместитель председателя); канд. экон. наук, заведующая сектором ИЭИ ДВО РАН *Л. И. Власюк* (секретарь); д-р экон. наук, начальник отдела главного управления Центрального банка России по Хабаровскому краю *О. Г. Иванченко*; канд. экон. наук, главный специалист банка ВТБ *Н. Б. Писаренко*; д-р экон. наук, проректор по учебной работе ХГАЭП *М. И. Разумовская*; канд. техн. наук, начальник отдела управления научно-технического и инновационного развития министерства экономического развития и внешних связей Хабаровского края *Н. Н. Столяров*; член-корр. РАСХН, директор Дальневосточного научно-исследовательского института экономики, организации и планирования агропромышленного комплекса *А. С. Шелепа*.

Первое место присуждено *А. В. Белоусовой*, старшему лаборанту сектора математического моделирования и прогнозирования ИЭИ ДВО РАН, за работу «Оценка влияния параметров регионального вывоза на показатели промышленного производства Хабаровского края», посвященную проблеме оценки влияния совокупного регионального вывоза на рост промышленного производства Хабаровского края, с использованием методики региональной экспортной базы Д. Нортона. Анализ экономики края осуществлялся автором с позиции «двухсекторной» экономики, основу которой составляет базовый сектор, представленный отраслями внешнеторговой специализации. Моделировалась ситуация, при которой развитие промышленности региона напрямую определяется стабильностью доходов в базовых отраслях. Предметом исследования являлась взаимосвязь параметров регионального вывоза и промышленного роста Хабаровского края в условиях действия экзогенных шоков. В работе приведены оценки показателей совокупного регионального вывоза Хабаровского края в 2004—2007 гг., включающего межрегиональные и экспортные поставки; оценены эффекты в промышленном производстве региона для случая улучшения условий торговли в 2007—2008 гг.

Второе место присуждено *Т. В. Ковалевой*, научному сотруднику проблемной на-

учно-исследовательской лаборатории ХГАЭП, за работу «Оценка согласованности экономических интересов в процессах обеспечения инвестиционной привлекательности организаций». В работе предложена методика рейтинговой оценки инвестиционной привлекательности организации с позиции внешнего инвестора, позволяющая определить допустимый уровень делового взаимодействия с ней; полученная оценка инвестиционной привлекательности организаций Дальневосточного федерального округа сопоставлена с типом экономического развития, который предусмотрен в стратегии хозяйствующих субъектов региона, и выявлены негативные тенденции в их развитии; осуществлены идентификация и систематизация сторон, заинтересованных и вкладывающих ресурсы в развитие организации. Основываясь на теории прав собственности, автор разработала методику оценки согласованности экономических интересов сторон — вкладчиков ресурсов в развитие организации. Проведено опробование методики оценки согласованности экономических интересов на исследуемых организациях, результаты которой сопоставлены с полученной оценкой инвестиционной привлекательности; выявлено и обосновано наличие связи между двумя оценками.

Специальной премией конкурсной комиссии и Хабаровского филиала ВТБ за лучшую презентацию научного доклада награждена *Е. О. Скрипник*, старший лаборант сектора народонаселения, занятости и социальных проблем ИЭИ ДВО РАН, за работу «Социально-экономические условия проживания и миграционная мотивация населения Дальнего Востока России». Исследование посвящено выявлению факторов миграционной мотивации населения Дальнего Востока России. Рассмотрено влияние социально-экономических условий проживания на формирование миграционного поведения. Представленный анализ показывает, что демографический кризис Дальнего Востока не может быть преодолен за счет внешней для региона миграции из-за сравнительно неблагоприятных социально-экономических условий проживания в округе относительно других регионов страны.

Дипломами министерства экономического развития и внешних связей Хабаровского края были отмечены пять конкурсантов:

- *С. С. Баушев*, аспирант ИЭИ ДВО РАН, за работу «Формирование черной металлургии на Дальнем Востоке: оценка вариантов и последствий». В работе рассмотрены варианты и параметры формирования черной металлургии на Дальнем Востоке. Оценены параметры данных инвестиционных проектов, а также потенциальные прямые и косвенные эффекты их реализации на экономику регионов ДФО.

- *О. В. Демина*, аспирант ИЭИ ДВО РАН, за доклад «Подходы к оценке факторов спроса на энергию на региональном уровне». В работе проанализирован отечественный и зарубежный опыт моделирования энергопотребления. Выполнен обзор факторов, определяющих энергопотребление в национальной и региональной экономике. Особое внимание уделено анализу ценовой эластичности спроса на энергоносители. Установлена низкая ценовая эластичность спроса на электроэнергию по цене для промышленных потребителей Дальнего Востока за период 2000—2008 гг.

- *А. А. Монин*, канд. экон. наук, старший преподаватель кафедры «Антикризисное управление и оценка собственности» ХГАЭП, за доклад «Совершенствование управления и оценки стоимости недвижимости предприятий, находящихся в процедурах банкротства». Работа посвящена исследованию процесса управления и оценки стоимости недвижимого имущества, предприятий, находящихся в процедурах банкротства. Предложена модель управления недвижимостью промышленных предприятий-банкротов, которая на основании показателя стоимости недвижимости, анализа ее изменения и соотношения различных видов стоимости бизнеса позволяет принять обоснованные эффективные управленческие решения, а также сделать прогноз вероятности банкротства фондоемкого промышленного предприятия.

• *М. М. Потанин*, старший лаборант сектора минерально-сырьевых ресурсов ИЭИ ДВО РАН, за работу «Региональные эффекты реализации крупномасштабных энергосырьевых проектов (на примере Дальнего Востока)». Рассматриваются вопросы оценки региональных эффектов крупномасштабных энергосырьевых проектов на Дальнем Востоке. Устанавливаются основные типы эффектов, генерируемых крупными сырьевыми проектами в региональной экономике. Формулируется понятие «крупномасштабный региональный проект». Предлагается и апробируется инструментальная система по оценке прямых и косвенных (сопряженных и комплексизирующих) эффектов крупных энергосырьевых проектов. Ее особенностью является то, что оценка эффектов эксплуатации энергосырьевого проекта происходит в увязке со структурными параметрами развития хозяйственного комплекса региона и отражает формирующиеся при этом потоки и мультипликаторы.

• *В. Б. Халимендик*, старший преподаватель кафедры «Экономика и менеджмент» ТОГУ, за работу «Определение критериев инновационности предприятий», посвященную разработке методических рекомендаций, позволяющих определить критерии инновационности предприятий. Определение и обоснование критериев инновационности предприятий необходимо для выявления инновационных предприятий на территории Хабаровского края и создания базы данных показателей их инновационного развития. Определение критериев инновационности предприятий осуществлялось с использованием результатов статистического и социологического мониторинга инновационных предприятий Хабаровского края за период с 2000 по 2007 г. В результате разработки критериев инновационности были выделены две категории предприятий, относящихся к инновационной сфере, — это инновационно-активное предприятие и инновационное предприятие. Для каждой категории предприятий были сформулированы критерии инновационности и предложена аналитическая форма обоснования соответствия организации инновационному типу.

Грамотами Объединенного ученого совета по общественным наукам при Президиуме Дальневосточного отделения Российской академии наук отмечены: *О. В. Баландина*, преподаватель ДВГУПС («Пути повышения эффективности функционирования регионального подразделения пассажирского комплекса железнодорожного транспорта России»); *Е. В. Горбенкова*, канд. экон. наук, доцент ВГУЭС, г. Владивосток («Привлечение иностранной рабочей силы — для осуществления стратегических замыслов России на Дальнем Востоке»); *И. Ю. Ливеншин*, ассистент АмГПГУ, г. Комсомольск-на-Амуре («Географические и социально-экономические факторы формирования демографических показателей на территории Хабаровского края»); *С. Н. Мищук*, канд. экон. наук, старший научный сотрудник ИКАРП, г. Биробиджан («Трудовая миграция в приграничном регионе (на примере ЕАО)»); *А. А. Прокофьев*, преподаватель ДВГУПС («Институциональные барьеры реализации стратегии развития малых строительных предприятий в контексте системы подрядных торгов: оценка современной ситуации и взгляд на ближайшую перспективу»).

Грамотами Института экономических исследований ДВО РАН отмечены: *А. Г. Девяткин*, аспирант ДВАГС («Регулирование товарного рынка города Хабаровска как составной части инфраструктурного комплекса муниципального образования»); *Е. А. Заостровских*, аспирант ИЭИ ДВО РАН («Направление совершенствования морских пунктов пропуска на Дальневосточном бассейне»); *А. Г. Исаев*, старший лаборант ИЭИ ДВО РАН («Кластерный подход к формированию полюса роста промышленности Хабаровского края (на примере авиастроительной индустрии)»); *А. А. Новицкий*, старший лаборант ИЭИ ДВО РАН («Оценка факторов динамики энергопотребления Японии в 1973—2006 гг.»); *С. Е. Юн*, аспирант ИЭИ ДВО РАН («Правило ромба» в оценке конкурентоспособности лесопромышленного комплекса Хабаровского края).

В День науки, 8 февраля, губернатор Хабаровского края *В. И. Шнорр* вручил двум победителям конкурса по секции «Экономические науки» и победителям по остальным секциям дипломы губернатора Хабаровского края и денежные премии. Работы победителей будут опубликованы в сборнике победителей XII краевого конкурса молодых ученых, куда войдут работы победителей всех секций. Кроме того, работы всех участников экономической секции будут опубликованы в сборнике материалов конкурса по секции «Экономические науки».

Церемония награждения участников конференции-конкурса по секции «Экономические науки» прошла в торжественной обстановке. Грамоты от Института экономических исследований ДВО РАН и от Объединенного ученого совета по общественным наукам при Президиуме ДВО РАН вручил академик *П. А. Минакир*. Сертификат ВТБ вручила заместитель управляющего Хабаровским филиалом ВТБ *Ю. С. Воробьева*, а дипломы министерства экономического развития и внешних связей Хабаровского края вручил министр экономического развития и внешних связей Хабаровского края *В. Д. Калашиников*.

Академик *П. А. Минакир* в заключительной речи отметил, что общий уровень представленных работ выше, чем в прошлом году, но их тематическое разнообразие беднее. Практически исчезают работы из очень важных сегментов экономической науки, в частности, финансовой экономики. Отсутствие работ по финансовой тематике отмечается уже не первый год, что совсем не укладывается в структурный мейнстрим в области экономической науки. Еще один важный сегмент, в развитии которого конкурсной комиссии хотелось бы видеть более четкую позитивную динамику, — это математическая экономика, экономика математического моделирования, инструментальные методы исследования. Так же как и финансовая экономика, это области очень сильного отставания российской экономической мысли вообще, что, безусловно, имеет свои причины, и во многом эти причины объективны. Но поскольку отставание по этим направлениям фиксируется уже два десятка лет, то *П. А. Минакиру* пришлось констатировать, что пока не удастся привлечь новых людей и увидеть новые результаты по этим направлениям.

Еще одно наблюдение академика *П. А. Минакира* и членов конкурсной комиссии, связанное с изменением тематики конкурсных работ: меньше работ, касающихся собственно региональной экономики, отраслевых рынков, зато больше работ и презентаций, связанных с организационными аспектами деятельности предприятий, на стыке организации и менеджмента, менеджмента и маркетинга. Пока непонятно, то ли это отражает некое новое организационное направление в планировании эксперимента, в экономической науке, то ли такие работы возникают потому, что они легче, чем работы в области мейнстрима экономической науки, которые очень техничны и требуют серьезной подготовки, как общетеоретической, так и математической. Кроме того, конкретные прикладные работы в области реальной экономики невозможно делать без информационных баз, глубокого планирования эксперимента. В связи с этим *П. А. Минакир* отметил, что когда только начинается исследовательская работа, необходимо задуматься о результатах, планировать результаты, это важно и для уже состоявшихся ученых, и особенно для тех, кто еще только учится в аспирантуре, потому как они должны думать и о формальных вещах.

В заключение *П. А. Минакир* напомнил, что в ИЭИ ДВО РАН функционирует Диссертационный совет по защите кандидатских и докторских диссертаций, выпускается журнал «Пространственная экономика», и пригласил всех желающих приходить на консультации и семинары в институте, поскольку институт всегда открыт к диалогу и общению.

А. И. Власюк

Авторы номера

Будажанаева Мэдэгма Цырендоржиевна — аспирант, ГОУ ВПО «Восточно-Сибирский государственный технологический университет». Республика Бурятия, Улан-Удэ. Контактный адрес: тел. +7 (3012) 332-952, e-mail: medegma_@mail.ru.

Власюк Людмила Ивановна — кандидат экономических наук, доцент, заведующая сектором Института экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск, Россия. Контактный адрес: тел. +7 (4212) 225-703, e-mail: vlasjuk@ecrin.ru.

Демьяненко Александр Николаевич — доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск, Россия. Контактный адрес: тел. +7 (4212) 225-404, факс +7 (4212) 225-916, e-mail: demyantenko@ecrin.ru.

Коломак Евгения Анатольевна — доктор экономических наук, доцент, заведующая сектором Института экономики и организации промышленного производства СО РАН. Новосибирск, Россия. Контактный адрес: тел. +7 (383) 330-89-55, факс +7 (383) 330-25-80, e-mail: ekolomak@academ.org.

Краснопольский Борис Хананович — доктор экономических наук, профессор, руководитель представительства Института экономических исследований ДВО РАН — г. Москва. Москва, Россия. Контактный адрес: тел. +7 (495) 135-35-80, e-mail: bkrass2@hotmail.com.

Ласуэн Хосе Рамон — профессор экономики Автономного Университета Мадрида (Autonomous University of Madrid), ассоциированный член Римского клуба (Associate Member of the Club of Rome). Мадрид, Испания.

Минакир Павел Александрович — академик РАН, профессор, директор Института экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск, Россия. Контактный адрес: тел. +7 (4212) 725-225, факс +7 (4212) 225-916, e-mail: minakir@ecrin.ru.

Найден Светлана Николаевна — кандидат экономических наук, доцент, заведующая отделом Института экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск, Россия. Контактный адрес: тел. +7 (4212) 225-663, факс +7 (4212) 225-916, e-mail: nayden@ecrin.ru.

Прокапало Ольга Михайловна — доктор экономических наук, ученый секретарь Института экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск, Россия. Контактный адрес: тел. +7 (4212) 725-226, факс +7 (4212) 225-916, e-mail: prokapalo@ecrin.ru.

Суслов Денис Владимирович — кандидат экономических наук, заведующий сектором Института экономических исследований ДВО РАН. Хабаровск, Россия. Контактный адрес: тел. +7 (4212) 725-225, факс +7 (4212) 225-916, e-mail: suslov@ecrin.ru.

Украинский Вадим Николаевич — старший консультант-аналитик Хабаровской школы управления. Хабаровск, Россия. Контактный адрес: тел. 8-924-303-56-15, e-mail: schtirl@pochtamt.ru.

Хохлова Оксана Анатольевна — доктор экономических наук, доцент ГОУ ВПО «Восточно-Сибирский государственный технологический университет». Республика Бурятия, Улан-Удэ. Контактный адрес: тел. +7 (3012) 211-571, e-mail: hohlova@mail.ru.

Annotations

P. A. Minakir

THE WORLD CRISIS: NATIONAL AND REGIONAL RESPONSES

Responses of the national and regional economies to the crisis processes in 2008–2009 by main macroeconomic indicators are considered. Changes in the dynamic performance of the Russian Far East economy are shown, which do not essentially differ from the modifications of the national trends though having regional specific character.

Crisis, cycle, factors, dynamics, macroeconomic indicators, economy, region, Russia, Far East.

E. A. Kolomak

INTERREGIONAL DISPARITIES IN RUSSIA: ECONOMIC AND SOCIAL ASPECTS

The dynamics of interregional differences in Russia by the following three indicators is analyzed: the gross regional product, monetary incomes of the population, and fiscal capacity. Estimations of σ -convergence and β -convergence for the period of 1995–2007 are used.

Economic growth, Russia's regions, convergence, empirical estimations.

O. M. Prokapalo

SPATIAL DIFFERENTIATION OF THE MACROECONOMIC INDICATORS IN RUSSIA'S ECONOMY

Problems of spatial differentiation in the Russian economy in 2001–2007 are analyzed. Differentiation by main macroeconomic indicators on the level of federal districts and constituent entities of the Russian Federation is shown. The structural changes, as well as changes in the specialization of economies of the RF constituent entities by the type of economic activity have been evaluated.

Spatial differentiation, macroeconomic indicators, spatial distribution of resources, disparities, coefficient of variation, federal district, RF constituent entity.

S. N. Nayden

INTERREGIONAL DIFFERENTIATION OF THE SOCIAL INDICATORS IN THE RF CONSTITUENT ENTITIES

Persistent trends in the dynamics of basic social indicators in Russia's constituent territories are analyzed. Calculations are made and quantitative estimates are obtained of interregional differentiation of the social indicators by federal districts and the country as a whole. The presented analysis shows that despite the reduction of interregional disparities in the indicators of income level of the population, differentiation by the level of consumption of basic foodstuffs, housing conditions and availability of expensive durable goods is being enhanced. At the same time, the level of interregional differences in social services (health care) remains unchanged.

Interregional differentiation, social development, nominal and real income of the population, poverty level, consumption level, level of provision of social services.

José Ramon Lasuén

URBANISATION AND DEVELOPMENT – THE TEMPORAL INTERACTION BETWEEN GEOGRAPHICAL AND SECTORAL CLUSTERS

The article examines the interaction between the economic development theory and spatial economic theory, as well as the structure of research within each of them. Hypotheses are put forward of the formation of sectoral and geographical clusters, and the interactions between them are determined. The role of innovation clusters in the formation processes of sectoral and geographical clusters is shown.

Economic development theory, spatial economic theory, urbanization, sectoral cluster, geographical cluster, innovation cluster, innovation process, hypothesis, factors.

A SUMMARY OF PRIORITY MEASURES IN THE RUSSIAN FAR EAST

The paper outlines a list of measures made according to the general report of the Amur expedition of 1910, including general measures, measures of agricultural colonization, measures of trade and industrial colonization. Estimates of expenses, made by experts, on the indicated activities are given.

Amur expedition, Far East, colonization, priority measures, government support, migration, crafts, industry, agriculture.

O. A. Khokhlova, M. Ts. Budazhanaeva

STATISTICAL EVALUATION OF THE QUALITY OF ECONOMIC DEVELOPMENT OF RUSSIA'S REGIONS

Substantiation is given of a comprehensive approach to the analysis of the territory's condition by three main areas of its development: economic, social and environmental. Presented are methodological foundations of statistical evaluation of the quality of regional economic development, which are based on the use of expert-statistical methods, multivariate methods of classification and dimensionality reduction. An analysis is made of the differentiation of Russia's regions by the quality of economic development.

Regional economy, quality of economic development, socio-economic differentiation of regions, model of territorial development, multivariate statistical analysis, expert-statistical method.

B. Kh. Krasnopolsky

SPATIAL SCIENCES AND THEIR ROLE IN STUDYING SPATIAL FORMATIONS ECONOMICS

Characteristic is given of conceptual issues of the so-called "spatial sciences" and opportunities for using their methodological tools and techniques to conduct interdisciplinary research in the field of spatial economics. Ways are determined to coordinate the conceptual approaches of these disciplines based on a single subject of research in order to further conduct specific research activities to improve the spatial development of the national economy.

Spatial science, spatial economics, research areas, methodology and techniques, research tools, theoretical and practical results.

Правила для авторов

Журнал принимает к публикации: • научные статьи объемом до 40 000 знаков, включая список литературы, таблицы и рисунки с подрисуночными подписями; • научные сообщения объемом до 10 000 знаков; • рецензии на книги и статьи; • хронику важнейших событий научной жизни; • очерки по истории экономической теории; • переводы научных статей, опубликованных на иностранных языках.

Материалы для публикации представляются в редакцию в электронном виде на русском или английском языке. Все поступившие в редакцию статьи проходят рецензирование. Рецензии направляются авторам по электронной почте. Редакционный вариант статьи, подготовленный к печати, представляется автору на согласование.

Титульный лист статьи должен содержать следующие сведения: индекс УДК; название статьи (на русском и английском языках); имена, отчества и фамилии авторов.

Сведения об авторе включают имя, отчество и фамилию автора, ученую степень и звание, должность, полное название учреждения, город, страна; контактный адрес для опубликования в журнале: телефон, факс, электронный адрес.

Перед основным текстом статьи помещается резюме объемом не более 500 знаков. Далее следуют 3–8 ключевых слов или словосочетаний, включающих не более трех слов каждое.

Формат представляемых материалов должен соответствовать следующим требованиям: текстовые материалы форматируются применительно к листам формата А4. Используется шрифт Times New Roman (нельзя использовать Times New Roman Cyr) 12 размера, через полтора интервала.

В тексте должны обязательно содержаться ссылки на все таблицы и рисунки. Дублирование одних и тех же данных в тексте, рисунках и таблицах недопустимо.

Таблицы нумеруются сквозными через всю статью номерами. Все таблицы должны иметь названия. Под каждой таблицей обязательно помещается ссылка на источник(и) данных.

Источники публикаций, на которые делаются ссылки, должны быть сверены с оригиналами и приведены под заголовком «Список литературы» на отдельном листе алфавитным списком.

Ссылки на литературу в тексте даются в квадратных скобках. Напрямую цитированный текст заключается в кавычки. В этом случае в скобках помимо номера источника указываются номера страниц: [9, с. 6]. Если в одних квадратных скобках несколько ссылок, то они разделяются точкой с запятой.

Правовые вопросы. Предоставление автором статьи в редакцию журнала рассматривается как заключение договора в устной форме о передаче издателю права на использование своего произведения (п. 2; ст. 1286; ГК РФ) в печатном и электронном виде: распространение, переработку, публичное использование, доведение до всеобщего сведения, переуступку на договорных условиях частично или полностью права третьим лицам.

Плата за публикацию рукописей не взимается.

По всем вопросам, связанным с опубликованием в журнале материалов, подпиской на журнал, необходимо обращаться по контактным адресам:

680042, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 153,
Институт экономических исследований ДВО РАН.
Отв. секретарь Людмила Альфредовна Самохина
Тел. +7 (4212) 226-053, e-mail: samokhina@ecrin.ru.
Редакция журнала
Тел. +7 (4212) 226-053, e-mail: redaktor@ecrin.ru.

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Журнал «Пространственная экономика» объявляет подписку на 2010 год.

Периодичность выхода журнала — 4 номера в год. В стоимость входит почтовая доставка. Подписка возможна с любого номера.

Стоимость подписки, руб.	Годовая	Полугодовая	Одного номера
	1 180	590	295

Подписка принимается во всех отделениях связи по каталогу «Газеты. Журналы» ОАО Агентства «Роспечать». Подписной индекс 19424.

Приобрести отдельные номера журнала (с 2005 г.) «Пространственная экономика» можно через редакцию журнала.

Для этого необходимо заполнить бланк-заказ* и прислать по указанным контактным адресам:

- 680042, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 153,
Институт экономических исследований ДВО РАН
- e-mail: samokhina@ecrin.ru; redaktor@ecrin.ru
- факс +7 (4212) 225-916 (с пометкой «для редакции»).

БЛАНК-ЗАКАЗ*

Журнал «Пространственная экономика»

№№ _____ год _____ количество комплектов _____

Наименование организации (полностью) с указанием реквизитов _____

ФИО (полностью) _____

Местонахождение: почтовый индекс _____ область (край) _____

город _____ ул. _____

дом/корп. _____ квартира _____

тел. _____ факс _____ e-mail _____

Адрес почтовой доставки: _____

* Образец бланка-заказа см.: <http://www.ecrin.ru/files/subscription.pdf>.

Ответственный за выпуск *Л. А. Самохина*

Редактор *Л. А. Самохина*
Помощник редактора *А. И. Бобровникова*
Корректор *Т. В. Киевская*
Переводчик *М. Ю. Баушева*
Дизайн обложки *А. В. Капитулин*

Сдано в набор 01.02.10. Подписано к печати 05.03.10. Формат 70x100 1/16.
Бумага писчая. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,60.
Уч.-изд. л. 11,90. Тираж 1000 экз. Заказ 146. Цена свободная.

Адрес издателя: 680042, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 153,
Институт экономических исследований ДВО РАН.
Тел. +7 (4212) 225-916, факс +7 (4212) 225-916, www.ecrin.ru.

Адрес редакции: 680042, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 153.
Тел. +7 (4212) 226-053, e-mail: redaktor@ecrin.ru.

Отпечатано в КГУП «Хабаровская краевая типография»
680038, Хабаровск, ул. Серышева, 31.